И один в поле воин

Народный печальник, апостол трезвости
отец Александр Рождественский

По благословению
Высокопреосвященнейшего Владимира,
митрополита Санкт-Петербургского
и Ладожского

Народный печальник. Апостол трезвости. Светильник, горящий во мраке безнадежной ночи. *Старец по духу* (выражение современников) уже в тридцать лет.

Кто он, и почему с годами не ослабевает интерес к этой выдающейся личности?

Эта книга рассказывает об удивительном петербургском священнике, основателе Всероссийского Александро-Невского Общества трезвости, издателе книг для народа Александре Васильевиче Рождественском (1872-1905). Вся его короткая самоотверженная жизнь, всецело отданная простому народу, есть исполнение божественной заповеди любви.

ISBN 978-5-8205-0154-8

Доброму пастырю, душу свою полагающему
За вся своя овцы словесная,
Каждый день к Богу
с сердечной мольбой прибегающему
Вселить их в жилища небесные.

Александру Васильевичу Рождественскому

В день ангела его сердечные приветствия
И к Богу теплые о нем мольбы,
От многотысячной простых людей толпы,
Им отвращаемых от пьянства злого бедствия.

Хоть для наших очей
Мало светлых лучей –
Больше туч, мглы и тьмы непроглядной,
Но и в этой поре
Есть для нас в ноябре
День торжественный, сердцу отрадный.
Вот уж он настает
И в сердца наши льет
Мир и радость обильной струею,
С распростертой душой
Его встретить большой,
Братской, дружной стеклись мы семьею.

В этот день святый князь
Александр Невский, наш
Русский мудрый правитель и воин,
Кончил жизнь на земле
И за труд свой в числе
Всех святых вечных благ удостоен.
Всемогущий Господь
Его чистую плоть
Спас от тленья, взяв душу на небо,
Дал ей мощь, чтобы тот,
Кто к ней с верой придет,
Получал все, в чем будет потреба.

Вот и грешные мы,
Жертвы злой кутерьмы,
В винопийстве, как звери блуждали;
Горький плач, вопль и стон
Детей, старцев и жен
В нас не милость, но гнев возбуждали.
Ум и чувства свои
Не для блага семьи
У нас были направлены, чтобы
Обеспечить ее –
Нет, мы мнили свое:
Как бы водкой насытить утробы.
Весь свой скарб, все гроши,
Все святое души
Погреблось на дне в пьянстве злодейском.
И как брошенный челн
Средь бушующих волн,
Мы носились в сем море житейском.

Но восстал иерей,
Для спасенья скорей,
Подал нам свою мощную руку,
Сказав: братья, за мной!
И мы бурной волной
Понеслись к его дивному звуку.
Не губя даром слов,
Он нам в щит и покров,
Умолил Александра святого,
Что на невских брегах
Поразил врагов в прах,
Извращавших ученье Христово.

...Мы прогнали легко,
От себя далеко,
Злое пьянство в презренье суровом.
И теперь этот враг,
Ведший прежде нас в мрак,
Нас не льстит, но противен стал даже.
О! моли ж Бога вновь
За российских сынов,
Как молил ты всегда, святой княже.
А другому, что нам,
Как духовным сынам,
Много сделал добра, мы желаем:
Жить средь нас много лет,
Не знать горя и бед,
И сердечный привет посылаем.

Приими ж, наш отец,
Любовь многих сердец

И потщись на грядущее время
Из них зло исторгать,
В них, как прежде, влагать
Любви к Богу и ближнему семя.

От благодарных выборных наблюдателей и членов
Александро-Невского Общества трезвости

Санкт-Петербург, 1901-й год,
день памяти святого Александра Невского

Часть первая

Светильник горящий и светящий

Народный печальник

Невозможное человекам возможно Богу

Еще при жизни – краткой, как вспышка молнии! – этот молодой петербургский батюшка завоевал любовь десятков тысяч людей. Излучающий любовь, с летящей походкой – он всегда спешил кому-то на помощь – неутомимый и деятельный. В разных концах необъятной России благословляли его светлое имя.

Современники признавались: он владел тайной потрясать сердца людей до глубины души. Седовласые мужи с полной искренностью именовали его, годящегося им в сыновья – *отец*...

Воистину, он и был отцом всем страждущим, угнетенным, обездоленным.

Александр Васильевич Рождественский...

Народный печальник. Апостол трезвости. Светильник, горящий во мраке безнадежной ночи. Пастырь добрый, к которому современники благоговейно притекали с тою же великой надеждой, что и к небесному его покровителю, князю Александру Невскому.

Кто он, и почему с годами не ослабевает интерес к этой выдающейся личности? Ответ, яркий

и убедительный, дает сам подвижник в программной статье основанного им журнала „Отдых христианина“:

„Честно и талантливо описанная жизнь имеет вдохновляющее значение и действие на читателей. Она показывает, какое употребление можно сделать из жизни. Она ободряет наш дух, оживляет наши надежды, дает нам новые силы, увеличивает наше мужество и усиливает веру – веру в других и веру в самих себя. Она побуждает нас к деятельности. Жить с такими людьми, читая их жизнеописание и чувствуя себя под вдохновением их высоких примеров – значит вращаться в избранном обществе“.

Отец Александр священствовал в переломные, предреволюционные годы и в полной мере ответил на вызовы своего времени. Его окружала та же, что и нас, „проклятая действительность“. В высших слоях общества – безбожие тайное и явное, жажда обогащения любой ценой, преступное равнодушие к меньшей братии. Смута на всех этажах государственной власти, всесилие подкупа и взятки, произвол чиновников.

И полное бесправие простого народа – опоры государства, тела Церкви. От безысходности и отупляющей нужды „бедные люди“ предавались горькому пьянству, а спаивали их столь же беспощадно и хищнически, как сводили под корень заповедные леса.

И мельчал, вырождался народный лес...

Но восстал иерей для спасенья скорей...

Что может противопоставить один человек, даже незаурядный, целой махине – армии откупщиков, кабатчиков, трактирщиков, спаянной жесткой круговой порукой? Свои алкогольные диверсии против русского народа они тщательно планировали и последовательно проводили в жизнь. Взывать к христианской совести губителей народного будущего? Бесполезно. Как правило, они были инородцами, и судьба народа Божьего их не заботила.

„Он не критиковал и не судил жизнь, отрицательные стороны которой ему были яснее, чем кому другому. Он переделывал ее по-своему, он облагораживал и одухотворял ее вокруг себя, он клонил ее туда, куда хотел. Интересно, что этот великий практик уклонялся от теоретических обсуждений; его дело было выработать планы жизни и деятельности и немедленно их воплощать.

Он мне рассказывал, что в тот день, когда ему, по случаю поста, пришлось первый раз в жизни исповедовать народ, он из церкви еле дошел домой и почти без чувств повалился на кровать. Ему хотелось кричать криком от невыносимой внутренней боли. Пред ним разом обнаружилась вся бездна человеческого порока, все-то зло, какое гнездится и душе человеческой".

Из воспоминаний церковного писателя Е. Поселянина

Другой современник отца Александра Рождественского протоиерей Стефан Остроумов подмечает:

„В нем не было гамлетовского колебания, он не приноравливался к наличным условиям, но переделывал их. Этого же искал он и в других".

Итак, чрезвычайный идеалист, романтик, даже мечтатель – и одновременно великий практик, у которого дело всегда опережало слово. Как соединялось, на первый взгляд, несоединимое? Непостижимой силою Божьей.

Е. Поселянин: „Он мог действовать, потому что в душе его жила необоримая, живая вера в несколько великих духовных сил: в верховную силу добра, в силу таинств православной Церкви, в силу церковной проповеди, в силу печатного слова".

Спешил делать добро

Отец Александр Васильевич Рождественский родился 11 октября 1872 года в фабричном селе Орехово Владимирской губернии, от благочестивых родителей протоиерея Василия Матвеевича и Анны Владимировны Рождественских.

Уже само рождение его было необычайно и знаменовало нечто особенное.

„Мой сын вечно спешил... – вспоминал впоследствии отец Александра Рождественского, – словно знал, что ему назначено немного лет жить на земле, но много сделать. Он и на свет-то явиться поспешил, родился за два месяца до естественного срока. В вате на простой русской печи мы его отогревали несколько месяцев, опасаясь самого худшего. Но сила Божия в немощи совершается: мальчик остался жить".

Он был сначала хилым и болезненным, вечно боявшимся простуды и необыкновенно нервным. Очень любил природу, часто уединялся в саду, в поле, и здесь, среди зелени и цветов, чувствовал себя совершенно счастливым.

Начальное воспитание Александр получил, конечно, от своих благочестивых родителей и рос

в обстановке жизни священника старого времени: в праздники все члены семейства ходили в храм, рано вставали к заутрене, в доме пред иконами горели лампадки, соблюдались не только установленные посты, но и обычные среды и пятницы.

У маленького Саши постепенно вырабатывался характер, всех и каждого трогавший своей отзывчивостью и беспредельной сердечностью.

Когда он играл в кругу своих товарищей, был очень уступчив, старался всем угодить и никогда не искал среди них первенства; с удовольствием раздаривал свои игрушки и вещи.

Сиротство, нищета, горе и несправедливость трогали мальчика до слез. На развитие этой стороны душевной жизни ребенка оказала громадное влияние его добрая мать.

Это была чудная женщина; таких мало бывает на свете. Ее золотое сердечко отзывалось на горе и страдание ближнего. Анну Владимировну до глубины души могли потрясти слезы каждого, даже совершенно незнакомого ей человека. Ее взор светился безграничной лаской и приветливостью. В разговоре просвечивали простота и безыскусственность. С первого же момента она производила дивное впечатление, чаровала своей простотой и предоброй душой, и это обаяние при дальнейших встречах не уменьшалось, а наоборот увеличивалось, нарастало с каждым ее добрым словом, ласковым движением.

На мать отца Александра буквально молилась вся прислуга в доме. В ней не видели госпожи,

барыни, а замечали только доброе, отзывчивое сердце, чисто материнскую к себе любовь...

Эту-то сердечность, беспредельную отзывчивость на людские страдания и заимствовал от матери отец Александр. Только в нем самом это чувство любви к ближнему развилось еще больше, окрепло. И причиной послужила избранная им духовная дорога...

Живой, впечатлительный мальчик с необыкновенно чутким сердцем мог ли остаться равнодушным к урокам Божьего Слова? Таившаяся в его сердце искорка любви нашла ответный пламень в Христовом Евангелии.

Если мать Саши можно было назвать человеком сердца, то отец отличался необыкновенной твердостью и непреклонной волей. Он был – владыка дома. Все желания его спешили предупредить. Отца любили горячо, беззаветно – и в то же время уважали до какого-то благоговейного страха пред ним... Да это и понятно: он был выше всех по уму, по своему положению.

И от отца Александр получил в наследство твердость в достижении задуманного дела, недюжинный ум и так поражавшую всех неутомимость.

Мальчик отличался необыкновенной резвостью. Он был инициатором всех детских невинных шалостей, главарем сельских мальчуганов и при том всеми любимым, обожаемым. Его шалости не носили злого характера, и все в селе знали его чистое сердце и святую, добрую душу. Сашу зазывали в свои дома заводские рабочие, и здесь во время

долгих, задушевных бесед он знакомился с трудящимся людом, его радостями и горестями.

Орехово стоит на реке Клязьме, на границе Владимирской и Московской губерний. Благодаря фабрикам известных Саввы и Викулы Морозовых это село приняло размеры города. Одних рабочих насчитывалось в нем десятки тысяч.

В величественном храме села Орехово протоиерей Василий Матвеевич Рождественский, отец будущего подвижника, прослужил много лет. Мальчик Александр ежедневно наблюдал весь уклад и домашний быт рабочего населения, видел его беспросветную нужду и ужасающее пьянство.

Вся главная улица Орехова, идущая от фабрик к церкви, была занята лавками, трактирами и кабаками. В праздник невозможно было пройти здесь, чтобы не натолкнуться на группы пьяных фабричных. Впечатления детства обычно самые глубокие. Крики, сквернословие, драки возмущали душу впечатлительного мальчика. Он слышит, как его отец борется с пьяным разгулом, как часто в храме умоляет своих прихожан вести трезвую жизнь. Немудрено, что уже тогда у Саши зародилась мысль отдать себя на служение этому несчастному люду.

На борьбу с мраком

Девяти лет от роду Александр поступил во Владимирское духовное училище, а по его окончании – во Владимирскую духовную семинарию. Здесь пылкий юноша все больше духовно укреплялся и расцветал в тот пышный цветок, который впоследствии так недолго, но зато так чудно благоухал на ниве Христовой.

Товарищи по ученью с любовью вспоминают: Сашу всегда видели, подобно кроту, роющимся в книгах училищной библиотеки и, подобно пчеле, вбирающим в себя отовсюду медок знания.

Пребывание в библиотеке было для Саши любимым отдыхом от занятий. Заберется, бывало, туда и роется в шкафах. Кажется, все книги переберет, пересмотрит... А зададут какое-либо сочинение – у Саши уж в одну ночь подысканы все необходимые источники.

В праздники он любил посещать семейство преподавателя Духовного училища В.Т. Георгиевского, который состоял библиотекарем и деятельным сотрудником Александро-Невского Владимирского братства.

Семейство это оказывало Саше самый радушный, ласковый прием.

Лишь только входил он, к нему с радостными возгласами бросались маленькие дети.

– Саша... Саша... Еще... еще расскажи, – цепляясь за него ручонками, просили они.

И Саша, поздоровавшись со старшими, садился на диван, целовал по очереди каждого ребенка и начинал рассказывать... Рассказы его были просты и задушевны. Темами служили трогательные жития святых, повествования из жизни первых христиан.

В этом же семействе Саша знакомился с деятельностью Владимирского духовно-просветительского Александро-Невского братства. С горячим интересом просматривал он все отчеты братства, которые хозяин дома составлял на его глазах, и целыми часами беседовал с ним. Он впоследствии сам говорил, что именно Владимирское братство подало ему первую мысль основать в Петербурге Общество трезвости того же наименования.

В.Т. Георгиевский вспоминал: „В юности Александра я видел задатки того пламенного огня, который так ярко разгорелся в нем затем в пору мужества. Прошли годы. Я восторгался его пламенно-восторженными гимнами в честь преподобного Серафима Саровского на торжестве открытия мощей, умилялся его сердечной проповедью в церковном доме при громадном стечении рабочих зимой 1904 года. Я видел всю силу его дарований и радовался, что Господь дает еще таких людей нашей Церкви, нашему народу...“

В занятиях Александр был чрезвычайно усидчив и настойчив, по успехам шел первым, первым и окончил семинарские науки.

Среди товарищей Саша пользовался всеобщей любовью. Более деятельного, более подвижного воспитанника в то время не было в семинарии. Сашей устраивались различные прогулки, пикники, организовывались вечеринки, концерты. Ему уже тогда очень нравилось сплачивать людей вокруг себя в один тесный кружок, единодушную семью.

Он страстно любил пение и в частых прогулках нередко говорил товарищам:

– А что, братцы, не спеть ли нам?!

– Споем... споем, Саша! – весело отзывались они и как-то загадочно улыбались. Начиналось пение... Но Саша, к своему великому несчастью, не обладал ни голосом, ни слухом. Оставаться же безучастным ему не позволяла подвижность натуры. И Саша пел, но при этом фальшивил немилосердно.

Но все это у него выходило так просто, так хорошо, что товарищи не могли налюбоваться на безголосого Сашу... Они ласково, добродушно улыбались ему...

Вина Саша никогда не пил.

Товарищи ни за что не могли склонить его выпить хоть одну рюмку водки.

– *Кровью* пахнет, – говорил он, отстраняя предлагаемую рюмку.

– Как *кровью*?! – непритворно изумлялись те.

– Так... Много из-за водки пролито *крови*... много драк, убийств... Ну и пахнет... Не могу пить!..

Несмотря на свою постоянную трезвость, Саша не мог не принимать участия в дружеских пирушках. В этих случаях он исполнял самую неблагородную, прозаическую работу, был у товарищей и за лакея, и за хорошую, заботливую хозяйку...

Глядя на подвижного, всегда чем-нибудь увлекающегося юношу, нельзя было и подумать, что он изберет себе духовную дорогу.

Один из его близких друзей по семинарии вспоминает:

„Однажды мы с Сашей проспорили всю ночь. За горячими дебатами и не заметили, как подкралось утро. На востоке играла заря. Но спать еще не хотелось, и мы отправились в поле подышать свежим воздухом, проветриться, освежиться.

В воздухе было тихо... тихо...

Занимался чудный летний день.

– Смотри, – вдруг окликнул меня Саша, – смотри, как красиво разгорается утро, как оно борется с тьмой и победно торжествует над ночным мраком! Не то же и в жизни? И там не такая же борьба добра со злом, мрака со светом... И как нужны теперь борцы за свет и правду! Знаешь, что: я пойду в священники... – вдруг совершенно неожиданно для меня закончил, как бы оборвал мой Саша.

Я изумленно открыл глаза...

– Да что ты, Саша, опомнись!.. – вскричал я, – какой ты священник!

– Нет, друг... Я решил... Слышишь... решил навсегда.

Но я не поверил этому и перевел разговор на совершенно другую тему. В моем сознании как-то трудно укладывалось ходячее тогда представление о необходимой будто бы степенности и сановитости священника с юркой, подвижной фигуркой моего друга...“

В северной столице: огонек живого дела

Еще во Владимире будущего подвижника тянуло в северную столицу.

– Вы и представить себе не можете, как страстно хочется мне в милый Петербург, – говорил он нередко своим товарищам.

– Почему?! – удивлялись те. – Не все ли тебе равно, пошлют ли в Москву, Киев, Казань?

– Нет... нет, – восклицал он. – Там жизнь бежит быстрее... Там люди не прозябают, а горят на своем деле...

В 1893 году Александр поступил волонтером в Санкт-Петербургскую духовную академию. В тот год Владимирская семинария не получила запроса из Петербурга. Семинарское начальство предлагало лучшему выпускнику ехать на казенный счет в другие академии, но он отказался от всех назначений. Только в северную столицу!

– Туда, туда, где много дымящихся фабричных труб, – говорил Александр. – Там грохот колес и лязг металла глушат духовную сущность человека, стирают у него образ Божий. Там нужны работники, живые люди. Там много горя народного... там люди – камни... Поработаем!

Еще будучи студентом Петербургской духовной академии, Александр Васильевич с радостью ухватился за предложение Общества религиозно-нравственного просвещения проповедовать среди рабочих. Он охотно посещал фабрики и заводы и своим горячим, искренним словом привлекал к себе толпы рабочего люда.

Более неутомимого, более деятельного студента в то время не было в академии, и огонек живого христианского дела отца Александра начал разгораться.

В 1897 году Александр Васильевич Рождественский прекрасно оканчивает Академию со степенью кандидата богословия и поступает священником к Воскресенской церкви Общества религиозно-нравственного просвещения в местность глухую и пьяную, где царил бесшабашный разгул, беспробудное пьянство. Выбор был сделан неспроста: церковь находилась вблизи Варшавского вокзала, в районе, населенном фабрично-заводским и мелким торговым людом.

Молодому батюшке было всего 23 года.

„Местность близ Варшавского вокзала весьма удалена от приходских церквей, – сообщал в 1894 году правящему архиерею, митрополиту Санкт-Петербургскому Палладию (Раеву), протоиерей Философ Николаевич Орнатский, председатель Общества религиозно-нравственного просвещения. – Между тем, здесь находятся два вокзала со значительным числом служащих и рабочих, фабрики и заводы,

расположенные по набережной Обводного канала, с их многочисленными рабочими, и, наконец, городские скотобойни (ныне известное предприятие „Петмол“ – *изд.*), которые, несомненно, с ростом города и увеличением его населения будут тоже расти и требовать большого числа служащих.

По праздникам трудно бывает попасть в церковь тому, кто приходит не к самому началу службы.

На религиозные беседы народ, ищущий духовного назидания, устремляется тысячами...“

Известный церковный писатель Е. Поселянин рисует такую мрачную картину:

„Есть в Петербурге унылый квартал, наводящий на меня после привычных нарядных улиц столицы самое скверное настроение всякий раз, как я по нему проезжаю. Это – Обводный канал в части у Варшавского и Балтийского вокзалов, с упирающимися в него проспектами.

Тут летом ветер носит облака пыли от берегов некрасивого, необделанного канала; из ворот выбегают грязные ребятишки; из портерных, покачиваясь, выходят рабочие навеселе, так как это квартал простого трудящегося населения.

Много его тут. Разные заводы, и громадное количество служащих на линиях Варшавской и Балтийской железных дорог. Многие из них после трудовой недели застрянут в кабаке и выйдут из него, пропившись до последней нитки и утратив всякий намек на образ Божий...“

Но словно не замечал всех этих ужасов жизни молодой пастырь Александр Рождественский.

– Какой благодатный уголок! – искренне восхищался молодой пастырь своим местом. – Здесь есть над чем потрудиться... Непочатый край дел. Лишь бы хватило сил...

И подвижник ничуть не лукавил. Душевные немощи народа заставляли его глубоко страдать. Чтобы внести луч света в сломленные, объятые мраком души, чтобы побороть эту власть зла, – он и отдал без остатка всю свою молодую ревность.

Он не был из тех деятелей, которые любят простой народ отвлеченно, кабинетно.

Батюшка более, чем кто другой, понимал, как удивительно сложен русский человек и как непостижимо уживаются в нем одновременно несколько ничуть не схожих настроений.

Он не идеализировал народ, не закрывал глаза на его недостатки, любя его той умной, прочной любовью, которая прекрасно видит все дурное в любимом существе, прощая ему это дурное за все, что есть в нем благого.

„Мы любим проливать слезы сочувствия над меньшим братом, – восхищается его соработник в деле народного просвещения Е. Поселянин. – Но кто из нас на деле служит ему? Кто решится проводить в постоянном общении с ним четверть своего дня, сосредоточить все усилия, все напряжение ума на том, как бы внести побольше света и тепла

в ограниченную, однообразную, часто нездоровую жизнь простолюдина.

Мы умиляемся, когда в прекрасном зале, залитом электричеством, талантливый оратор читает нам про доктора Гааза, отдавшего жизнь каторжникам. Но в ком из нас умиление это проходит так далеко, чтобы заставить хоть в чем-нибудь подражать этому человеку...“

Благовест над „Варшавкой"

Отец Александр задумал и совершил громадное, бессмертное дело: 30 августа 1898 года его попечением при Воскресенском храме у Варшавского вокзала рождено было *Александро-Невское Общество трезвости*, в память святого благоверного князя Александра Невского.

В день открытия в его члены было принято 151 человек, через год – более 3000, через семь лет – свыше 70000 членов!

Закономерно, что колыбелью народной трезвости стала именно „Варшавка", как любовно и породственному называли церковь окрестные жители: здесь рабочий люд чувствовал себя как дома.

„Новое общество трезвости понимало под трезвостью не одну частичную добродетель воздержания от спиртных напитков, но целостное христианско-органическое начало жизни, приводящее в гармоническое сочетание все творческие силы человека и предохраняющее его от пьянящего подавления темными силами", – лаконично сообщал устав трезвенников.

Иными словами, не просто отказ от пьянства, но преображение всей жизни в духе Христовом.

Как точно сказал в своем напутствии новым членам преосвященный Иннокентий, епископ Нарвский:

„Это – ваш дар Церкви, не вещественный, а духовный, многоценный пред всевидящим Господом. От воздержания тела восходите к трезвости духа, от бодрости физической шествуйте к бодрости душевной среди скорбей и испытаний жизни".

„Как благовест, разнесся над Петербургом призыв к трезвости, и началось народное паломничество на „Варшавку". Народ как-то сердцем почувствовал своего батюшку, имя его стало чрезвычайно популярным в народной бедной массе. Горькие, до последней степени опустившиеся, потерявшие облик человеческий алкоголики шли к отцу Александру за его молитвой, поддержкой и утешением; страдалицы-женщины вели своих несчастных, ослабших от вина мужей, сыновей.

Какая неказистая, грязная, обтрепанная толпа наполняла, особенно в праздничные вечера, Воскресенскую церковь. В ком бы не вызвала она брезгливости, недовольства, презрения! Но истинный народник Александр Васильевич был с этой толпой чрезвычайно нежен, бесконечно терпелив: он глубоко верил в возможность исправления и обновления людей.

Неподражаемо умел говорить с народом Александр Васильевич, умел коснуться сердца, воодушевить... Для многих эти задушевные беседы и живая искренняя молитва отца Александра были

минутами чрезвычайного подъема духа, минутами просветления...

Народ, как высохшая, растрескавшаяся почва, жаждет воды живой, ждет утешения веры, молитвы и живого слова.

И немало из приходящих оставляли свою страсть: из безнадежных пьяниц становились трезвыми людьми, хорошими работниками, прекрасными семьянинами. Русь пробуждалась..." – рассказывал современник подвижника, отец Евгений Кондратьев.

„Его нам Бог дал..."

„Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся" (Лк. 12, 49).

Отец Александр получил в дар от Господа искру этого Божественного огня. Яркой свечой пламенел подвижник, повсюду рассеивая мрак народной темноты и согревая исстрадавшиеся души. Не для того ли, чтобы зажглись от него другие огни, чтобы за ним вышли другие работники на осиротевшую ниву народную?

„Он был светильник, горящий и светящий, а вы хотели малое время порадоваться при свете его" (Ин. 5, 35), – современники часто вспоминали эти евангельские слова, оценивая труды и подвиги отца Александра Рождественского.

– Его нам Бог дал, – с душевным облегчением обыкновенно говорили об отце Александре исстрадавшиеся жены пьяниц, вдовы и сироты.

Они горячо любили своего отзывчивого и ласкового батюшку и при одном его появлении бросались наперебой за благословением. Когда случалось пастырю по дороге встречаться с кем-либо из несчастных рабов пагубной страсти винопития, на лице несчастного, еще не нашедшего в себе силы

произнести обет трезвости, появлялась светлая улыбка или выражение раскаяния. Он усердно кланялся отцу Александру и выжидал, не скажет ли ему батюшка ласкового слова, не ободрит ли, не заставит ли в покаянии прослезиться. Надежда обычно не обманывала беднягу. Отец Александр останавливался и вступал с ним в беседу, которая иногда затягивалась надолго, привлекая целую толпу таких же несчастных...

Да, Сам Господь даровал страждущему народу бескорыстного печальника и заступника в смутное, лукавое время! Именно тогда, „когда нужда и горе народное достигло крайних пределов, когда заветы Христовы отодвинуты на задний план и правилом жизни поставляется эгоизм и пожирание друг друга, когда для раздираемого и стесняемого со всех сторон Царства Божия и правды его на земле требуются верные стражи...“. На переломе эпох отец Александр начал свое святое служение.

„Он видел людей, созданных по образу Божию, бездыханными вытаскиваемых из рек и каналов; сердце его разрывалось при виде пьяных, как трупы, валяющихся среди улиц столичного града, и тем в большем числе, чем больше был праздник Господень; он не мог равнодушно переносить горя горького несчастных жен и детей пьяниц. Гнев и жалость к ним теснились в его сердце, и стояла пред глазами его картина Страшного суда. *„Тот велий в Царствии Божием, кто сотворит и научит“ (Мф. 5, 19).* И он влечет недужных к образу святого Александра

Невского, чтобы они дали обет трезвости пред святым крестом и Евангелием, молится с ними", – вспоминал позднее о своем духовном сыне будущий новомученик, протоиерей Философ Орнатский.

Частая исповедь и Причастие были у отца Александра главными средствами. Свою работу он совершал под покровом православной матери-Церкви, в строгом соблюдении ее законов. Ни одна обедня у „Варшавки" не проходила без причастников.

Семейная жизнь отца Александра была счастлива. Долго не было детей, и он в Сарове, во время торжеств прославления старца Серафима, на которые был командирован для проповедования, горячо молил старца о даровании ему детей. У него родился сын Алеша. Личным примером батюшка учил чад своих как следует превыше всего беречь семью – этот малый храм.

„Удивительная простота в обращении с народом при строгом соблюдении пастырского достоинства, всегдашняя готовность войти в „убогую" душу человека со словом любви и ободрения, уменье подать руку помощи, искусство направить прежнего грешника на путь спасения и добродетели, укрепить его волю в добре, дать, наконец, даже материальное пособие человеку, или чаще предоставить выгодную работу где-либо на фабрике, на заводе, в частном доме – все это влекло народ к отцу Александру. Он верил в великое будущее русского

народа, который любил всем сердцем, верил в возможность духовного возрождения даже этих несчастных жертв фабричного быта, которых загубила столичная жизнь вместо того, чтобы накормить и с заработком отпустить в родную деревню, где с нетерпением их ожидает голодная и больная семья".

Из воспоминаний Н. Пальмова

Божий порядок

Бедный деревянный храм-барак вдруг принял вид благолепно обставленной духовной врачебницы, куда тысячи труждающихся, обремененных и страждущих потянулись отовсюду, как тянутся тепличные растения к весеннему солнышку...

– Пойдем в храм, что у Варшавки. Он зимой холодноват: деревянный, но в нем душа согревается благодатью; в нем чуется присутствие животворящей и всеисцеляющей силы Божией...

Так говорили жители вероломного, закопченного Петербурга.

Это было царство евангельской истины, которую принес и возвестил в этом темном углу молодой батюшка отец Александр.

Богомольцами „Варшавки" стали, в основном, фабричные труженики. Часть их работала в мастерских Варшавской железной дороги, другие на вагоностроительном заводе Речкина за Московской заставой, третьи – на резиновой фабрике Российско-Американского Общества, четвертые были с Митрофаниевской мануфактуры, остальные же с мелких окрестных фабрик и мастерских по Обводному каналу. Бывали у „Варшавки" богомольцы и с Васильевского острова, Петербургской стороны и Охты.

Вечернюю службу здесь начинали позже, чем в других церквях. Работы на фабриках и заводах заканчивались лишь к семи часам вечера, и с этого времени храм наполнялся богомольцами. Они знали, что если не застанут службы, то непременно поспеют на духовную беседу.

Какая могучая сила так влекла их сюда?

„Что-то особенное было в этом деревянном храме – бараке с чрезвычайно простою отделкой. Мне приходилось бывать там лишь к концу вечерних богослужений, и всякий раз я чувствовал там биение религиозной жизни. Многие молитвы пелись всем народом. И, стоя в глубине полуосвещенной церкви, перегороженной на три части тремя рядами колонн, на которых висят обширные верхние хоры-палаты для молящихся, я приглядывался к фигурам этих тружеников, сошедшихся сюда после трудового дня и заканчивающих этот день таким высоким и отрадным образом..." – делится своими переживаниями Е. Поселянин.

Воистину, с первых дней существования это был в полном смысле народный храм. В нем и в церковном доме постоянно толпится народ – взрослые и малые дети; то они за богослужением или беседой, то в школе, то на чтении „с туманными картинами", то в библиотеке с читальней, то на спевке.

Живая проповедь, уставное богослужение, общенародное пение, художественное исполнение

церковно-любительским хором лучших произведений духовной музыки – вот тот притягательный магнит, который понуждал многих богомольцев с далеких окраин столицы пешком плестись „в убогий, деревянный храм", не знавший пустоты ни в праздники, ни в будни. Славился необычный мужской народный хор „Варшавки" (в пору расцвета он насчитывал почти 80 человек), которым управлял особый регент. Мужской хор пел исключительно за ранними литургиями.

На чтения „с туманными картинами" при помощи „волшебного фонаря" (как тогда называли показ диапозитивов – *изд.*) народ буквально валом валил. „Чуть не с бою берется всякое местечко, откуда можно видеть и слышать. Даже лестница и площадки перед залом бывали заполнены слушателями", – вспоминали очевидцы.

Да и где еще простолюдину узнать столько неизведанного, интересного, притом почти бесплатно! Тут и путешествия по Святой земле, и, полные скорбей, столь близкие народу, жития святых – Александра Невского и Сергия Радонежского, великомучениц Екатерины и Варвары, Алексия, человека Божьего. Вместе с рассказчиком – обычно священником храма – благодарные слушатели переживали и Крещение Руси, и нашествие татар, и Мамаево побоище, и Смутное время. Любили „Рассказы о великих и грозных явлениях природы", „О царстве вечного холода", „О землетрясениях". Затаив дыхание, слушали благочестивые повести русских писателей „из жизни".

Вход на духовные чтения из-за огромного наплыва желающих был открыт только по книжкам Общества, ценою в 3 копейки. И даже при такой символической плате доходу от чтений за год поступало свыше тысячи рублей! Вот какова была духовная жажда. Иногда вместо билетов при входе продавали издания Общества просвещения. Вырученные деньги расходовали на содержание бесплатной школьной столовой, покупку одежды и обуви для беднейших детей.

„А результаты? – задались однажды вопросом на одном из ежегодных своих собраний члены Общества. – Их нельзя ни взвесить, ни смерить: они – в духе человека".

Было приятно видеть, вспоминали очевидцы, как напряженно обыкновенно слушала толпа отца Александра. Глубоко отрадное впечатление производили эти собрания наработавшихся за день людей. Чем бы могли быть эти вечера их при господстве кабака и чем стали они теперь!

Отец Александр считался одним из лучших столичных проповедников. Часто после беседы его обступали слушатели, выражая свое удовольствие и задавая вопросы.

Он был неистощим в темах. Где ни прочтет – в книге, в газете, журнале – что-нибудь хорошее и подходящее, непременно принесет своим трезвенникам. Говорил просто, убежденно и пламенно. Мысли и рассуждения для своих проповедей черпал решительно отовсюду: из „мирской" книги,

житейской встречи, только что услышанного им рассказа.

Поздним вечером поднимался он из зала в свою квартиру (она находилась здесь же, на третьем этаже церковного дома), и, когда его трезвенники уже давно покоились мирным сном, продолжал трудиться, и все для них.

Община Христова – одно сердце и одна душа

В начале века двадцатого жизнь русского народа, как это ни прискорбно, начала выходить из-под благотворного влияния Церкви. Приходская жизнь в глубинке нередко замирала, отеческие отношения пастыря и паствы подменялись официальными отношениями „службы". На смену живому духу евангельской любви и правды приходила буква догматической правильности и обрядовой исполнительности.

Совестливые люди России, все, кто не мог примириться с подменой великого дела Христова, били в набат.

Неужели Христос страдал для того, чтобы мы только соблюдали времена постов и праздников, усердно посещали храм Божий да аккуратно приглашали пастырей на „требы"? В чем же тогда „веселие вечное" Его воскресения и победы над смертью? Разве в том, чтобы под торжественный звон колоколов гордо превозноситься своим православием и в сознании превосходства над заблуждающимися почивать на лаврах ничегонеделания на ниве Христовой и „откупаться" от крестоношения аккуратным выполнением обрядов! Увы, какое страшное „горе" услышат от Христа современные фарисеи: *„Не вем вас, отыдите от Меня, делающие беззаконие!"*

И во время земной жизни Христа Спасителя были люди, которые высчитывали десятины с тмина, аниса, мяты – и забывали милосердие. Но *„милости хочу, а не жертвы" (Мф. 9, 13)*, сказал Господь. Всею силою Своего Божественного слова Он громил тех, кто старался обмануть Бога внешним благочестием, забывая, что Сердцеведец знает сокровеннейшие движения души. *„Сыне, дай Мне сердце твое!"* – взывал Господь Человеколюбец.

Двадцать веков обличала фарисейство и Церковь Христова, и поныне слышен голос ее священного негодования против этого порока, но он крепко гнездится в сердце человеческом.

Живая жизнь по заповедям Христовым – вот что убеждает надежнее слов. Несравнимый пример дала нам Церковь времен святых апостолов. С крестом в груди она несла на своих плечах тяжесть позора, презрения, надругательств, притеснений и гонений. Но никакие силы не могли притоптать ее к земле. У всех верующих, представляющих собою одно сердце и одну душу, жизнь была такой кристальной чистоты, что изумляла врагов.

Но теперь Церковь охватила весь мир, и каждый христианин является не более, как каплей в этом великом океане. „Пыль веков" коснулась и вертограда Божия, и в нем наряду с прекрасными цветами появились сорные травы. Как сохранить апостольский дух общины – когда не только призывается имя, но и выполняется воля Отца Небесного?

Деятельность отца Александра Рождественского дает красноречивый пример, какой тесной, спло-

ченной силой, одним сердцем и одной душой, может быть приход. За восемь лет священства пастырь добрый успел привлечь под сень святой Церкви и поставить на путь трезвой жизни около 100 тысяч прихожан, из которых многие принадлежали к так называемым „подонкам общества“, „отверженным“...

И. Мглинский

Это была „духовная армия“, готовая всюду пойти за своим руководителем. Она толпами устремлялась на богомолье по зову „от Варшавки“; она же ломилась на беседы, устраиваемые для нее в разных концах Петербурга. Эта армия отца Александра была его силой, его радостью... Для нее он нес неимоверные труды личной проповедью, своими прекрасными изданиями, всей жизнью.

Слово настоятеля Воскресенского храма было для трезвенников законом. Его поучения повсюду пробуждали в слушателях восторженную радость. После бесед с батюшкой им не хотелось идти „назидаться“ еще от раскольников или сектантов. Вот что такое сила живого, евангельского пастырства! Как властно оно покоряет себе народную душу! Какой огонь любви зажигает оно в ней!

„Община – это не те, кто в праздник просто придут постоять за обедней, а одна христианская семья, связанная любовью и взаимопомощью, – подчеркивал отец Александр. – В единении – великая сила! Ведь на этом главном христианском принципе (помните: *„да будут едины, якоже и Мы“*) созидается

Церковь Христова. Посмотрите в наших храмах, как „братья и сестры" идут прикладываться к Евангелию или к иконе. Сколько тут шума, давки, криков, даже брани! А ведь это члены одного Тела Христова! Где же тут сознание, что они духовно-родные? Где любовь, смирение, взаимная уступка? Как мы далеки и с внешней стороны от древних христиан, которые нам оставили правила благочиния в храмах! А у нас, в русском народе, все бы можно было сделать. Посмотрите, как они охотно толпами идут на беседы, проповеди, чтения. Мест не хватает! А с какой любовью читают Слово Божие! Тут-то вот и кроется спасение народа, а мы небрежем..."

„Какой высокой заслугой для духовенства, – мечтал отец Александр, – было бы поднять приникший ныне к земле народ и возвести глаза его к небу!" Он верил, что так именно когда-нибудь и будет. Церковь не раз спасала уже русский народ, избавит его от опасности духовной смерти и теперь, лишь бы пастыри – ближайшие служители Церкви – поскорее и горячо, а главное дружно взялись за дело...

Подвижник стал живым примером безграничной и самоотверженной преданности делу, а порой и укором для своих собратий-священников. Сколько других светильников возжег он – ведомо одному лишь Богу.

Через семь-восемь лет священства, по свидетельству протоиерея Философа Орнатского, батюшку Александра называли уже „старцем по духу".

К нему приезжали отцы даже из провинций учиться отрезвлению людей. На пастырский зов его шли тысячи людей, он возвращал их к образу Божию, к трезвой жизни, к семье".

Вскоре евангельский свет Александро-Невского Общества трезвости стал все больше и больше разливаться по Петербургу и его окрестностям. Одно за другим начали открываться отделения Общества: на Васильевском острове, на Петербургской стороне, на Большой Охте, в Литейной части, на Путиловском заводе, в селе Мартышкино, даже в Луге. Это были просветительские центры для простого люда: с молельными домами и библиотеками-читальнями при них, с чтениями и беседами, сопровождаемыми световыми картинами.

Кто напоит жаждущих водой живой?

В отце Александре не было трусливого малодушия. Не думал он, что порок и заблуждения можно искоренить „полицейским воздействием"; отрицательные веяния в народе не воспринимал как „происки" каких-то врагов...

Нет. Он прозревал „в корень вещей". Причину всех наших шатаний он видел в духовной темноте. Для торжества церковного дела, думал он, надо, прежде всего, просветить и протрезвить народ. Тогда-то православные люди, наставленные в своей вере и опытно узнавшие на себе ее силу, не пойдут добровольно на распутия мира...

Превосходное это мировоззрение! Оно свойственно только умным и честным деятелям. Нельзя было не радоваться, когда отец Александр развивал свои заветные думы.

Каким живым и современным человеком был подвижник! Батюшка никогда не замыкался в область предвзятых, кем-то навязанных убеждений. Он все переживал в себе самом.

Например, появилось известие, что на Петербургской стороне „работают" ивановцы. В чем точно их особенности и чем они отличались от православных – никто не знал.

Отец Александр поступил, как самый живой и настоящий миссионер: открыл на Колтовской зал для собеседований. Он говорил мне: „Ивановцы „работают“ и люди идут к ним. Это – знак, что там „жажда духовная“ в народе. Там – голод... Приди-те и помогите нам. Устройте живые беседы на Колтовской – чтобы все единой душой устремились к вам...“

Я принял сделанное мне предложение. На первых порах ивановцы жестоко со мной спорили, а после многие покорились истине церковной. Наши собеседования стали посещаться огромной толпой слушателей. Дело окрепло, подтвердились слова отца Александра. Стали мы духовно кормить и поить народ – и враждебное церкви движение стихло само собой...

Или вот характерный случай. В Петербурге повсеместно стали бастовать рабочие. Многие при этом руководились безбожными разрушительными идеями. Это дало некоторым проповедникам повод выступить с резкими обличительными речами. В народе поднялся ропот.

Еще за два года до этого тревожного времени отец Александр открыл беседы с рабочими на Путиловском заводе. Поднявшиеся волнения не остановили их. Напротив, они дали новые, животрепещущие темы для собеседников, которые безбоязненно выступили с евангельским освещением происходящих событий. Отец Александр говорил:

– Своих слушателей мы не будем представлять, как „стадо людей озлобленных, подкупленных

и безголовых". Начнем мирно и спокойно делать свое дело. Станем благовестить народу о Христе и Его нравственной правде, без которой не может быть никакой правды в нашей жизни. Напомним слушателям: пусть заботятся о своих земных делах – это их обязанность! Но пусть не забывают, что они – христиане и ходят всегда пред ликом Божиим... Если вкореним эту черту в сознание рабочих, они сами оберегут себя от всяких безобразий...

Путиловские рабочие дружелюбно отнеслись к нашим беседам и сходились на них огромной толпой.

Из воспоминаний Д. Боголюбова

Талант пастырской дружбы

Мы, культурные люди, слишком скрытны и замкнуты. Может быть, к этому приучила жизнь, но факт остается фактом; каждый старается, как улитка, прочнее загородиться в собственном домике и не допустить в свой внутренний мир ничьего постороннего взора, внимания, даже сочувствия.

Недаром нашу жизнь сравнивают с огромной казармой из множества одиночных камер, где тюремные сидельцы крепко спрятались за стенами своих отделений и больше всего боятся „перестукивания". Больные души, очевидно, опасаются, что чужое, не вполне доброе внимание может слишком неосторожно коснуться их ран.

Эта замкнутость – огромное препятствие для пастырства: как возьмешь „в плен Христов" душу, когда в нее не пускают?

Чтобы пройти через запертую дверь возможны три пути. Первый: проползти потихоньку, что называется „влезть в душу".

Нам, русским пастырям, самим очень замкнутым и одновременно прямым, не годится этот способ.

Другой путь – пастырская властность, когда священник во имя своего долга и призвания отворяет „двери души" и требует, чтобы ему, как духовнику, явились ее тайны.

Возможно, что перед такой настойчивостью пастыря открылись бы многие больные и скорбные души.

Но... со стыдом должны сознаться, что в нас нет и этой властности. Ворваться – не решаемся, „вползти" – не умеем и не желаем.

И души гибнут без нашей пастырской помогающей руки.

Впрочем, конечно, трудно назвать симпатичными названные способы. Но... тем стыднее, что нам неизвестен и недоступен еще третий путь. Его-то очень хорошо знал отец Александр.

Настоящий пастырь смело и спокойно подходит к замкнутой больной душе. Он не задается вопросом, имеет ли он право отворить „дверь"... Разумеется, имеет, как священник, но у него нет и мысли об этом праве.

Он приближается к брату, сыну, больному и немощному; может ли быть сомнение, следует ли войти? Священник входит, торопясь, как в свой дом, где лежит больное дитя.

Это и есть талант пастырской дружбы, и им был богат отец Александр.

Я наблюдал за ним, когда он беседовал с трезвенниками-паломниками на палубе „Валаама". Без всякого смущения он спрашивал о самых интимных тайнах души. Никакой мысли о том, что ему могут не ответить, даже грубо оттолкнуть. И, конечно, его не отталкивали...

Почему он не боялся?

В его лице брат беседовал с братом. Здесь говорила не властность, а любовь.

Имя таланту – любовь.

Архимандрит Михаил

Воскресенский храм у Варшавского вокзала не считался приходским, но отец Александр сумел развить все стороны приходской жизни. Он не имел права крестить и венчать в своей церкви, но, как истинный пастырь, не оставлял своих чад и в эти священнейшие моменты.

Однажды зимой получаю от отца Александра коротенькую записку – приглашение на свадьбу члена Общества трезвости.

– Как так? – недоумеваю я. – Они не имеют права венчаться у отца Александра. Если он приглашает на свадебный пир, то опять странность: трезвенники не пьют ничего спиртного, ни водки, ни вина, ни пива.

– Да, я вас приглашаю и на венчание, и на свадебный пир, – улыбаясь, встречает меня отец Александр. – Если есть в вашем распоряжении свободных два-три часа, то поедемте.

Кучер Василий помчал нас на Петербургскую сторону, в Колтовскую. Венчание происходило при большом стечении народа в местной приходской церкви.

Я с отцом Александром все время стоял в алтаре. Только на молебен он вышел к народу и сказал молодым напутственную речь.

Недалеко от церкви было отделение Общества трезвости, где молодых ожидало множество народа. В большом зале с образами опять был отслужен молебен, и родители молодых тут же благословили своих детей иконами и хлебом-солью. Затем мы все поднялись наверх, в просторное помещение, где был приготовлен обед человек на сто. По обычаю начали наливать в стаканы шипучую влагу, но это было не шампанское вино, а так называемая ланинская фруктовая вода. Были тосты и речи, поцелуи и слезы радости и умиления...

Из воспоминаний И. Ювачева

От христианской молодежи

Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.
В.А. Жуковский

Рядом с отцом Александром все и вся как-то незаметно одухотворялось живым, неприметным влиянием выдающейся личности. Каждому становилась яснее его собственная душа, цель жизни. Верилось в собственные силы, являлось желание совершить какое-нибудь большое, трудное дело и долго на душе бывало светло и легко, и невольно каждый спрашивал себя: да что такое случилось? отчего так хорошо на душе? И отвечал тотчас же: да ведь я был, говорил с отцом Александром.

Этого удивительного человека никогда не приходилось просить, он как-то сам понимал, в чем нуждается просящий и исполнял сейчас же, не откладывая. Отзывчивость его была поразительна.

Как-то раз я упомянула, что дежурю в лазарете для раненых солдат. Конечно, отец Александр сейчас же заинтересовался, начал расспрашивать и, между прочим, я рассказала об очень богомольном солдатике, любившем читать духовные книги и усердно учившемся писать и арифметике. На следующий раз отец Александр послал со мной солдату

тетрадей, карандашей, книг, учебников и великолепную Библию с надписью от членов Александро-Невского Общества трезвости.

Трудно описать радость раненого; его трогательное письмо, в котором он, между прочим, писал: „Буду благодарить вас, дорогой батюшка, по гроб моей жизни за святую книгу, а умру – детям велю молиться за вас".

...Незаметно наш первый разговор перешел на меня, мои чувства, мысли, стремления, и я доверчиво, как никогда в жизни, побеседовала с батюшкой. Какое бесконечное доверие внушал весь его вид, горячая, прерывистая речь!

Отец Александр долго и внимательно слушал, глядя на меня прищуренными близорукими глазами и вдруг, весь просветлев, оживленно, стремительно заговорил:

– Да, да, понимаю. Понимаю, что вам надо! – и передо мной мгновенно очутилась груда книг. С каким увлечением объяснял он, советовал прочесть то или иное.

– А что не поймете, или захотите потолковать, то приходите по субботам вечером; я бываю дома. А потом... потом я знаю, что для вас устрою.

И в этих словах он был весь со своею высокой душой, глубоким чутким умом, готовый по первому слову подать руку помощи. Ему не приходилось напоминать: он понимал и помнил все искренние движения и потребности человеческой души.

Отношение отца Александра к сотрудникам было прямо идеальное: пред вами был не редактор,

начальник, заказывающий работу, но добрый знакомый, понимающий и чуткий, как никто.

Через несколько дней после нашего первого знакомства отец Александр прислал мне свою рекомендательную карточку для входа на заседание только что нарождавшегося „Содружества молодежи“... Вот о чем думал он, когда говорил: „Знаю, что я устрою для вас“.

М. Аверкиева

На суд Христов

Началась война с Японией. Отец Александр внимательнейшим образом следил за каждым известием с Дальнего Востока. Война одно время всецело поглотила его. Он только и говорил, что о войне: и в церкви, и дома, и в собраниях. С каким увлечением, с каким жаром он отстаивал и нашу армию, и наш флот против нападок со всех сторон! Ведя переписку с воинами действующей армии, он охотно делился известиями из полученных писем со своими прихожанами.

– Дорогие мои, – говорил он запасным чинам, уходящим в Манчжурию, – ведь вы идете на суд Христов. На поле брани решается участь не только Отечества, но и каждого из вас в отдельности. Так будьте же благоразумны, приготовьтесь к этому страшному суду, как приготовляются вообще христиане к смертному часу. Конечно, говорить нечего о том, что в такие дни надо вести себя трезво, чисто, свято и всегда помнить, какой высокий долг возложен на каждого из вас. А за самоотверженные подвиги ваши наградит вас царь на земле и Бог на небе.

Вспоминает И. Ювачев: „Однажды зовет меня Александр Васильевич в вагоностроительную мас-

терскую на молебен. Мы приехали, когда обширная мастерская была заполнена сотнями, тысячами рабочих. Служили три священника. Отец Александр горячо на коленях прочитал молитву о даровании победы русскому оружию. Затем поочередно говорили речи. Александр Васильевич закончил свою пламенную речь громким *ура*, и вся тысячная толпа рабочих подхватила этот возглас и пронесла его раскатистым громом далеко за пределы мастерской.

После ряда неудач нашей армии в Манчжурии и особенно после взятия японцами Порт-Артура, Александр Васильевич сильно загрустил и даже заболел. А тут новое горе – забастовки на фабриках и заводах. Отец Александр бросался с одного места на другое и всюду старался убедить рабочих не волноваться в это тяжелое для России время. Упрашивая их приступить к делу, он говорил:

– Братцы! Теперь времена и порядки изменились. Побеждают один народ другой не столько численностью войск, сколько техникой оружия. У кого лучше броненосец, мина, пушка, ружье, снаряд, тот и выиграл сражение. Вы, рабочие на фабриках и заводах, необходимые помощники для воинов. Без вашего участия они не могут победить.

Если вы досадуете, читая газеты, что японская артиллерия побила русскую или у русских не хватило снарядов, то знайте: отчасти и вы сами в этом виноваты вашими забастовками. Тут-то бы и надо оказать все усердие, в виду большего спроса пушек и снарядов, а вы и сами не хотите делать и другим препятствуете. Неужели в такие тяжкие дни испы-

тания русского народа вы хотите стать в положение врагов его и даже изменников?!

Но, увещевая рабочих, Александр Васильевич сознавал, что есть и у них разумные и справедливые требования. Живя среди них, постоянно беседуя с народом и входя в его жизнь, он отлично знал быт рабочих и нужду их. Великим постом после каждой исповеди он приходил в душевное изнеможение от ужасных рассказов. Перед батюшкой вставала картина темного царства во всей ее наготе: страшные преступления, разврат, пьянство, крайнее невежество. Он напрягал все усилия, чтобы осветить этот темный угол городской жизни, очистить его оздоровляющей струей живой воды...“

„Куда ни глянь, везде неправда..."

Об усилении народной жажды подвижник не уставал повторять и ближним, и дальним своим соработникам. Батюшка буквально „держал руку на пульсе" народного тела.

„Не знаю, как у вас в деревне, но у нас простой народ прозрел, война открыла ему глаза на многое, – сокрушается он в письме к протоиерею Стефану Остроумову. – Народ уже не тот, что был до войны; он сознал свою личность и ищет себе свету и воздуху. Критика существующего положения вещей раздается свободно. Язвы открылись. О, если бы их удалось залечить!"

Жизнь скоро и сильно подтверждает это наблюдение отца Александра. Но на народ влияет не столько „критика положения вещей", сколько возрастающее убеждение в нравственной несостоятельности командующих классов и людей. Народный взгляд на дело хорошо может быть выражен известным афоризмом: „Законы святы, а исполнители лихие супостаты".

В книге памяти народного печальника единомышленники-пастыри приводят выдержку из письма одного солдатика.

Набожный и смирный прихожанин, недавний пахарь, пишет:

„Многие задают вопрос, почему наши войска отступают и не могут победить японцев? Просто потому, что у нас, у православных людей, правды совсем не стало, а вкоренилась ложь и вкоренилась до такой степени, что ее никак вытравить нельзя. Слуги царские, начальники, на которых сам царь батюшка возложил всю надежду свою, небрежно относятся к своим обязанностям. Им, не как солдату, для них все доступно и дешевле. У них казенная лавка: офицеру 1 фунт сахару – 22 коп., а солдату – 75 коп. Жалованья офицеру – 150 руб., а солдату – 43 коп. в месяц.

Куда ни глянь, куда ни пойди, везде неправда. Офицеры обогащаются всеми удовольствиями и деньгами, и поэтому им умирать не хочется. Бегут назад, не глядя на подчиненных, а уж этим Бог велел. Как стадо без пастуха. Нам грешно их осуждать, прости, Господи.

Недавно назначили нас в передовую линию, и что же вышло? Ротный командир оказывается не в состоянии идти, потому что он вдрызг пьяный. А японцы на расстоянии всего 400 шагов. Думаем, и куда с таким начальником; с ним только спать, а не воевать.

И таких случаев не перечтешь. А солдат только выпил в год водки две чарки на Пасху, да и все. А офицерам по горло. Да им ли теперь пить, когда люди гибнут целыми тысячами? Они вожди, должны

беречь каждого своего подчиненного. Ведь каждый глава должен ответ дать Богу за все нехорошее".

Да, священник Александр Рождественский не понаслышке знал о кровоточащих язвах простого люда. Отгородиться, не замечать? Так поступали многие образованные и вполне благополучные люди, боясь признаться самим себе в равнодушии и приспособленчестве. Он же бил в набат. Каждым мгновением своей короткой жизни, которая, собственно говоря, ему уже и не принадлежала – только страждущим.

– Каждый день вечером Петербург считает нужным веселиться, – с горечью восклицал подвижник. – До веселья ли тут, когда азиатские полчища облегают наши города на окраинах, а внутри России народные волны яростно бьют в стены столицы и просят об улучшении их жизни! О, если бы бесполезно расходуемые силы, время и деньги городские жители употребили на образование бедного трудящегося класса и на улучшение его быта!

Пробуждение народное внушало батюшке надежду на добрый исход, настроение молодежи – печалило. „Тяжелы не несчастья на море, а то, что наша молодежь беспокоится и бунтует, – писал он. – Горный институт закрыли на два года. Высшие женские курсы также закрыты. Чем больше знакомишься с рассказами о подвигах этих наших „революционеров", тем больше убеж-

даешься, что это ужасные эгоисты. Для них нет ни родственной любви, ни простого чувства жалости. Они готовы идти по трупам родных. Батюшка, который отпевал Н.К. М-го (по-видимому, Н.К. Михайловского – *изд.*), сообщал мне, что курсистки стояли задом к образам и ели в церкви колбасу".

Современники отмечали:

„Отец Александр, чтя „служение слова", искал дела, не удовлетворялся сделанным и год от году расширял поприще своей деятельности. У него тысячи трезвенников, храмоздание, издательство книг, четыре журнала, но всего этого ему казалось мало, и в кипучей душе его зрели новые планы.

С точки зрения своей неутомимой деловитости отец Александр оценивал и современную епархиальную жизнь. Суд его был строг.

„Мне особенно больно за духовенство. Боже! Как оно оземленилось! Много ли у нас горящих светильников на архиерейских кафедрах? Раз, два – и конец".

„Где и когда наши современные епископы входили в непосредственное отношение с народом? – писал в одном из писем Александр Васильевич. – Много ли думают они о том, как улучшить формы церковной жизни? А улучшить надо. Помогают ли духовенству? Если светильник тускло горит, то малым светильникам остается только подражать.

Давно бы у нас пал и раскол, и сектантство, если бы деньги, отпускаемые на всех этих миссионеров и наблюдателей, отпустили на устройство школ, библиотек, если бы обратили внимание на организацию прихода. Больше бы доверия к духовенству со стороны епископов и меньше обращать внимания на сплетни".

Из воспоминаний
протоиерея Стефана Остроумова

Священная присяга: за Христа, за трезвость!

Запись в члены Общества трезвости проходила сначала по воскресеньям, а затем ежедневно после литургии и всенощного бдения. Перед иконой святого благоверного князя Александра Невского вступающие давали обещание не пить спиртного назначенный срок: три месяца, полгода, иные дерзали – целый год. Сохранилось немало свидетельств, как это происходило.

„В храме было душно... Сотни свечей приветливо мерцали пред темными, бесконечно скорбными ликами святых... Дым фимиама легкими струйками поднимался к невысоким сводам миниатюрной деревянной церкви... Сотни людей горячо, пламенно молились под стройные звуки величавой божественной песни прекрасного церковного хора.

Всенощная кончилась... Тройное „Господи, помилуй" завершает отпуст отца Александра.

Толпа засуетилась. Но, странное дело, никто не ушел из церкви; напротив, все задвигалось, потянулось к амвону.

Кое-где слышались тяжелые, сокрушенные вздохи богомольцев, да вот там, в далеком углу, у печки раздались чьи-то судорожные глухие рыдания.

На амвоне стоял в епитрахили отец Александр. Его лицо было бледно и строго.

– Кормилец ты наш! Батюшка дорогой! – послышались откуда-то восклицания плачущих женщин, и все вдруг как-то необыкновенно, странно притихло...

Отец Александр начал говорить:

„Зловещим пламенем вспыхнула и загорелась родная страна.

Стоном стонет от пьянства Русская земля... Гибнут святые человеческие души, как кровавые жертвы зеленому змию.

Надо спешить на пожар... Надо залить ужасное пламя... Ведь „пьяницы Царствия Божия не наследят", для них закрыты врата райского блаженства.

Перекрестись, православный! Легче вздохни грудью своей богатырской. Скоро прибудут к тебе снова силы и здоровье, которое ты беспощадно топил в вине, скоро зазвенят твои добрые струнки сердца, как некогда звучали они в былые годы...

Жены! Бедные, несчастные жены! Вы, терпеливые, трудящиеся, безмерно скорбящие...

Идите ко Христу...

Все... все идите...

Кто плачет, кто отчаивается, кто борется, кто злостраждет...

Пьяненькие... убогонькие, идите ко Христу... Идите... Идите...

Церковь наполнилась плачем. Горькие рыдания заглушали слова проповедника.

Отец Александр на минуту смолк. В церкви еще раздавались рыдания.

– Трезвитесь! Бодрствуйте!.. Близко дьявол, хитра его западня. Одна ваша оплошность, и вы снова покатитесь вниз, в зияющую пропасть, снова погибнете для Царствия Божия, но уже навсегда.

Вы добровольно дали обет, добровольно и держите его. Пусть он будет для вас игом благим... Боже, сохрани преступить обет... Это такой страшный грех. Итак, в последний раз. Твердо ли ваше желание исправиться, начать новую, трезвую жизнь?..

– Твердо... Искренно... Не нарушим... – многоголосным хором прогудела толпа.

– Так повторяйте за мной.

И батюшка начал, а за ним повторяли и сотни три новых трезвенников:

„Господи, я раб Твой, сознав всю скверну пьянства и множества грехов, от него происходящих, даю обещание пред честным Твоим Крестом и Евангелием и перед иконою святого благоверного князя Александра Невского не пить ни вина, ни водки, ни пива, никаких других охмеляющих напитков. Господи, помоги мне выполнить это мое обещание для спасения своей души и для благого примера другим".

Обещание кончилось. Оставалось приложиться ко кресту и Евангелию. Толпа раздвинулась, образовав две колонны. И отец Александр, как светлый ангел, мелькал то здесь, то там.

Толпа плакала, гудела, рвалась к нему...

Некоторые громко рыдали.

А он каждого благословлял, к каждому спешил со словом любви и участия, каждого осенял крестом и Евангелием.

Русь пробуждалась. И поднимался народный дух...“

Из воспоминаний Михаила Горева

Оплот воздвигнул ты, печальник всей страны,
Под кровом „храма воздыханья и печали“.
В основу ж твердую той крепости святой
Положена тобой душа твоя живая –
И трезвость русская всесильною грозой
Вдруг встала пред врагом, отчизну-мать спасая!

И. Гребенщиков

Не только уговорить человека пьющего (или непьющего) произнести обет трезвости было задачей отца Александра. Он старался прилепить трезвенников крепко-крепко к Церкви. Чтобы за тою сладостью, какую дают душе высшие духовные радости и впечатления, им окончательно опротивели грубые наслаждения дурмана, которые они раньше искали в вине.

Как помочь нашему общерусскому горю?

В воскресенье, этот единственный для рабочих свободный день, после всенощного бдения обычно служился молебен, иногда с акафистом. Припевы на молебне пел весь народ. К ним присоединялись хорошо знакомые и любимые песнопения *Хвалите имя Господне, Воскресение Христово видевше, Величит душа Моя Господа, Не имамы иныя помощи* – их тоже исполняли „едиными усты и единым сердцем".

За вечерней службой всегда бывало две беседы. Одна обычная, на тему дня, другая – для тех, кто дает обет трезвости. Но обыкновенно и эту беседу оставались слушать все богомольцы. Иногда беседы затягивались до десяти часов вечера.

Два раза в месяц велось обучение краткому катехизису. Народу сообщались самые краткие, но точные ответы о вере.

Общество просвещения активно привлекало к проповедническому служению учащихся Санкт-Петербургских духовных семинарии и академии. Все они были желанными гостями в храме на Обводном. Здесь возникли миссионерские курсы, проводившие свои занятия в церковном доме. Отсюда будущие пастыри „шли в народ". К примеру,

сокурсник отца Александра Рождественского, иеромонах Вениамин (Казанский), впоследствии митрополит Петроградский и Гдовский, священномученик, часто посещал с духовными беседами Путиловский и Обуховский заводы.

Как удавалось так много успеть? Ответ прост. Принцип соборности (делать все открыто, на виду у паствы), бескорыстного служения друг другу, начиная с „головы" (*„кто хочет быть первым, пусть будет всем слуга"*), пронизывал все начинания Общества.

„Бедные люди" северной столицы почувствовали, что не одиноки более. При Воскресенском храме открылась первая работная контора: вчерашним пьяницам там подыскивали рабочие места. Некоторые хозяева торговых и ремесленных заведений в Петербурге принимали к себе народ не иначе, как только после записи в Александро-Невское Общество трезвости.

„Блестящая идея вложена отцом Александром в братство выборных или старшин при Обществе трезвости, – подчеркивал протоиерей Философ Орнатский. – Это наиболее надежные трезвенники, они принимают на себя обязанность помочь своему руководителю: следят за порядком в храме, при крестных ходах, следят за исполнением обета наиболее слабыми трезвенниками своего района. Опытом изведав сладость трезвости – другим содействуют. Это люди сознательно спасающиеся, помогающие спасаться и другим".

Весь город был поделен на округа: туда после работы, каждый на свой участок, устремлялись выборные – „нити, связующие воедино все Общество". Старшины носили особого рода нагрудные металлические значки.

На обратившихся Отец Александр возлагал особые надежды. Батюшка был убежден, что они сами понесут свет христианского спасения в тот темный мир, который сначала было загубил их, а теперь пытается сделать то же и с новичками. Подвижник воочию убеждался в действенности духовных средств спасения, широко и в разных видах практикуемых Обществом трезвости. Он видел: обратившиеся на путь спасения еще горячее начинают любить благодатную веру Христову и свою спасительницу Церковь.

Злопыхатели, тем не менее, пеняли батюшке: мол, многие из давших обет не выдерживали его. Несомненно, такие были, да их и не могло не быть, но они составляли очень незначительный процент.

На эти возражения людей праздных, которые сами в жизни ничего самостоятельного не сделали, отец Александр отвечал обычно так: „Да хотя бы некоторых спасти от пьянства, или несколько трезвых месяцев дать несчастному пьянице – разве этого мало?"

„Здесь, у Варшавки, рабочий люд впервые услышал зов в ряды новой рати, на стяге которой огненными буквами горели святые слова: „За Христа!.. За трезвость!.."

Итак, спасено 70 тысяч пьяниц...

Нет, больше... Ведь женам, обездоленным, терпеливо переносящим побои от пьяных мужей, легче вздохнулось; ведь голодные, иззябшие дети снова получили возможность иметь кусок хлеба и теплый угол.

Но привести к обещанию еще не значит спасти. Житейское море полно бурь. В нем может потонуть утлая ладья нового трезвенника".

Из воспоминаний М.В. Галкина

Деятельность отца Александра, как просветителя народа и апостола трезвости, не ограничивалась одним Петербургом. Он не забыл и свою родину, село Орехово. По его указаниям и при непосредственном содействии в 1900 году и здесь было учреждено Общество трезвости при Ореховской церкви, родителем его, протоиереем В.М. Рождественским и инженер-технологами С.А. Назаровым и С.Н. Хренниковым.

Уже при жизни подвижника оно составляло двадцать тысяч человек, а после смерти объединяло более шестидесяти тысяч. В него входили жители не только Орехова, но и других окрестных фабричных мест: Зуева, Дулева, Дрезны, Павлова. Много и здесь было спасено людей от гибели, многим и здесь утерты слезы и доставлено утешение, многие и здесь из пьяниц стали честными тружениками.

Отец Александр принимал самое живое участие в жизни этого Ореховского Общества: высылал в библиотеку трезвенников все свои журналы

и издания во многих экземплярах, неоднократно приезжал из Петербурга в Орехово и вел с трезвенниками беседы в родном ему Ореховском храме и в обширном зале школы Саввы Морозова. Все ореховские жители, от мала до велика, знали сына своего почтенного батюшки и всегда с радостью приветствовали дорогого гостя.

Эти летние поездки на родину были для него радостным отдохновением. Здесь, под кровом любящего старца протоиерея Василия Матвеевича Рождественского собирались из разных мест все его дочери и зятья с многочисленной детворой. Отец Александр, страстно любивший детей, действительно отдыхал, постоянно играя с детишками и таская их на руках.

В Сарове, где отец Александр побывал в качестве проповедника, он удостоился получить небольшой кусочек одежды, в которой был погребен преподобный. Эту святыню он подарил своему родителю. Ее врезали в массивную икону святого Серафима в Ореховском храме, и с тех пор этот образ стал особо чтимым.

Надо было удивляться неисчерпаемому запасу энергии в этом человеке. Усвоив себе тот взгляд на жизнь, что она – не „веселый пир“, а труд и дело, он вечно работал и ни минуты, кажется, не давал себе отдыха. Даже летом, когда все запасаются силами на зиму, у отца Александра не было каникул. Дома, на Обводном канале, 116, он занимался какой-либо кропотливой, подчас самой черновой

работой: отчетами, составлением народной библиотеки. Приходо-расходный журнал по Обществу трезвости за последний перед кончиной подвижника месяц написан его собственной рукой. Однажды, он взял отпуск для поездки по Волге до Астрахани и вернулся с середины Волги, соскучившись по делу.

Впрочем, сам Александр Васильевич как будто и не замечал, какой непомерной громадой стал воз, который он тянул.

Застать его дома не было никакой возможности: батюшка постоянно то беседовал с трезвенниками или исповедовал их, то ездил по бесчисленным делам Общества и издаваемых при нем журналов, редактуру которых вел...

Если кому надо было видеть отца Александра на дому, нужно было заблаговременно договариваться с ним, чтобы визитами не терять понапрасну времени и не тревожить звонками домашних, от которых можно было слышать одно: „Батюшки нет дома... Поезжайте туда-то или туда-то; он там, вероятно“...

Да и сидя у отца Александра, нельзя было считать его совершенно свободным и всецело принадлежащим гостю. Его поминутно рвали на части: то вызывали к телефону, то приносили деловую бумагу, требующую внимательного просмотра, или спешную корректуру из типографии, или требовали куда-нибудь по начальству... Случалось, что приход нового посетителя на долгое время отвлекал батюшку от прежнего гостя.

Множество мыслей заставляло отца Александра порой увлекаться какой-нибудь одной из них, требующей, вероятно, скорейшего разрешения, и он как бы терял нить первого разговора. Бывало, как будто, слышит речь собеседника, а вместо ответа вдруг дает вопрос из совершенно новой и неожиданной области. Видимо, богатый духовный мир отца Александра кипел и каждую минуту рвался наружу...

Ограниченность и условность земного бытия были не по нему. Они причиняли, вероятно, немало мучений сильному творческому духу, который после смелых полетов всегда должен был опять возвращаться к земле. Могучие порывы духа отразились печально и на слабом организме отца Александра; они увеличивали его природную немощь, но он мало обращал на это внимания и работал так, как под стать только богатырю.

Строим храм – созидаем души для Бога

С первых же шагов своей службы в Воскресенской церкви отец Александр стал заботиться о поиске средств для постройки нового каменного храма. Об этом же пеклось и Общество религиозно-нравственного просвещения во главе с отцом Философом Орнатским. Средства явились скорее, чем ожидал настоятель. И 25 июля 1904 года совершена торжественная закладка каменного храма. Надо было видеть радостное лицо отца Александра!

Впрочем, некоторые отнеслись к его поспешности и широкому масштабу весьма критически. „Я сам лично слышал от одного подрядчика, строителя церквей, большое осуждение всем его начинаниям, – вспоминал И. Ювачев. – Но храм Воскресения Христова успешно вырос в колоссальный памятник, вершитель всех дел настоятеля. Этот каменный храм – лучший свидетель, какая тесная дружественная связь возможна между пастырем и прихожанами".

Попробуйте упасти стадо в несколько десятков тысяч душ, борющихся с закоренелой страстью! Быть постоянно среди них со словом увещания, назидания, обличения и утешения! Никогда не расставаться

с заботой о своих журналах, книжках, листках для народа, расходившихся в сотнях тысяч! Не иметь ни минуты покоя, времени для себя! В итоге наладилось и двинуто огромное дело.

Есть нечто схожее между возведением нового каменного храма и величественным духовным строительством, живым храмом Божиим из человеческих душ и сердец.

Второй уже год на место постройки свозится и поднимается масса всякого материала. Эта громада на наших глазах растет, высится, неудержимо тянется все ближе к небу. Кругом хаос: заборы, сараи, кучи материалу и мусора, сеть лесов и подмостков, подъемные краны – и все для этой громады. Но – будет день: спадут леса и подмостки, снесутся сараи и заборы, выровняется площадь, и пред нами станет чудный, стройный Божий храм. Один вид его будет возносить мысли наши горе, сердца оживлять.

Не то же делал и отец Александр? Как некий сказочный богатырь духа и любви, стал он среди нас буквально громоздить свое дело. Как у него все широко: трезвенников десятки тысяч, книжки и листки сыплются сотнями тысяч, журнала мало ему одного, крестные ходы и паломничества в Петербурге невиданные и неслыханные!

За короткое время выросло дело трезвости такое широкое, что стало величиной, сравнимой с приютившим его крупным Обществом религиозного просвещения. Дивились люди и вблизи, и издали. И не всем за мелочами фактов и событий удавалось усмотреть восхитительную красоту духовного строения.

Но подождем – потускнеет все неважное и мимолетное, и, сбросив с себя покрывало житейской суеты, станет пред нами дело жизни отца Александра, чудное, величественное.

Каменный храм Воскресения Христова, даст Бог, простоит долгие века. Память отца Александра, как одного из строителей и основателей храма, будет неотъемлема от него. Здесь, у подножия дома Божьего, столько лет раздавался горячий призыв его к трезвой, обновленной, чистой жизни.

Протоиерей П. Кульбуш

Батюшку мало интересовали какие-либо внешние общественные реформы, которые бросаются в глаза и, по склонности людей придавать значение всему внешнему, вызывают крики одобрения. Главная деятельность его была сосредоточена в сфере высших потребностей духа. Там, где сначала зреют и получают направление всякие общественные реформы и где незаметно изменяется сам человек с его мыслями, чувствами и стремлениями.

Отец Александр стал душой первой одноклассной церковно-приходской школы Общества, организованной при Воскресенской церкви. Ее воспитанниками были, в основном, дети служащих Балтийской и Варшавской железных дорог.

Познав азы грамотности, они не покидали родные стены церковного дома: девочки учились кройке и шитью в рукодельных классах, мальчики занимались переплетом, брошюровкой книг. С открытием в 1908 году в подвале каменного храма

собственной типографии в ней сразу же появились ученики типографского дела, „из коих некоторые получали до 10 рублей в месяц“. Это спасало ребят от развращающего влияния улицы, „вселяло заветы трезвости“, давало им в будущем верный кусок хлеба. А рядом с детьми, по воскресеньям, с увлечением учились и взрослые.

„Хорошо дышится в школе в учебный день. Все то занято, что живет живой жизнью. В каменном доме созидаются под покровом Церкви живые храмы для Бога“, – с любовью писал о своих питомцах священник Александр Рождественский.

Крестом побеждается злой недуг

Многие истинно-народные традиции богопочитания складывались именно здесь, в скромном деревянном храме на берегу Обводного канала. Летом устраивались обширные богомолья. Кто не помнит ежегодно совершаемых поездок на Валаам (для этого Общество нанимало целый пароход)? А знаменитые крестные ходы? От „Варшавки" разошлись они по всей России.

В Александро-Невскую лавру крестный ход трезвенников направлялся обычно на третий день Пасхи. Вспоминает очевидец:

„Утро выдалось теплое. Народу собралось около тридцати тысяч. Всю дорогу неслось неумолкаемое „*Христос воскресе*". Особенно приятно было слышать пение пасхальных гимнов на Невском проспекте.

В образцовом порядке народная волна докатилась до стен лавры, где ее встретил с сонмом монашествующих преосвященный Константин, епископ Гдовский..."

Это была могучая и благодатная сила. Традиционными стали крестные ходы в Троице-Сергиеву Приморскую пустынь, к преподобному Сергию.

В начале XX века эти величественные шествия собирали до 80 тысяч человек, преимущественно фабричных и мастеровых. Из всех церквей, отделений и молитвенных домов Общества крестные ходы в 5 часов утра собирались у Воскресенской церкви и отсюда общим грандиозным крестным ходом двигались к пустыни по Петергофскому шоссе. К ним примыкали Путиловские трезвенники, нижние чины из Красного Села, Ораниенбаума, Павловска, Царского Села.

Вспоминает очевидец события 1903 года:

„Чем ближе становишься к народу, тем ярче и ярче начинает выступать любовь народная к истовому и торжественному совершению церковных богослужений.

Они прекрасно знали, что путь предстоит не близкий, двадцать верст, но шли с такой горячностью, так было у них много непритворной любви к этому подвигу, что оставалось только благоговеть...

В пустыни ждали паломников, приготовили навéсы, бочки с квасом, но количество пришедших превзошло ожидания. Все поезда были переполнены. Многие прибыли с вечера и ночевали в поле.

Целый лес хоругвей высился над живой рекой народа, заполнившей всю ширь дороги, блестя бронзой и золотом вышивок и крестов, пестрея всеми цветами материй; впереди двигались предносимые фонари, 14 запрестольных крестов, 64 хоругви и длинный ряд высоких и малых образов и икон растянулся на версту. Все крестные ходы шли со

своими певчими и образовали гигантские хоры, не умолкавшие всю дорогу, что подкрепляло богомольцев на двадцативерстном пути.

Пришли в монастырь. Два часа народ шел в монастырские ворота густой толпою, а когда весь крестный ход вошел в монастырский двор, так сделалась во всем монастыре такая теснота, что все проходы и закоулки наполнились трезвенниками. Вот сколько народу было!

В Воскресенском соборе митрополит Антоний и епископ Антонин совершили литургию в сослужении архимандритов: наместника Александро-Невской лавры Корнилия, настоятеля пустыни Михаила.

К народу обратился протоиерей Философ Орнатский. „Не с мечом, а с крестом и хоругвью, – говорил проповедник, – мы идем на борьбу с врагом, со злой страстью пьянства, одинакового врага города и деревни. У Господа и святых Его, святого Сергия, защитника Руси, ищем мы прибежища и силы для одоления недуга".

Величественна была картина молебна на площади перед храмом, который совершали в золоте роскошных облачений митрополит с преосвященным, четыре архимандрита, двадцать священников и иеромонахов среди хоругвей и икон и десятков тысяч молящегося народа. Изумительный бас протодиакона прогремел многолетие на площади.

Трезвенники подкрепились в обители хлебом и квасом. В такой огромной толпе порядок был большой; в разных местах продавались свечи и просфоры, раздавался хлеб и квас".

И глубинка, коренная Россия, горячо откликнулась на благовест „Варшавки". Общества трезвости создаются по всей стране, дело народного просвещения набирает обороты.

Как-то раз в Александро-Невское Общество трезвости пришло замечательное письмо:

„Всевышнему угодно было вразумить одного живущего в далеком Питере уроженца нашей местности вступить в столичное Общество трезвости. Это крестьянин Солигаличского уезда Василий Андреевич Зеленков, бывший значительный алкоголик. Возвратясь на свою родину, он стал усердно проповедовать о вреде пьянства. Нельзя описать радость Василия Андреевича в тот день, когда и в нашей глуши открылось общество трезвости и совершил молебен священник. Человек неграмотный, к тому же ограниченный в средствах, Василий Андреевич, тем не менее, под свою ответственность выписал из Петербурга книги трезвенников и ежедневно с утра до вечера появлялся то в одном, то в другом доме несчастных алкоголиков с книжечкой в руках. Сейчас многие семьи почувствовали обновление, и у них потекла смирная семейная жизнь. Все они молят Бога за доброго Василия Андреевича..."

Трогательное письмо прислал крестьянин Симбирской губернии Архип Филиппов. О существовании Александро-Невского Общества он узнал из газет, поступил в него заочно (ему выслали священный лист трезвости) и был у себя на родине

„спервоначалу одинок, как бы круглый сирота". Но при помощи и благодати Божией он помаленьку начал действовать.

„И так дорого и любезно стало мне дело трезвости, что день и ночь беспокоит меня... Слушая мои беседы и чтения, нашлись добровольные трезвенники, число которых теперь доходит до 53 человек. И не нарадуются они, что отстали от дурных привычек. Славлю Господа! Для ведения бесед совсем нет у нас книг против пьянства. Не найдете ли возможным ради Бога оказать нам духовную милостыню, в коей мы нуждаемся несравненно больше, чем нищий в куске хлеба".

Основав Общество трезвости, отец Александр всеми силами стремился отвлечь рабочих от губительной чарки. Он старался создать такую обстановку, которая отвлекала бы вчерашних пьяниц от всевозможных соблазнов.

„Апостол трезвости" (выражение самого подвижника), батюшка приступил к изданию духовного ежемесячного журнала „Отдых Христианина" (с бесплатным приложением книжек), к которому вскоре присоединились и другие самостоятельные журналы: „Трезвая Жизнь", „Воскресный Благовест" и „Известия по С.-Петербургской епархии". Все издания Общества трезвости были доступны для простого народа.

Новое дело радостно напутствовал отец Иоанн Кронштадтский:

„Иди в мир, прекрасная, назидательная книга, творение братских, христианских, благожелательных душ и приноси живые плоды веры и добродетели".

Отныне эта надпись украшала титульный лист всех выпусков журнала „Отдых Христианина".

Огни во тьме

Отец Александр был выдающимся редактором. Он ставил великие цели и стремился к ним – чуткий, сознательный, сильный.

Подвижник думал возродить нашу духовную печать, одухотворить ее, чтобы она шла в жизнь – святая, огнистая, манящая.

Он видел, что общество совсем не знает Христа и Его Евангелия и – кроткий – не обвинял его. „Мы виноваты здесь“, – писал он.

„Господи Боже! – воскликнул он в одном из писем. – Если бы вы только знали, как мучительно больно порой перелистывать наши духовные журналы! Это – мертвечина, это – громадный переплет, под которым бесследно скрылась живая книга... Возьмешь светский толстый журнал – понятно, искренно, образно. А у нас не разберешь: понятно ли, искренно ли, образно ли.... А ведь жизнь стучится, бьется к нам, и боюсь, что постучится-постучится и пройдет дальше. Ведь нашими статьями не напитаешься. Экое горе великое! Пишем, получаем построчную плату, а люди на земле живут по-прежнему, будто мы никогда ничего не писали...“

И он мечтал создать особый духовный журнал – с яркими художественными произведениями, чудными иллюстрациями.

„Моя идея – вырастить у нас в России такой духовный журнал, который одинаково пригодился бы и в великосветском салоне, и в мужичьей хате... Чтобы слово его одинаково жгло всех, как каленое железо... И хочу, чтобы были в нем картины. Только не лубочные, а художественные. Я жду этого журнала всем существом своим. Я живу мечтою о нем..."

В другом письме он писал:

„Как резко разграничены у нас понятия: духовная печать и светская печать. Чехов, Горький, Андреев – это как будто не наши люди, а чужие... А мне так хотелось бы собрать всех вместе, благословить и сказать: други, работайте! Бог соберет вас вместе и скажет: „Вы страдали великим страданием, не гнулись под натисками и умерли, как мученики... Приидите, благословенные!" Как хорошо быть писателем: сколько мук и сколько наслаждений, и сколько огней впереди!"

Это была великая греза честного, умного и сердечного человека о „необыкновенном журнале"... В наши дни нужен именно такой журнал – со словами то гремящими, как гром, то тихими, как материнская ласка.

И близко, и далеко нависла тьма – густая, как осенняя ночь, тоскливая... Во тьме перемешались дороги, и стал в тупик человек. Куда идти? И судорожно, бестолково заметался он, ища пути. Ибо без пути жить нельзя...

А отец Александр стоял на горе и смотрел вниз, на бездорожье... Глубокая боль была в сердце его,

и хотелось ему крикнуть туда, вниз, во мрак: эй, сюда, человек, здесь огни! И он кричал, и в том крике была вся напряженная душа его... Оттого крик был глубокий, сердечный...

„...Чем я живу? Надеждой, что мои скромные литературные труды сделают человека честнее, разумнее, отзывчивее – лучше... О материальных выгодах журнала я мало думаю. Подписчиков у нас не особенно много...

Но если бы я узнал только, что какой-то человек читал „Отдых Христианина" и, под влиянием его, бросился в горящий дом и вытащил оттуда ребенка, или простил своему лихому врагу все обиды, или лишний раз пришел в церковь и здесь глубоко умилился, или выстроил школу, открыл богадельню, – ей, сказал бы искренно: *„Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко!"*

Что-то пророчески-вещее чудится в последнем письме подвижника:

„Теперь, готовые на подвиг, мы вышли к читателю. Пусть будет, что будет... Или сгорим скоро, но будем светильниками, или – лучше не жить... Если когда-нибудь замолкнет наш голос, знай, читатель, что сомкнулись навсегда уста твоего далекого друга и уже нет его на земле... Помни, что далеко-далеко живет человек, который искренно любит тебя и старается вдохновить. Нет для него лучшей награды, как слышать, что люди на земле стали прекрасны.

И вот завет мой: когда умолкнет писатель, ты вдохновись его любовью, встань и пойди меж людей

и пусть образ твой будет прекрасный: чтобы видели тебя люди и загорались твоим светом и тоже шли, как светильники... То будет мне утешением... великой незаслуженной милостыней".

Чудные, святые строки... И неужели писавший их – умолк навеки?

„Экое горе великое!"

Но он жил с нами – этот бесконечно милый, праведный человек... И образ его – прекрасный и величавый – остался в памяти. Мы не одни с тобою, читатель-друг!

Р. Кумов

Если пьяный разум слишком часто заглушает в русском народе всякое движение духа; если в этой борьбе не произойдет скорый, решительный поворот – то вечный позор всем нам, людям досуга и достатка, мысли и знания, печатного слова!

Позор и проклятие нашему мертвому образованию, нашей праздной болтовне, нашей духовной пустоте и бессилию!

Профессор С.А. Рачинский, выдающийся педагог, один из основателей Всероссийского движения трезвости

Это воззвание было напечатано в типографии Воскресенского храма Александро-Невского Общества трезвости

Издание книг для народа – духовная милостыня

„Он создал для трезвенников целую литературу – посмотрите заголовки книг: он хотел дать *азбуку трезвости*, убеждал, что *пить до дна – не видать добра*, стремился заполнить *отдых христианина*, привести всех к *трезвой жизни*“, – с восхищением напишет впоследствии протоиерей Философ Орнатский.

Тиражи общедоступных народных книжек исчислялись сотнями тысяч и завоевали обширный круг читателей, многие из них выдержали по несколько изданий.

Темы – самые горячие: *Жжет*, *Кто кого*, *История одной бутылки*, *Отчего гибнут люди*, *О том, что страшнее грозы*, *Пора опомниться*, *Жены вытрезвили*, *Семья православного христианина*, *Беседа старого и юного трезвенника*.

Программа издателей Александро-Невского Общества никого не оставляла безучастным:

„Мы обращаемся к тем, кого мучат неразрешимые вопросы, кто хочет, хоть на миг, подняться до неба, кто жаждет познать всю глубину и красоту живого Бога...“

Воистину, это был подвиг – писать и говорить о Христе! Современники отца Александра рисовали безрадостные картины общественных нестроений:

„Тяжело, невыразимо тяжело читать теперь наши газеты и журналы!.. Поглядишь на одну страницу – „нашествие иноплеменных", перевернешь – „междоусобная брань". А сплошь и рядом и то и другое вместе в каком-то словно роковом сцеплении. И междоусобная-то брань у нас, не так, как в старину, в смысле сражения, битвы, а просто – ругань. И вот

„гремят витии,
Кипит словесная война"

между детьми нашего Отечества, сочинившими и самим себе, и противникам своим всевозможных наименований и кличек... И кого тут только нет: и либералы, и консерваторы, и радикалы, и демократы.

Нет только истинных христиан, да и самое это великое наименование забыто и презрено, как забыто и то, что все мы братья во Христе!"

В такие-то времена вышел на свою ниву Божий работник Александр Рождественский.

Господь даровал верному рабу Своему великий талант писателя-редактора. По сути, он стал первопроходцем в издательском деле, создав новый тип просветительской литературы для народа.

С чрезвычайною жаждою он впитывал в себя знание, и до конца жизни остался всегда ищущим его, всегда пополняющим свое образование.

Кроме опыта житейского, который образовался в нем при его наблюдательном, обобщающем уме, отец Александр был разносторонне начитан. Батюшка принадлежал к числу тех страстных любителей чтения, тихих, ненасытных пожирателей книг, которые так же инстинктивно проводят жизнь в чтении, как дышат. Один товарищ подвижника по академии рассказывал, что и чай пил он не иначе, как держа книгу пред своими близорукими глазами.

Эта благородная страсть никогда в нем не угасала, и он пристально следил не только за духовной литературой, но и за светской, и начитанность его была изумительна.

„Так, раньше газетных отзывов, от него первого услыхал я похвалы купринскому „Поединку", – вспоминал Е. Поселянин. – Он знал решительно все, что за день писано в газетах, и все, что делалось и говорилось в городе".

Дела свои он старался вести „всем миром", в тесном единении со своей огромной паствой. Когда основывался „Отдых Христианина", он вырабатывал программу со старшинами трезвенников и обсуждал с ними решительно все мелочи. Правдивого, искреннего, прямого и пылкого, его похвала была особенно приятна; его возражения всегда справедливы. Так действовал этот человек, в которого Бог

вложил столько чудной творческой силы, столько созидающего ума и самодеятельности.

Он глубоко верил в силу добра, в конечную пользу благих усилий. И в литературе он любил бодрое настроение. Если зло людское он видел в полном его обнажении, не укрылось от него и громадное тайное добро, разлитое в мире".

„Живое слово зажгло сердца многих"

Своим горением он привлекал к сотрудничеству самых талантливых, совестливых людей России. А. Круглов, М. Горев, Е. Поселянин...

Были у батюшки прекрасные соработники и помощники: священники П. Миртов, П. Поляков; миряне Д. Боголюбов, И. Гребенщиков, но все руководство делом лежало только на нем.

Вспоминает Д. Боголюбов:

Он наперечет знал всех наших церковно-общественных деятелей даже из самых молодых, только еще подающих надежды. Зорко следил за литературными опытами писателей начинающих и умел, ради пользы дела, поддержать и завязать с ними отношения.

Происходило это у него просто, даже мило, без всякой навязчивости.

Воскрешу нечто из личных воспоминаний. Жил я в Харькове, проповедовал народу и на досуге „пописывал". Адресовал свои заметки исключительно в „Миссионерское обозрение", полагая, что моей темой интересуются только люди, причастные к официальному миссионерству.

И вот однажды совершенно неожиданно получаю письмо от отца Александра, тогда лично мне

еще неизвестного. Он писал, что недавно ознакомился с моей книгой – и считает долгом привлечь к сотрудничеству в „Отдыхе Христианина". Для этого журнала тоже нужны статьи из области миссионерства, без печати политиканства, проникнутые спокойным доброжелательством к людям заблуждающимся...

„Пишите нам такие статьи особенно в форме рассказов из живой, а не сочиненной действительности. Этим вы восполните пробел в нашем журнале, дадите читателям истинно-христианский „отдых" и послужите своей миссии наилучшим образом".

Дальше отец Александр писал мне об условиях сотрудничества – все ясно, полно, начистоту, без всякой утайки.

Я был поражен сделанным мне предложением и обрадован возможностью выступить на более широкое литературное поприще...

Другой постоянный автор „Отдыха Христианина" с восхищением отмечает:

Четыре с половиной года продолжалось мое заочное знакомство с Александром Васильевичем – почти дружба. Личное свидание не удалось, несмотря на обоюдные к тому попытки.

Его письма дышали такою силою, таким желанием расширения и углубления деятельности, таким критическим отношением к церковной современности...

Приглашая к сотрудничеству, он писал: „Мы с вами стоим у одного и того же народа, жаждущего воды живой".

Да, каждый корреспондент и собеседник был для него единственным, неповторимым, Богом данным.

Воспоминания писателя И. Ювачева тоже пронизаны любовью к народному редактору:

Вечером 26 августа 1902 года захожу к своему другу А.В. Круглову и среди других гостей застаю у него отца Александра Васильевича Рождественского. Батюшка предложил Круглову стать постоянным сотрудником его изданий. Пригласил он также и меня.

Это была моя первая встреча с отцом Александром. Бледный, худощавый, с горящими глазами, он был полон энергии и горячо отзывался на всякое предложение. Казалось, он не признавал невозможного, никаких затруднений. Я слушал его вдохновенные речи и удивлялся – откуда такая сила в слабом на вид организме. В продолжение двух часов мы поднимали множество деловых вопросов, и все их отец Александр решал в две-три минуты.

Я обещал прийти ко всенощной на праздник святого Александра Невского в Воскресенский храм, где отец Александр был настоятелем, и принести ему свой рассказ.

Вечером 29 августа из-за тесноты я едва пробрался в церковь. Служили собором.

Но вот выходит отец Александр и сразу, высоко подняв голову, заговорил таким возвышенным

голосом, как будто хотел, чтобы его услышали и стоящие на паперти.

– Выдержит ли он такой тон до конца? – усомнился я.

Ясным, доступным для понимания языком, чистым русским говором, с легким выделением гласной буквы *о*, батюшка рисовал одну картину за другой. Я оглядел народ: и старые, и молодые рабочие впились глазами в молодого проповедника и как бы застыли. Все напряженно слушают, забыв о времени и об усталости. Взятый отцом Александром высокий тон не слабел. Напротив, кажется, вот-вот он сам сейчас зарыдает. Видно, что он не только пережил, но и теперь переживает то, о чем говорит с такою болью души...

У меня навернулись слезы.

– Спаси, Господи! Спасибо! Благодарим! – хором загремел народ, когда отец Александр закончил свою речь. Никто не стеснялся и не скрывал своих слез: все, потрясенные до глубины души, открыто утирали глаза и громко сморкались.

Начался молебен святому Александру Невскому. Отчетливо, не торопясь, отец Александр читал молитву, и в каждом его слове слышалось искреннее чувство. Народ опять зарыдал.

– Откуда такая сила у человека?! – недоумеваю.

Я подошел к нему. Прищуриваясь близорукими глазами, отец Александр узнал меня только на расстоянии двух-трех шагов.

– А, это вы, Иван Павлович! Пожалуйте сюда! – заторопился батюшка и повел меня в соседнюю

комнату-боковушку при алтаре, где ожидали его псаломщик и два члена из Общества трезвости с бумагами для подписи.

Отец Александр стал расспрашивать их, и в то же время читает бумаги и подписывает. К дверям подошли еще просители.

Наконец, батюшка идет к выходу из храма. Тут к нему опять бросилась толпа народа. Я терял терпение. Ведь этому конца не будет! Отец Александр, должно быть, понял мое состояние и пригласил к себе на квартиру, наверх.

– Я сию минуту приду, вот только отпущу народ.

В квартире батюшки я застал обширное общество, преимущественно из духовных лиц. Все они поджидали настоятеля.

– Горит и светит наш Александр Васильевич полным пламенем! – заметил кто-то из присутствующих.

– Исполать ему!

Наконец, пришел хозяин квартиры. Лицо бледное, истомленное. Видно – страшно устал! Но глаза горят и свидетельствуют о несокрушимой энергии. Я ему дал свой небольшой очерк „Три дня у иноков".

– В первой же книжке пойдет! – заметил мне батюшка.

Я вышел от него сильно пораженный всем виденным и слышанным.

– Не перевелись еще добрые пастыри! – думал я дорогой. – Не жалея своего здоровья, он работает изо всех сил. Вот человек, который не откладывает

до завтра, а живет сегодняшним днем. Сейчас, скорей, скорей! Надо беречь время: *„дни лукавы"*, да и *„время близко"*!

Проходит месяц. Вышли сентябрьская и октябрьская книжки „Отдыха Христианина", но моей статьи нет.

Я поехал к отцу Александру за объяснением.

– Маленькое затруднение вышло с цензурой, – пояснил он мне. – Но я непременно хотел напечатать этот очерк в нынешнем году и потому решил показать его митрополиту. Он советует сделать вот такие-то изменения.

Я согласился, и статья была напечатана в декабрьской книжке. В это время я готовил для журнала другой очерк „Сестра Варвара". Отец Александр посоветовал мне издать его отдельной книжкой и сам предложил принять все хлопоты на себя. Это был период, когда его стала занимать издательская деятельность. Все свободные часы он посвящал переговорам с типографиями; сам занимался покупкой бумаги, заказом рисунков и клише. Когда ни приедешь к нему, он показывает образцы бумаги, шрифтов, начинает вычислять расход на типографию.

– Можно недорого издать книгу, – часто говорил он. – И сбыт ее всегда обеспечен, если она затрагивает животрепещущую тему, интересную публике.

Сам Александр Васильевич мало писал: он так горячо внутренне кипел, что его мысли не могли бы улечься в спокойную форму. Ему Бог дал хороших сотрудников, которые обеспечили успех его журналов. Отец Александр больше создан был, чтобы других

толкать на дело, организовать, заправлять, двигать. Он всегда шел полным ходом и никогда не любил застаиваться. Как будто знал, что дни его сосчитаны, и надо спешить использовать их!

Письма в редакцию, на набережную Обводного канала, 116, приходили со всех концов России-матушки. Спешит поделиться радостью с издателями „Воскресного благовеста“ подписчик П. Кудрявцев из Тульской губернии: „И назидательно, и кратко, и содержательно, изложение – прямо художественное, картинное...“

А вот мнение священника Николая Пущинского Астраханской епархии: „Прочел несколько статеек „Воскресного благовеста“, и как хороши они! Задушевны, понятны, живы, наглядны, не схоластичны. Я читаю их в церкви целиком – слушаются с охотою. Живое слово зажгло сердца многих. Честь и слава Вам. Ваш труд не напрасный, он приносит плоды“.

Много творческих замыслов рождала любвеобильная душа отца Александра, но одна его идея, пожалуй, не имела себе равных: создать детскую школу трезвости!

И вот 26 августа 1904 года она открылась, **„Первая Российская Сергиевская школа трезвости“**, при поддержке К.П. Победоносцева и архимандрита Михаила, наместника Троице-Сергиевой пустыни, неподалеку от прославленной обители. Впоследствии это образцовое учебное заведение

удостоилось Августейшего покровительства Наследника цесаревича.

Воспитанниками школы были, в основном, дети родителей алкоголиков. Заведующим и законоучителем стал активный деятель и член Совета Александро-Невского Общества иеромонах Павел Горшков, будущий новомученик, наместник Псково-Печерского монастыря в годы Великой Отечественной войны. В Великом посту дети пели под его управлением Божественную литургию, юные воспитанники всегда читали и прислуживали за всенощными. Другой попечитель Сергиевской школы, И.И. Баранов, тоже был тесно связан с Воскресенским храмом как член его строительной комиссии. Он служил обездоленным детям „как отец родной, истинный печальник за будущность России".

Епархиальная власть с величайшим сочувствием следила за деятельностью отца Александра. Его начинали ценить не только среди трудящихся классов столицы, но и во дворцах.

За торжество по открытию честных мощей преподобного Серафима в Сарове, куда он ездил в 1903 году в качестве проповедника, награжден был батюшка золотым наперсным крестом из кабинета Его Величества, и, кроме того, в 1902 году сами трезвенники поднесли ему золотой с бриллиантами наперсный крест в полторы тысячи рублей. Говорили, что скоро его ждало протоиерейство.

Но возгордился ли он? Кто бы мог сказать, что такое возвышение испортило его? Каков был

в юности, таким остался и в зрелые годы. Сама кротость, незлобие, ласковость, простосердечие, полнейшее бескорыстие, доброта – подвижник воплотил в себе лучшие христианские добродетели.

А сколько он давал правою рукой из своих достатков разным униженным, бедным, несчастным, постоянно обращавшимся к нему, часто студентам и курсисткам, а также и многим приезжавшим в Питер для заработка из провинций, о том не знала его левая рука... Когда скончался отец Александр, для его вдовы и младенца-сына не осталось решительно никаких средств, а он мог бы, если б хотел, скопить значительную сумму...

На помощь гибнущему брату

Из воспоминаний М. Горева

Трудно сострадать, не испытав страданий

– Как прикажете доложить о вас? – проговорила молоденькая, нарядно одетая горничная, когда я вступил в небольшую переднюю.

Я подал свою карточку.

– Пожалуйте! – любезно пригласила она, распахивая высокие двери и зажигая люстру.

Я вошел в кабинет редактора и в ожидании начал разглядывать комнату. Посредине стоял большой письменный стол, на котором в беспорядке возвышались груды различных бумаг. По стенам тянулись новые шкафы с большими, толстыми книгами в красивых одинаковых переплетах, с золотыми надписями фамилий известных писателей и поэтов.

В далеком углу, напротив от входа, робко жался к стене небольшой столик с недописанной кому-то запиской, с грудой корректурных листов. Это и было рабочее место редактора.

Вдалеке послышались тихие, быстро приближающиеся, торопливые шаги. Я оглянулся. В комнату входил молодой, красивый священник.

Грустные, вдумчивые глаза были пристально устремлены на меня. Все лицо его имело сосредоточенный, озабоченный вид.

– Здравствуйте! – В тоне батюшки слышалась тихая ласка. – Ну, хорошо сделали, что пришли. Так, значит, вы согласны писать у нас?

– Да, – ответил я. – Но мне бы хотелось узнать, какого направления я должен придерживаться при составлении статей для журнала...

– При чем тут направление? Пишите от сердца, от души. Что тронет вас, заставит призадуматься, о том и пишите. Но не сразу: прежде продумайте хорошенько. Прочувствуйте каждую строчку, каждое слово вашего писания...

Знайте: вы трудитесь не для меня, не для себя, не для гонорара, а для тех, которые нуждаются в трезвом слове, кто в продолжение своей жизни не знал никакого убежища, никакой радости, кроме кабака и распространенных в нем грязных, отталкивающих изданий...

Начав писать, вы становитесь учителем, вожаком народной массы. Вы берете на себя новый талант, и надо благоразумно воспользоваться им, не закопать его из-за денег в груде халатного писания...

И если теплится в душе вашей хоть маленькая искорка добра и Божьей правды, надо разжечь ее в большой костер, в большое пламя, которое бы не только вашу душу согрело, но и сердца тех, для кого работаете...

Я посмотрел на отца Александра.

Его горящий взор светился каким-то неземным, бесконечно добрым огнем.

Мне стало стыдно. Он призывал меня жертвовать все свои силы... А я?

Я мог только покраснеть и, смущенный, растерянный, потупить взор.

– Михаил Владимирович! – продолжал между тем отец Александр, – я вас мало знаю, вижу только первый раз и между тем читаю мораль... Простите меня... Но хочется, чтобы сотрудники мои не были поставщиками литературного товара, чтобы журнал не был бы рынком, но купелью, банею живого слова, утешением всех, кто ищет утешения и стремится к нему...

Отец Александр на минуту смолк.

Молчал и я...

– Такие вещи пишутся только кровью... Кровью бедного, исстрадавшегося сердца. А для этого надо жить, надо бороться, надо чувствовать, надо страдать... Страдайте, Михаил Владимирович... В этом весь завет мой к вам. Но свое страдание растворяйте состраданием к несчастьям ближних. Сострадать трудно, не испытав страданий. Потому к ним и призываю...

Уж очень понравились вы мне, потому и говорю так. Другому бы не сказал. Даст Бог – еще ближе сойдемся, и пойдет наша работа рука об руку, работа сердца, работа души...

Я уже любил отца Александра.

Мне хотелось обнять его, зарыдать на его груди...

„Дневник трезвенника“ уже набран. Он мне понравился. Продолжайте в том же духе. Было бы очень хорошо, если б заехали ко мне примерно к девяти часам вечера. Ваш Рождественский“.

Получив это письмо, я тотчас же собрался, сел на извозчика и покатил к храму у Варшавского вокзала, при котором помещалась редакция. В десятом часу вечера я снова входил в редакционный кабинет.

– А у меня припасены кой-какие материальчики – для ваших статеек, – радушно приветствовал батюшка.

– Но они еще в проекте. Представьте: никак не могу остановиться на какой-либо порядочной теме. Все так избито, шаблонно.

– А темку я придумал... хорошую темку... Хотите, скажу?

– Пожалуйста... Буду очень благодарен.

– Видите этот журнал: „Трезвость и бережливость“? Он недавно закрылся...

– Почему? – изумился я, разглядывая изящно изданный номер журнала.

– Очень просто: средств, конечно, не хватило. По этой причине закрывается большинство хороших журналов. А жаль. Было что почитать. Ну, да делать нечего. Приходится мириться...

Ведь издавать что-либо светлое, не приноровленное ко вкусам развращенной толпы, вы и представить себе не можете, как трудно... Все сторо-

нятся, все бегут от журнала, боясь услышать хоть один упрек в развратной жизни, хоть одно напоминание о светлом, лучшем пути.

Видали ли вы такую сценку: маленький ребенок, пятилетний крошка, весь перепачкался грязью. Няня оттаскивает его от грязного песка, убеждает, что надо всегда ходить чистеньким. Ребенок плачет. Он рвется к грязи, к своей забаве. И на все уговоры няни раздается только капризный детский плач. Затыкая уши, сквозь слезы, ребенок, топая крохотной ножонкой, кричит:

– Дура... Дура, нянька... не говори...

Невольно сравниваю я этого капризного ребенка с развращенной толпой. Ведь она тоже перепачкалась вся... в грехах перепачкалась... Много ли вы найдете душ чистых, светлых, незапятнанных еще житейской грязью, много ли найдете вестников истины, служителей правды? Кругом гниль, нечистота, пороки без счету...

Кажется, вот теперь-то и нужно трезвое, разумное слово, которое смогло бы остановить катящихся все ниже и ниже в бездонную пропасть людей... Не тут-то было. Жалкая, беспомощная толпа затыкает свои уши. Ей приятно пачкаться грязью. В позорном ослеплении она кричит проповедникам:

– Довольно!.. Довольно!.. Смолкните! Мы все это знаем... Можем остановиться, когда захотим... Не мешайте нам!

Отец Александр разгорячился.

Пот крупными каплями струился по его возбужденному лицу.

– Впрочем, к чему это я?! Может быть, вам совершенно не интересно?

– Напротив! – воскликнул я. – Ничего подобного мне никогда не приходилось слышать.

Мы вернулись к теме разговора. Батюшка продолжал:

– Да, так вот. В этом журнале „Трезвость и бережливость" есть хорошая статья Бородина: *„За грехи отцов"*. Речь идет об ужасной наследственности, тех невольных жертвах пьянства, какими являются сыны и внуки пьяниц. Наследственность – дело ужасное, дело страшное, дело грозного Суда Божьего...

Напишите об этом, дорогой. Думаю, сами увлечетесь работой и пользы немалой достигнете. Ведь не будь наследственности, этого ужасного, рокового вырождения, горя на многострадальной Руси вполовину уменьшилось бы...

В том-то и трудность борьбы, что люди глухи к доброму, трезвому слову. А почему они глухи – Бог знает. Их более тянет ко греху, ко всему злому, нехорошему, бесконечно виновному пред светом Евангелия, пред судом своей совести. И это предрасположение, удобопреклонность ко греху и есть наследственность, ибо все дурное всасывается младенцами с материнским молоком. Еще до появления на свет обречены они на пьянство, разврат, различные преступления...

Грехи караются до седьмого поколения. Помните эти библейские слова. Они были забыты, ими долго пренебрегали. Но теперь они выплывают

наружу. Всю Русь охватило несчастье, налицо новое нездоровое явление: я разумею хулиганство во всех его разнообразных видах. Драки, бессмысленные избиения среди простонародья. У интеллигенции это хулиганство проявляется в более тонкой, но, по моему мнению, еще более развратной форме, и ведет к разложению семьи, новым жертвам наследственности...

Теперь понимаете? Думаю, вы сумеете об этом написать.

Из квартиры отца Александра я выходил, как всегда, в приподнятом настроении.

Дух возвышался и царил над плотью.

Впереди горел ярким пламенем Свет Невечерний...

Хотел спасать, но не знал как

Декабрьский день... На дворе мороз, холодно... Серая хмарь, грязная и пугливая, нависла над мерзлой землей...

Дует пронизывающий насквозь ветер. Холодно... Холодно и в природе, и на душе как-то холодно. Был канун Рождества, скоро должен был родиться Предвечный Младенец, и сердца – коснуться Его святая теплота, а между тем как-то странно, непонятно холодно... Отчего бы это?

Жизнь бесцельная, туманная, жизнь мрачная и тоскливая, как эта серая, спускающаяся на землю хмарь. Как противна сделалась вдруг она мне!

Грязный, мокрый снег в безумной ярости громадными хлопьями ударял в промерзлое окно и тут же таял и плакал мутными слезами...

На улице оживление. Тащили елки, шли дамы, нагруженные различными покупками, детишки с побрякушками; кое-где валялись упившиеся мастеровые...

Я смотрел в окно...

Пристально, долго смотрел, хотел увидеть настоящую жизнь, озаренную лучами мелькнувшего мне Невечернего Света с великими делами спасения человеческих душ...

Но такой жизни не было.

Холодно... Холодно...

Я чувствовал в себе силы, но не умел их приложить к делу, чувствовал энергию, но не знал, куда она должна быть направлена, хотел спасать, но не знал каким образом...

И от этого духовно умирал...

Мне вспоминался отец Александр, его живая работа. Как хотел бы я быть с ним в эти святые дни, как хотелось бы мне увлечься настоящим делом, чтобы не чувствовать пустоты и своей отчужденности от окружающего мира, от несчастных людей.

Я жил на окраине столицы. Там, где вечно царил разврат и безобразное, дикое пьянство... без устали... без просыпа...

Я наблюдал гибель рабочего люда; мне больно было ее видеть, но я не знал, чем помочь.

И вдруг блеснула мысль...

То была счастливая мысль, лучшая из всех, какие только приходили мне в голову.

И я поехал к нему...

Как мало прожито и много пережито

25 января 1904 года на далекой окраине Петербурга открывалось пятое по счету отделение Александро-Невского Общества трезвости, руководителем и основателем которого, как известно, был отец Александр. (Автора этой статьи батюшка, как станет понятно из текста, назначил руководителем нового отделения. Сбылась его мечта о живом деле! – *изд.*)

Через несколько дней приходит ко мне довольно молодой на вид человек с честным, открытым лицом, бесконечно грустными, вдумчивыми глазами.

– Я от отца Александра... Батюшка прислал меня сюда служить сторожем. Велел явиться к вам.

В тот же день получаю записку от отца Александра:

„Ради Бога упасите душу присылаемого вам от малых сих. Он несчастный. Томился, бедный, в тюрьме. Надо указать ему новый путь, новые стремления. Желание исправиться в нем твердо. В этом я горячо убежден. Очень и очень интересна история его жизни. Расспросите, но не сразу. Как бы не растравить больные раны и не сделать хуже. О моей записке к вам умолчите: нарочно посылаю ее отдельно. Весь Ваш Рождественский".

Только месяц спустя, узнав поближе Никанора (так звали молодого человека), я разговорился с ним о его прошлом. Получилось все само собой. Как-то, встретив меня на кухне с засученными рукавами, он начал поспешно одергивать рукав рубашки, пытаясь незаметно что-то скрыть. Я заинтересовался.

– Ну-ка, показывайте, что там...

– Да так... Ничего особенного. Запачкался.

Но я уже увидел. По всей руке было выжжено огромными буквами и залито тушью: ***как мало прожито и много пережито***. Потрясенный, смотрел я на Никанора и молчал.

– Да, так и есть. Много горя пришлось хлебнуть, много нужды изведать... А мне ведь всего 24 года... – так начал он свой рассказ. – В тюрьме „гостил" целых четыре раза.

Прием мне там оказывали нерадушный, неприветливый: каменные стены молчаливы.

Из честного, порядочного человека я превратился в негодяя, презренного отброса общества, от которого бегали, как от опасной чумы. Печать отвержения лежала на мне. Я хотел вырвать с корнем постылое прошлое, начать новую, светлую жизнь... Но трудно было прошибить стену людского эгоизма и равнодушия.

Никто не понимал души моей... Крал? Да, но крал от нужды, от лишений, от безысходного горя. Ведь я клялся толпе, говорил, что мне нечего есть. Но никто не верил, не подавал руки помощи... И ради корки насущного хлеба я снова

шел на преступления, презирая их всеми силами души.

И Никанор глухо зарыдал. Через минуту он продолжал:

– Больно вспоминать... Страдания мои были слишком велики. Но, знайте, я молился Богу, молился усердно, не переставая. И мне, наконец, блеснул светлый луч...

Освобожденный из мрачных застенков тюрьмы, я встретил на своем пути ангела доброго, светлого – отца Александра. Помню: пришел к нему в первый раз продрогший, голодный, с тоской на душе.

– Вы знали его раньше?!

– Нет, люди указали... такие же брошенные, забытые, каким был и я. Ведь он их отец родной... Всякого накормит, обласкает, пригреет.

Строго встретил меня батюшка.

– Тебе чего?

А я ни слова.

Только чувствую, как всего меня начинает колотить непонятная нервная дрожь.

Пристальным, внимательным взором смотрел на меня отец Александр.

– Я из тюрьмы... Вот принес вам, – еле смог проговорить я, подавая ему толстую, довольно увесистую тетрадь. – Жизнь моя здесь описана...

Лицо отца Александра прояснилось. На устах заиграла тихая, радостная улыбка.

– Пожалеть тебя, что ли? – ласково, тихо проговорил батюшка и погладил меня по голове.

На мои глаза навернулись слезы.

– Жалею... жалею... От сердца... От души жалею... Терпи.

Батюшка говорил отрывисто. Каждое его слово, как острый нож, вонзалось в мое сердце. Тайный страх сковал все мое существо. Думаю, это был трепет нечистой, бесконечно греховной души пред светлым ликом пастыря.

– Больше терпи! – продолжал между тем отец Александр. – Знай: диавол около тебя; он, как лев рыкая, ищет тебя поглотить. Не отдавайся во власть сатане...

Помни: еще один твой ложный шаг, падение, и ты снова погибнешь и, быть может, навеки. Страшись суда Христова... Помни: ты человек! Ты и забыл про это? Бедный! Но я не виню тебя слишком... Больше виноваты бессердечные, безжалостные люди, которые своим эгоизмом, холодностью заглушили в тебе все святое, человеческое...

Не унывай, не предавайся отчаянию – ты человек!.. В тебе теплится Божья искра, ты имеешь пред Творцом такое же сыновнее дерзновение, как и все мы. Ты тоже Божий слуга, но слуга слабый, безвольный, уклонившийся от правды небесной, пошедший по ложному, неправому пути...

Борись с искушениями, борись с морем соблазнов и помилован будешь: печаль твоя обратится в радость, слезы твои в ликование. Терпи! Сам Христос терпел... и ты... ты тоже терпи... Ты плачешь? Плачь, дорогой!

Я упал на колени, я обнимал ноги отца Александра, я не знал, что делать от радости, от счастливого сознания, что я еще не окончательно погиб, что я человек!

– Да встань же... встань, тебе говорю... Ведь голоден, поди?

Я встал и, смущенный, не смел поднять опущенного взора.

– Ну, так как же? Кушали мы сегодня? Или уж десятый день на пище святого Антония сидим?

Я замялся и еще больше покраснел.

– Нет, я не ел. Только не подумайте, что я не хочу работать, что я бродяжка какой-нибудь... попрошайка.

– Ничего не думаю, да и думать не хочу. А это... вот тебе на еду. Держи. И тридцать копеек – поди, запишись...

– Да я и так, батюшка, не пью.

– Все равно запишись. Крепче будешь.

И пастырь благословил меня. Я не знал, что делать от охватившего меня безмерного счастья.

В моей руке была трехрублевка.

На душе было так легко, как бывает у малых невинных детей.

– Приходи денька через три. Прочту твое писанье, – донеслись до меня последние слова дорогого батюшки.

А к нему уже подошла какая-то низенькая, сгорбленная старушка. Она ничего не говорила, только плакала. И батюшка, положив на ее голову свою руку, смотрел так ласково, по-доброму...

– Печальник... Божий Ангел, – пронеслось в моей голове, и я направился в ярко освещенную церковь. Там шла всенощная...

Через три дня у отца Александра уже было готово место для меня. Он душу спас от неминуемой гибели. И не только мою.

Сотни обездоленных вырваны им из омута порочной жизни.

Душа отца Александра что маячок. Светлая она. Не ему только светит одному, а и другим дорожку к небу показывает. Ведь у батюшки нет собственного горя, личной радости. Он живет в народе и для народа, радуется одной с ним радостью, горюет одной печалью...

Это единение его с народом свято.

Странствующий мальчик обретает дом

„Приезжайте немедленно, неотложно... Вы мне нужны для спасения одного мальчика. Жду вас, весь вечер жду... Любящий вас Рождественский".

Получив эту записку, я мигом собрался и полетел к Варшавскому вокзалу.

– Ничего не понимаю... Какой мальчик? Разве я могу спасти?! Ведь сил у меня почти нет.

– А кто это недавно горевал, что и силы есть, и энергия налицо, да нет деятельной живой работы...

Я немного смутился.

– На маленькое дело, пожалуй, и хватило бы... А спасать ведь так трудно.

– И вместе с тем так легко! – воскликнул мне в тон отец Александр. – Стоит лишь захотеть.

У меня сейчас находится интересный мальчик, который, право же, заслуживает нашего с вами внимания. Он бросил своих родителей, которые его нещадно били и притесняли. Будучи восьмилетним ребенком, без гроша за душой, не имея даже жалкой одежонки, ребенок пустился в далекий и трудный путь, полный всевозможных лишений и бед...

С одним метрическим свидетельством в кармане он вот уже два года путешествует по России. Танцевал в Варшавском театре, через три месяца убежал из него и, наконец, дошел до жалкой роли уличного певца и музыканта... Странствующий актер.

А между тем это мальчик смышленый, одаренный недюжинным умом, выдающимися способностями. Из него бы вышел честный, хороший работник, если бы не воспитание, которое он получил дома, приобрел на улицах, среди вечных пьянчужек и безобразных развратников.

Он испорченный, вконец развращенный мальчик, уже знает то, чего не должны знать даже юноши. А ведь ему всего одиннадцатый год... Ужасно! Разложиться, пропитаться гадостью, гнилью в столь ранние годы и с такими способностями!.. Но в мальчике еще не все погибло – есть желание исправиться, начать иную, светлую жизнь. Любимая греза его – консерватория. Бедный, он мнит себя талантом, хочет добиться своей цели

и только для ее достижения терпит и голод, и холод, и нужду, и тысячи лишений...

Михаил Владимирович! Разве не больно смотреть на этого брошенного, всеми забытого ребенка? Во всем большом белом свете нет ни одной души, кому бы он был нужен. Мальчик безмерно одинок. Как страшно должно быть это полное одиночество в десятилетнем возрасте, и каким падением грозит оно ему. Ведь у него не выработается ни одного доброго человеческого чувства. Зависть, злость на всех людей, на весь мир будет постоянно глодать его сердце и, может быть, даже доведет до преступления...

Надо спасти его, спасти непременно, каких бы это ни стоило усилий.

Отец Александр задумался.

Несколько минут длилось тяжелое, мучительное молчание... Наконец батюшка встрепенулся.

– Я придумал! Думаю пристроить его в вашем отделении. Там он будет находиться под призором, там, постоянно влияя на него, можно перевоспитать ребенка, направить в другую сторону.

– Но согласится ли? Если мальчик привык к мечте о консерватории, грезам о почете, всеобщем поклонении, как может примириться он с нашим отделением, тихой в нем жизнью...

– Вы и не убивайте его излюбленной мечты! Напротив, развивайте ее, но внушите, что прежде необходимо образование. И, если располагаете свободным временем, готовьте его к гимназии. Там он окончательно перевоспитается. Согласны?

– И как это вы только придумать можете так просто и так хорошо?

– Я сейчас позову вашего будущего воспитанника...

И передо мной предстал худенький мальчик. Лицо его было бледно и безжизненно. В глазах светилась безысходная печаль.

Он как-то особенно, по-театральному раскланялся.

– Это Михаил Владимирович. Он тебя приготовит в консерваторию.

Глаза мальчика разгорелись.

– Правда? – возбужденно воскликнул он, весь трепеща от неподдельной радости.

– Да. Только слушайся и учись хорошенько. Будешь?

– Непременно буду! Лишь бы в консерваторию поступить. А с вами, значит, мы уж больше никогда не увидимся?

– Отчего же? Я скоро приеду к тебе. Иди, одевайся.

И когда уже мальчик нарядился в новенькое, должно быть, только что купленное отцом Александром пальто, он подошел к батюшке и, схватив его руку, крепко сжал ее своими маленькими ручонками.

– Добрый вы... Мало таких. Люблю вас. Я редко кого люблю. А вас люблю. Крепко, крепко. Вот так!

И с этими словами он прильнул губами к батюшкиной руке.

На глазах его блестели слезы.

Я и сам не мог без слез смотреть на эту трогательную сцену.

Лик доброго пастыря, озаренный лучистым сиянием бесчисленных добрых дел, все ярче и ярче выступал среди тьмы будней...

И под его яркими лучами пробуждался и я для новой жизни, новых трудов.

Тернистая дорога к небу

– Где здесь больной? Больной где? – громко и весело кричал отец Александр, направляясь ко мне в комнату.

А между тем к горлу моему подступали глухие рыдания, грудь неровно вздымалась, все существо била страшная нервная дрожь.

Невыразимая досада, горькое отчаяние овладели мною. Заснувшие было слезы обиды при появлении отца Александра снова покатились из глаз, но покатились жгучей, грозней... Я терзался, и мне, пожалуй, нравилось это терзание. Роль угнетенного и обиженного была мне по сердцу... и я рыдал... рыдал без конца...

– А, вот вы! Здравствуйте, Михаил Владимирович!

Я мельком взглянул на отца Александра, сделал неимоверное усилие, чтобы улыбнуться, но улыбка не вышла, и рыдания, судорожные, истеричные, вырвались из моей наболевшей души...

– Точно маленький. Право, маленький. Кому сказать: такой большой мужчина и туда же... нюни распустил. Стыдно... стыдно.

– Отец Александр! Я не могу простить... не могу забыть... Обвиняйте меня в чем угодно, потешайтесь надо мной, но не трогайте моих священных убеждений, чтить которые я привык еще в далеком детстве. Если читаем вечерние молитвы, если привились они в народе, если богомольные трезвенники их усердно посещают, какая в том беда, какой вред? Неужели же сектантство? А между тем именно в сектантстве меня и обвинили, сказали, что „радения" какие-то устраиваю...

Бросил бы молитвы, да народ жалко... детей жалко: ведь они мало-помалу привыкают молиться, молиться непрестанно... Я не могу простить этого ужасного обвинения. Как было бы горько моему доброму отцу, если бы он услышал это.

Отец Александр! Ведь это ужасно!.. Хочешь приносить людям пользу, а они смеются, клевещут.

Я пойду в село – священником. Там тише, спокойнее, люди мягче, добрее.

– Это в селе-то?! Бросьте, Михаил Владимирович! Там не только назовут это сектантством, а чем-нибудь и похуже... Найдутся безграмотные крестьяне, которые не примут вашей стороны, не оценят вашего дела христианской любви и закидают каменьями. Будут писать на вас доносы, обвинять чуть ли не в политическом преступлении. Нет, Михаил Владимирович, в селе еще тяжелее, труднее работать... Надо обладать железной

волей, более спокойным, ровным характером. Оставайтесь здесь.

– Нет, не могу. Возьмите от меня отделение...

– Трусишка вы, а не борец. А когда-то еще бороться хотели, говорили, что чувствуете прямо-таки необыкновенную энергию... Где она? Первый щелчок, и пропало все.

Это гордость, она, проклятая, виновата. Как же: я, мол, тружусь, а на меня вон что наговаривают. Надо, дорогой, не обращать внимания. Перемелется – мука будет...

Твердо идите своим путем. Вы убеждены в святости своего дела – творите его, не смущаясь, не предаваясь отчаянию, перенося и насмешки, и брань.

На меня мало ли чего не наговаривают. Вы и не догадываетесь, сколько у меня-то неприятностей бывает. Ах, если бы вы все знали, пришли бы в ужас, Михаил Владимирович, и личная обида показалась бы такой ничтожной, что, право, не стоила бы ваших слез... Помните, что я вам когда-то советовал?

– Каждый день читать по главе Евангелия...

– Делаете вы это?

– Нет. Раньше делал, а потом как-то забылось. Бросил...

– То-то и оно. А читали бы, может, меньше бы горевали. Вспоминали бы Христа, Его крестные страдания. Он, Сын Божий, терпел, а вы кто?

Я молчал. Рыдания перешли в судорожные всхлипы. На душе стало гораздо светлее, легче...

– Так, значит, вечерних молитв не надо, раз о них соблазняются люди?

– Вы молитвы читаете по молитвеннику?

– Да, но некоторые из них народ поет.

– Прекрасно! И продолжайте. Бог вас благослови на доброе дело. Пусть говорят, что угодно. Не смущайтесь! А в отделение я на днях приеду и насчет молитв беседу скажу, поддержу вас. Ну, довольны?

– Спасибо. Вы так светло, широко смотрите на все. Мне, право, даже стыдно своей досады.

– И еще что случится, не падайте духом. Молитесь, читайте Евангелие и терпите, как терпел Христос и нам всем заповедал... Знайте: терпение лишь увеличивает похвалу, еще больше украшает ваше дело. Ну, что? Будете терпеть, никому не жаловаться?

– Буду, – улыбнулся я сквозь слезы и поцеловал отца Александра. – Для вас буду!

– Зачем же для меня? Для себя терпите, для своей души.

И, подумав с минуту, спросил:

– А помните, вы обещали мне бросить курить? Исполнили обещание?

– Да, теперь я не курю.

– Ну, вот и слава Богу, – страшно обрадовался отец Александр.

Мы направились в столовую.

– Смутьяна веду, – кричал он на ходу, – злейшего врага Церкви православной. Основателя новой ужасной ереси. Только не на смертную казнь, а ужинать... ужинать...

И он мне лукаво подмигнул.

– Дайте хоть умыться, – весело вскричал я и, вырвавшись, побежал умываться. В столовой все смеялись...

Последнее свидание

В конце января этого (1905-го – *изд.*) года я уезжал в Уфу.

– Не оставляйте наши журналы, – говорил отец Александр, – пишите. Заканчивайте книгу „На службе Богу". Скоро печатать будем.

Каждые две недели я аккуратно получал от отца Александра письма. Какие они были теплые, какой лаской, любовью дышали ко мне. С каждым письмом зов отца Александра в Петербург становился нервнее и нетерпеливее:

„Что запропали в Уфе? Вы и представить себе не можете, как нужны здесь".

Я поторопился с делами и 17 июня был уже в Петербурге.

Как летел я к нему на Варшавский вокзал, сгорая нетерпением увидеть дорогое лицо, услышать ласковый голос.

Первое, что бросилось в глаза – огромный обеденный стол, весь заваленный различными книгами и несметным количеством рукописей и корректур.

– Даже кабинета не имею, – ответил батюшка на мое немое изумление. – Скоро ремонт здесь

луй, переселиться в читальный зал. Кстати, библиотеку давно пора приводить в порядок: страшно запущена. Видите книги, каждую нужно просматривать, записывать – очень много работы...

– Ведь вы, кажется, в отпуске?

– Ничего не поделаешь. Все равно приходится работать. Все бы ничего, Михаил Владимирович, да вот простудился немного. Как-то не по себе. Ну, да не помрем, авось. Давайте-ка лучше пить чай.

Разговор все время вертелся о предполагаемых статьях и рассказах.

– Кстати, – воскликнул я, – как быть с апостолами трезвости? У меня на очереди следующий очерк...

– Напишется. Само напишется... – как-то загадочно проговорил отец Александр.

Думал ли я, что придется писать этот очерк именно о нем, безвременно погибшем апостоле трезвости?

В субботу 26 июня – последнее наше свидание.

Он уже лежал в постели, страдал, был болен брюшным тифом...

Его лицо пылало.

У батюшки был страшный жар.

Но он говорил, говорил без умолку, словно боялся, что не успеет сказать всего...

Я смерил температуру. Было 38,7.

– Ну, ничего, – сказал он. – Лучше. Еще сегодня утром было 39. Значит, иду на поправку. Ах, поскорей бы встать. Тогда примемся за работу,

поскорей бы встать. Тогда примемся за работу, Михаил Владимирович! Журналы будут у нас аккуратно выходить... Ах, скорей бы подняться! Дела-то как много, право, сказать страшно. Болеть совсем некогда.

Он не придавал серьезного значения своей болезни.

– Ягод поел. Засорил, наверное, желудок, – так объяснял он причину необычного лежания в постели.

Принесли чай. Он пил его без булок, без лимона.

– Доктор не велел. Ничего не дают, боятся. Чудаки, право! А мне думается, что если б поел, так всю болезнь как рукой бы сняло...

Несколько раз я пытался уйти. Он не отпускал меня.

Приехал отец Петр Поляков.

Было уже около половины двенадцатого, когда мы начали прощаться с отцом Александром.

– Так до шестого июля... – сказал он, и почему-то долго, пристально смотрел на меня...

Шестого июля я снова увидел отца Александра... Но уже безгласным, бездыханным.

У гроба его толпилась многочисленная толпа, заполнившая огромный читальный зал, все лестницы, коридоры...

Пели певчие. Кадили ладаном.

Во главе с архиереем выходили десятки священнослужителей в светлых облачениях и служили панихиду.

Вокруг гроба горели белые свечи...

Его осенял большой запрестольный крест.

И казалось мне, что из гроба раздается тихий, надтреснутый голос:

– Пьяненькие... убогонькие, идите ко Христу...

Все... все идите...

Ведь я жил... я трудился и своим святым делом, неустанной работой открыл для вас врата райского блаженства.

А вокруг рыдала осиротевшая толпа. Так рыдать могут только сироты-дети у гроба своего кормильца, ненаглядного отца...

Отцовский завет трезвости

В непрерывных и чрезмерных трудах подвижник истощил себя и совершенно расшатал свое здоровье. К докторам батюшка не любил обращаться. Но когда появились признаки утомления, то, по настоянию супруги, весною 1905 года к нему был все-таки приглашен знавший его доктор, который и предписал ему полный отдых на все лето.

– Нет, это невозможно, – говорил отец Александр, – это для меня смерть, – и по-прежнему продолжал свою всезахватывающую жизнь и деятельность.

В начале июня 1905 года он почувствовал значительное недомогание и накануне дня, назначенного для крестного хода в Троице-Сергиеву пустынь, у него было повышение температуры. Его друзья-трезвенники упрашивали его остаться дома, но он и слушать не хотел. И – пошел на двадцативерстное расстояние, несмотря на упадок сил, на страшную жару и пыль.

И что это было за удивительное, величественное, не поддающееся описанию народное шествие!

Такого множества святынь, такого стечения многих тысяч паломников не запомнит, кажется, ни одно религиозное торжество.

Отец Александр бодрился, ни разу не выказал признаков утомления. Вдохновляемый внутренним огнем, он, напротив, всю дорогу запевал трезвенникам и, когда достиг пустыни, лицо его было покрыто пылью, как бы маскою... Он пел, в последний раз пел свою песнь Богови.

Этот грандиозный крестный ход в Троице-Сергиеву пустынь 12 июня 1905 года, можно сказать, стоил подвижнику жизни.

„В пустыни, изнемогая от усталости, он имел неосторожность выпить два стакана холодного кваса. Открылся брюшной тиф, – вспоминал Е. Поселянин. – Он чувствовал, что умирает. И, исповедуясь пред Причастием накануне у отца Философа, он просил его, как председателя Совета Общества, обеспечить его вдову и ребенка".

Когда 5 июля на площади был отслужен молебен преподобному Сергию, отец Александр отошел. Ему было всего 32 года. Сгорела ярко пылавшая на свещнице Божьей свеча.

В двенадцать часов дня 5 июля три мерных, заунывных удара колокола Воскресенской церкви Общества распространения религиозно-нравственного просвещения оповестили о кончине молодого, но выдающегося столичного пастыря, основателя и руководителя Александро-Невского Общества трезвости, отца Александра Васильевича Рождественского.

В тот же день печальная весть облетела жителей столицы, заглянула в убогие лачуги осироте-

лого рабочего люда, и кровью облилось сердце бедного труженика... Умер тот, к кому привык он спешить со своим мучительным горем, делиться беспросветной тоской и отчаянием.

Всю ночь накануне похорон народ не расходился из Воскресенской церкви, зажигал свечи у гроба и в глубоком молчании слушал чтение иереями Евангелия, которое прерывалось лишь служением панихид.

8 июля началась заупокойная литургия, которую совершал преосвященный Кирилл в сослужении архимандрита Троице-Сергиевой пустыни Михаила, протоиереев К. Ветвеницкого, А. Дернова, Ф. Орнатского.

После причастного стиха протоиерей Ф.Н. Орнатский, духовный отец почившего и будущий новомученик, сказал незабываемую речь:

„Кого лишились вы, дорогие братья и сестры, вы, которых извлек он из пучины погибели, поставил на ноги, возродил к истинно христианской жизни? **Он благовествованием заново родил вас, и вы лишились в нем отца.**

Приняв священный сан, отец Александр сознательно избрал целью жизни борьбу с народным пьянством.

Что несчастные, одержимые страстью пьянства, сами первые болеют сердцем о своем недуге и льют горькие слезы, что они презирают самих себя, жалеют до боли и свои семьи, это видел задушевный, сердобольный батюшка Александр.

Но как властно наставить их переменить образ жизни, возбудить волю к лучшему и укрепить ее? Как сделать доступным Царствие Божие и для тех, кои его, по апостолу, не наследуют?

Эти вопросы непрерывной чредой теснились в его уме, стучались в сердце, и Бог помог Своему служителю удачно разрешить их.

Исцеление страшного недуга нашего доброго народа стало возможным при свете веры, в пламенной молитве, в горячем слове пастырского убеждения, поддержанного собственным примером.

Отец Александр начал издание книги, в которой предполагал собрать жизнеописания выдающихся борцов с народным пьянством, и предполагал назвать эту книгу „Апостолы трезвости". Если книга увидит свет, то в ней одну из светлых страниц займет теплое слово и о нем, истинном апостоле трезвости.

„Тот велий в Царствии Божием, кто сотворит и научит" (Мф. 5, 19). Отец Александр, никогда не позволявший себе излишеств в употреблении спиртных напитков, после основания Общества трезвости не стал употреблять вина вовсе и не держал его в своем доме, чтобы не угощать и других.

...Как дать почувствовать трезвенникам силу воодушевления множества людей одною идеей? И он устраивает крестные ходы, далекие паломничества. Еще не умолкли восторженные рассказы трезвенников о богомолье на Валаам во главе с архипастырем, как отец Александр устраивает грандиозный крестный ход в Сергиеву пустынь и сам ведет его от своего храма до обители.

Он истинно пал за плугом, на любимой ниве своей. И в предсмертные дни, при расставании с жизнью, он в полусознательном состоянии говорил о беседах с народом, о речах, о чтениях.

И вот его не стало. Умолкло задушевное слово пастыря. Но не умерло дело его, нет! С его смертью оно стало на крови, на костях подвижника. А *„если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода" (Ин. 12, 24).* Угодна Богови душа его".

Сонм духовенства, около сорока священнослужителей, совершил грандиозное по своему чину и в то же время чудное и умилительное погребение.

Предводимый архиереем Божиим собор пастырей, облаченных в белые пасхальные ризы, поднял гроб на свои рамена...

Пение, вопли, рыдания, вырывавшиеся из тысяч грудей, в которых трепетали любящие отца Александра сердца, печальный перезвон колоколов – все вдруг смешалось в один бесконечный тяжкий стон!..

Белый гроб среди моря обнаженных голов медленно и тихо плыл, как по волнам...

„Особенно плакали слабые алкоголики, – поведал один из участников прощания. – Им удавалось после бесед отца Александра сдерживать себя по месяцу и более; но теперь они боялись и заглянуть в свое будущее. Я видел пьяненького рабочего, который на панихиде по отцу Александру говорил со слезами поддерживающей его жене:

– Пропал я теперь! Совсем пропал!..“

Сперва гроб обнесли вокруг Воскресенской церкви, а затем, в предшествии путиловских хоругвеносцев, процессия направилась в Александро-Невскую лавру на Никольское кладбище: по Измайловскому проспекту, через 1-ю роту *(ныне 1-я Красноармейская)*, по Загородному проспекту, Владимирской улице *(ныне Владимирский проспект)*, Стремянной улице, Николаевской *(ныне улица Марата)* и Невскому проспекту.

Шествие останавливалась у каждого храма на пути, из него выходило духовенство с народом, и, присоединившись к общей процессии, служило сообща литию и пело *„Вечную память“*.

Таким образом, были остановки и богослужения: у Троицкого собора, у гимназии (где покойный был законоучителем), на углу 1-ой роты и Забалканского *(ныне Московского)* проспекта, где похоронную процессию встретило духовенство и крестный ход Афонского подворья, у Обуховской больницы, у Введенской церкви, у Владимирского собора.

До Троицкой церкви на Стремянной гроб несли священники, а затем – трезвенники, о чем они усердно ходатайствовали.

„Ничего подобного не приходилось ни разу видеть за десять лет пребывания в Петербурге! – вспоминал очевидец. – Конечно, роскошный катафалк, запряженный шестеркой, церемониальную прислугу, целые горы венков и... десятка два следующих за

гробом родных и знакомых – о, таких процессий можно встретить сколько угодно! Петербург богат, и за большие деньги можно проследовать в могилу с блеском и шиком!

Не такая процессия двигалась пред моими глазами. Белый гроб несли на руках. Копошился целый муравейник пестрой многотысячной толпы, запрудившей всю улицу. Под колокольный звон, под звуки покаянного канона *„Помощник и Покровитель"*, гроб поравнялся с церковью Общества религиозно-нравственного просвещения, и носильщики пошли под сень храма. Толпа хлынула вслед за ними, как половодье... Но разве есть такая церковь, которая могла бы вместить всю эту толпу, следовавшую за гробом?

Откуда эта любовь народная? Вот мать, окруженная малыми детьми. Муж ее долгое время все пропивал, причинял ей невыразимые страдания и оставлял семью в полной нищете. Наконец, он пришел к отцу Александру принести покаяние и при помощи Божией начать борьбу со своей страстью.

Умелое воздействие на измученную пороком душу зажгло в ней порывы к иной жизни; расслабевшая воля пьяницы окрепла; у него точно открылись глаза на человеческое достоинство и нужды семьи, а теперь все они живут обыкновенной и спокойной жизнью. При гробе мать не могла удержаться от горячих слез, а вслед за нею и малые дети то начинали плакать, то своими нежными голосами старались пристать к общему хору взрослых и сквозь

слезы повторяли: *Вечная память... Вечная память... Вечная память*".

На углу Стремянной навстречу церемонии вышел крестный ход с духовенством Троицкой церкви (разрушена в 1966 году, на ее месте построены „Невские бани" – *изд.*), в зале которой подвижник немало потрудился для народа и на пользу Общества просвещения своими чудными беседами и чтениями со световыми картинами. В этой церкви сказал прощальную речь настоятель протоиерей Павел Лахостский:

„Дорогой, незабвенный отец Александр!

Прими прощальный привет в родном для тебя храме. Здесь в пору студенческой жизни нередко раздавалось твое проповедническое слово. Здесь, ожидая определения на место к Воскресенской церкви, ты с любовью трудился над приведением в порядок обширной библиотеки и, будучи большим знатоком и любителем книг, совершил это дело прекрасно. Здесь, 8 ноября 1897 года, воспринял и благодать священства от рук нашего архипастыря. Здесь разгорался в тебе огонь ревности к просвещению народа.

И вот ты принялся за дело и исполнял его с такою ревностью, что совершил за восемь лет своей пастырской службы столько, сколько не в силах сделать многие из нас, сообща работая десятки лет. За то и провожают теперь твой прах к месту упокоения с небывалыми почестями. Впрочем, что слава

земная? Звук пустой для таких, как ты, всегда скромный, застенчивый...“

Смерть апостола трезвости была ударом, нежданным и тяжелым, не только для народа. Глубоко поразила она и любящее сердце первосвятителя Русской Церкви – митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского).

Вот что писал он председателю Совета Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви Ф.Н. Орнатскому:

„Сейчас мне сказали о смерти отца Александра Рождественского. Как тяжко мне было услышать эту горестную весть! Я сердечно любил почившего. В лице его столица и епархия потеряли незаменимого, энергичного и умного работника, на все светлое и доброе отзывчивого. От всего сердца жаль мне его. Выразите от меня соболезнование супруге его. Помоги ей, Господь, перенести ее великое горе, а почившего упокой, Господи, во Царствии Своем, с лики святых и праведных“.

На Никольском кладбище Александро-Невской лавры к служению литии вышли еще два святителя: Антонин и Димитрий. Предавая тело праведника земле, приспустили над могилой те самые хоругви, под сенью которых еще так недавно, 12 июня, почивший торжественно шел со своими трезвенниками-паломниками в Троице-Сергиеву пустынь...

Застучала земля о крышку гроба...

Послышались среди всеобщего плача пронзительные отчаянные рыдания...

– Дорогой батюшка, отец Александр! На кого ты нас оставляешь? Когда ты придешь к нам наставлять, проповедовать? Когда мы увидим твой кроткий, ласковый, сияющий святостью образ?

– Кого хоронят? – с недоумением допытывался какой-то встречный господин, пораженный незабываемой картиной погребения.

– Дети хоронят своего отца, – ответил ему кто-то из рабочих...

„Не в долговечности честная старость..."

У могилы подвижника современники не могли не вопрошать себя: почему так мало лет отпущено было Промыслом Божиим *светильнику горящему и светящему*, столь необходимому тысячам тысяч людей?

Об этом размышляет протоиерей И. Слободской:

„Что такое жизнь?.. Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий" (Иак. 4, 14).

Кипучая деятельность остановлена в самом ее расцвете и мы, свидетели юной жизни отца Александра, стоим перед этой могилой, как непонятной загадкой, преклоняясь пред неисповедимыми путями Божественного Промысла!

Где же мы найдем утешение в нашей утрате?

Какая мысль может смирить наш невольный внутренний ропот?

Найдем примирение в речении апостола Иакова, что земная жизнь скоротечна: она появляется, как едва различимая капелька пара, и быстро исчезает в синеве небес! Короче или длиннее наша жизнь по счету человеческих годов, она почти одинаково коротка в сравнении с Божественной вечностью. Но пусть наша жизнь – мгновение, это мгновение

носит в себе будущую вечность, оно развивается за гробом, как маленькое семя в пышно растущее растение.

Верим и утешаемся: капля твоей, отец Александр, жизни была подобна той центральной капельке пара, к которой примыкали с неудержимой силой другие капли. Чтобы затем живоносной тучей появиться на небе и снова пролиться на землю живительным, благодатным дождем, от которого пышно расцветает земля!

Кто знает! Может быть, Господь взял тебя от земли, для которой ты был так полезен, чтобы избавить от скорби дней сих, когда любимая тобою родина разрывается на части зубами и врагов, и собственных детей, когда сердце каждого из нас истаивает от слез и горестных ощущений! Может быть, тебе с небесной высоты уже виден добрый просвет в грядущем. До блаженного свидания в вечности!"

„Не для того ли заносится эта ужасающая коса смерти, чтобы пораженные люди приняли на себя то иго Христово, под которым упал подвижник, – иго любовного служения человечеству, иго насаждения правды Божией в людях среди „тесноты" врагов Царствия Христова?" – прозорливо рассуждал другой соработник апостола трезвости.

Это был 1905-й год. Первая русская смута, грозные пророчества святого праведного отца Иоанна Кронштадтского о грядущей государственной катастрофе.

Накануне драматических событий 1917-го отец Александр Рождественский пробудил от пьяного дурмана и вернул в строй целую армию воинов Христовых.

Можно не сомневаться: в час суровых испытаний эта армия осталась верна евангельским заветам и своему святому братству.

А совершитель великого дела народного спасения, как зрелый колос, восхищен на небо задолго до наступления тьмы...

„Прости же, рано отлетевшая от нас пламенная душа, взявшая от мира все, что лучшего есть в мире: веру в Триединого Бога, веру в человека, любовь к художественному слову, наслаждение мысли, пылкое отношение к волнующейся вокруг действительности, и давшая миру лучшее, что может дать ему человек: безграничное сочувствие меньшему брату, святую стойкость в труде; волю, направленную к улучшению жизни благодатию Христовою.

Почивай, утрудившийся борец, до полудня исполнивший работу, которую многие люди не совершили бы и до глубокого вечера. И прими награду за то, что не в малом, а во многом был верен Богу“, – выразил общие чувства писатель, впоследствии новомученик Е. Поселянин.

Деятельный образ народного печальника воодушевлял и современников, и потомков на подвиги и поступки. И сама память о нем воплощалась в делах созидания.

„Редкую картину церковно-народного торжества можно было наблюдать 11 мая 1906 года, – сообщала церковная печать. – На новую колокольню при Воскресенском храме поднимали крест и громадный колокол, сооруженный на средства трезвенников.

С утра обе стороны Обводного канала на далекое пространство были густо заполнены толпами народа. Многие поместились на крышах соседних деревянных строений, на балконах, взбирались на заборы, на деревья, сидели на верху конок.

По окончании литургии, совершенной архиерейским служением, из Воскресенского храма направился большой крестный ход к западной стороне вновь сооруженной колокольни.

Колокол трезвенников один из самых больших в столице. Он весит 1064 пуда 10 фунтов (примерно 17 тонн – *изд.*), стоимость 25 тысяч рублей, отлит на заводе Оловянишникова в Ярославской губернии. В диаметре колокол имеет более сажени.

Вследствие непреодолимых технических затруднений огромный колокол поднимали не снаружи колокольни, но внутри ее путем приспособления целого ряда балок".

„Церковный голос"

Колокол Воскресенского храма украшал рельефный портрет отца Александра Рождественского и надпись: „Отец Александр". Так поэтично увековечил народ память незабвенного *апостола трезвости*, подобно колоколу, будившего людей падших к новой жизни.

Пожертвуем, что можем,
От праведных трудов
И колокол воздвигнем
Мы в тысячу пудов.

Пусть благовест могучий
Людей во храм манит –
Пусть голос „Александра"
О батюшке твердит.

Не сохранился дивный колокол-великан до наших дней. Но дела духа вечны. „Пусть наряду с медью звенящей, на месте сем всегда раздается и живой, одушевленный призыв к трезвой, богоугодной жизни, в духе отца Александра", – пророчески заметил очевидец поднятия колокола. Сие и будет!

После кончины своего основателя и вдохновителя, Сергиевская школа трезвости стала носить имя отца Александра Рождественского. Существовала благочестивая традиция: на следующий день после выпуска ее питомцы неизменно посещали место вечного упокоения *апостола трезвости* отца Александра, где в присутствии вдовы, матушки Нины, пели панихиду; а затем шли на могилу К.П. Победоносцева, который оказывал школе немало милостей. Подвиг служения народной трезвости молитвенно соединял людей разного возраста и общественного положения – как при жизни, так и после кончины.

Могилу отца Александра на Никольском кладбище Александро-Невской лавры украшает надгробие-колокол, увенчанный крестом.

На нем надпись:

„Александро-Невское Общество трезвости своему небесному укрепителю. Не в долговечности честная старость и не числом лет измеряется. Достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета“ *(премудрость Соломона).*

Так, словом Божиим, запечатлел народ безграничную любовь к своему печальнику.

Безсмертники

На родную могилу апостола трезвости
отца Александра Рождественского –
в день годовщины со дня кончины

Поэтичная легенда русского писателя Романа Кумова впервые увидела свет в сборнике *„В борьбе за погибающую душу“*, изданного в 1906 году Александро-Невским Обществом трезвости. В память о народном печальнике, его пламенной и жертвенной душе...

Эту сказку я слышал на юге.

С тех пор, как на земле начали жить люди и страдать – в борьбе с природой и в поисках счастья, на поле запестрели цветы. Красные, лиловые, голубые, белые – они были последним напоминанием человеку о тенистых рощах, полных шелеста и аромата, из которых он был изгнан. Они стояли в поле – ясные, кроткие, наивные и тихо шелестели о недавнем счастье.

И человек, когда уставал в тяжелой борьбе с природой, смотрел на них, на эти маленькие наивные цветы. В них он видел иную жизнь, яркую и счастливую, как солнце. И отдыхал душой.

В сознании его ярче вспыхивал образ счастья – глубокого, как мир, и ясного, как цветы.

Какое это милое царство, царство цветов! Проливаются тихие дождички, светит солнце, падает роса, и они, как узоры, покрывают землю пышными красками и мягкими одеждами.

Если бы не было цветов, вся земля тянулась бы скучная и серая, и не было бы на ней никогда душистой весны, полной красок и трепета. Никогда не было бы букетов, разноцветных и пахучих, с которыми люди с давних пор приходят в церковь в зеленый день Троицы...

Никогда не клали бы на холодный заснувший лоб печальных трогательных угасающих венков из живых цветов, и глубокая любовь была бы бессильна в своем порыве.

Однако цветы – недолговечны. Прекрасное – коротко. Эта печальная истина первоначально вышла из цветочного царства.

Но однажды среди цветов явилось желание – не умирать.

Маленькие прекрасные цветы захотели быть вечно одетыми разноцветными небесными одеждами, вечно благоухать, вечно шелестеть – тихо и грезно...

И вот в майское прозрачное утро, когда над озерами заливались соловьи, они широко раскрыли свои нежные лепестки, и тонкое благоухание, как дымок кадильницы, поднялось к небу.

Они молились.

О вечной жизни – ясной, как их прозрачные одежды, благоухающей и грезной – молились цветы великому Богу.

И был ответ им с далекого синего неба:

– Кто желает быть безсмертным, пусть добровольно, во всей своей жизненной красоте – умрет. Умерший добровольно во имя красоты и безсмертия будет безсмертен!

Так говорил великий Бог с далекого синего неба. И цветы поникли пред Божественными словами, полными тайны, красоты и вечности. Тонкое благоухание, как тихая хвала, поднялось к небу...

Кто желает быть безсмертным, пусть умрет – во имя безсмертия!

Для многих это было непонятно и трудно. Умереть? В легких благоухающих ризах? Умереть – и не видеть глубокого неба, не золотиться под жгучими солнечными лучами, не обливаться тихою благодатною росою...

Страшно умереть!

И многие отказались. Под далекими синеющими горизонтами, под высоким небом с лучезарным солнцем и печальными ночными звездами, под серебряной росой и влажным степным ветерком они забыли, что мечтали когда-то о вечной жизни.

Но не все отказались от таинственного, полного красоты и страдания безсмертия.

В степи росли скромные никому неведомые цветы. При дороге, почти над самой межой, они кивали утомленному пешеходу своими золотистыми

головками. Словно хотели ободрить его, шепнуть ему про далекий дом, про дальние приветы и пожелания.

Эти маленькие скромные цветы согласились добровольно умереть во имя безсмертия.

И умерли.

Их легкие, как крыло бабочки, одежды вдруг затвердели, сохранив все свои краски и изгибы. И благоухание, как невидимый бриллиант, замерло над ними в воздухе.

Умершие – они сделались безсмертными.

Приходила осень и за нею падали широкими пеленами снеговые хлопья... Но цветы всегда были одинаковы: яркие, благоухающие...

И когда мать опускала в темную могилу маленький гробик, она клала на родную головку венок из скромных безсмертных цветов. Символ ее любви и иной вечной жизни, где она встретится опять со своим малюткой...

И когда невеста расставалась надолго с женихом, пред отъездом в далекие края она дарила ему скромные безсмертные цветы: пусть их любовь будет так же вечна, как они...

И между людьми эти цветы звались *безсмертники.*

В человеческой жизни тоже есть безсмертники.

Странные и непонятные для обыденной серой жизни, поставившие пред собой великую цель и безбоязненно идущие к ней, не обращая внимания на

препятствия, опасности и смерть, они обычно скоро, как полная огня свеча, сгорают.

И потом становятся вечными светлыми огоньками. Время проходит, облетают и сохнут лепестки обыденных серых людей, а они, умершие добровольно, умершие во имя любви, красоты и безсмертия, светят миру вечными святыми огнями... И в трудные гефсиманские мгновения жизни на них с последней надеждой останавливаются страдальческие взоры людей...

Я знал в Петербурге одного доброго пастыря. Когда он скончался, его гроб провожала многотысячная толпа, в которой каждый чувствовал себя сиротою. Океаном слез омыл народ святую память своего печальника и борца за погибающие души.

Этот пастырь – безсмертник. И после своей смерти он стал высоко над жизнью, как вечный огонь, как безсмертный цветок, как звезды...

Его тихую могилу тотчас поспешили оплести своим убранством зеленые травы. Кроткий крест поднялся над нею, благословляя. Из своего далека я шлю народному печальнику свою весть:

В тяжелые мгновения русской жизни, когда возникает острая нужда в сильных людях, полных любви и огня – привет тебе, учитель!

Часть вторая

Всем пьющим и непьющим

Что сделало православное духовенство для борьбы с народным пьянством?

Доклад священника А.В. Рождественского

Впервые публикуемый в этом сборнике доклад апостола трезвости Александра Рождественского рисует правдивую и страшную картину того, как на Руси спаивали народ. Само возникновение обществ трезвости во второй половине XIX века – ответ здоровых сил общества на эту необъявленную войну против собственного народа.

В России винная торговля издавна была отдана на откуп. Она приносила государственной казне многомиллионную прибыль. „Правила игры" диктовали водочные „олигархи", или откупщики – продавцы одуряющего зелья оптом и в розницу. Занимались этим постыдным делом, как правило, инородцы, не связанные с коренным населением ни православной верой, ни обычаями предков.

„Первую широкомасштабную водочную диверсию против русского народа торговцам спиртным удалось провести в начале 1863 года, сразу по окончании Рождественского поста, – пишут современные исследователи В. Михайлов и В. Цыганков. – Как только закончился пост и на территории России стала возможна продажа спиртного (во время

поста торговать хмельными напитками было запрещено – *Авт.*), тогда-то откупщики „сбросили" по очень низким ценам огромное количество некачественной водки". Это соблазнило народ. В результате, по свидетельству современников, „гумна очистились от хлеба, карманы от денег, мозги от ума и сила русского народа была потрясена".

Слабые попытки противодействовать заговору были обречены: откупщики и кабатчики держали круговую поруку, увы, часто в тесном взаимодействии с местными властями.

Вот в какие смутные дни прозвучал *„глас вопиющего в пустыне"* – священника Александра Рождественского. „Живший среди многих мертвецов" (выражение писателя А.В. Круглова), он, подобно колоколу, будил совесть соотечественников, равнодушно взиравших на слезы народные. Думал ли подвижник о грозившей лично ему опасности? Не мог не думать. Но ради любви к ближнему смело и прямо, не взирая на лица, обличал зло.

Сегодня, как и сто лет назад, стоном стонет от пьянства русская земля. Доклад апостола трезвости читается как сводка с поля битвы, которая никогда не прекращалась. И, вслед за батюшкой Александром, хочется воскликнуть: **„Все на пожар! Горим!"**

Нарисовать полную историческую картину того, что сделано православным духовенством в борьбе с народным пьянством, дело чрезвычайно трудное. Трудность эта обусловлена отчасти

характером пастырской деятельности, отчасти скудостью статистических данных.

В пастырском делании есть такая область, которая не подлежит никаким статистическим подсчетам, выводам и исследованиям – это исповедь. Через исповедь, как через спасительную дверь, великое множество пьяниц вступило на путь трезвой жизни. Подлинное число таких отрезвившихся неизвестно: то, что бывает на исповеди, остается глубокой, священной тайной пастыря... и нам остается только подчеркнуть и напомнить, что исповедь в руках пастыря была, есть и всегда будет могущественным средством в борьбе с народным пьянством.

„У пьяниц, – писал один из сельских священников, в течение нескольких лет боровшийся с винопитием, – их порок, естественно, есть больное место души, и всякое стороннее прикосновение к нему отзывается болью, всякое обличение, даже самое деликатное, кем бы оно ни было высказано, приводит их в раздражение. Нужно знать время и место, когда пьянице можно сделать вразумление, чтобы оно было терпеливо выслушано и привело к сознанию опасности своего положения. Но и это возможно только на исповеди. Тогда слово священника в глазах народа принимает особый священный авторитет, выслушивается с полной любовью и исполнение его становится первой обязанностью кающегося".

Да и все другие стороны пастырской деятельности в ходе отрезвления народа почти никогда

никем не записывались и не заносились ни в какие ведомости и таблицы. Пастырь-труженик считал борьбу с пьянством обязательным делом своего пастырского служения, о котором не следует говорить и писать как о чем-то особенном. „Сделали только то, что должны были сделать", – вот обычный ответ таких пастырей.

Месть кабатчиков

И, читая пожелтевшие от времени страницы дел Синодального архива и те небольшие статейки, что раскинуты по разным епархиальным ведомостям, все больше убеждаешься: немало было самоотверженных борцов-пастырей. Они всей душой тяготели к святому делу народной трезвости, неудержимо работали на этом поприще, сплошь и рядом подвергаясь за это озлобленной мести со стороны кабатчиков, их защитников и друзей. Всего несколько лет назад одному священнику Курской епархии пришлось жестоко поплатиться за свои проповеди против пьянства. По наговорам кабатчика были сожжены принадлежавшие батюшке скирды хлеба.

Но особенно много пришлось перенести священникам от местных властей. Целые десятки приговоров сельских обществ Саратовской губернии о закрытии кабаков – приговоров, составленных под влиянием проповедей священников и при их содействии, не были утверждены уездными присутствиями.

И кабатчики торжествовали и отправляли многостраничные жалобы на священников, обвиняя их во всякого рода преступлениях, которые выдумывались отставными приказными за стаканом водки. Местная власть своим неутверждением приговоров сельских обществ о закрытии кабаков только усиливала пьянство в народе и помогала кабатчикам набивать карманы мужицкими деньгами.

Вот лишь один факт: 284 поселянина села Чейшии Аккерманского уезда, согласившись на сходе со справедливыми речами своего священника отца Н. Влайкова, постановили: *по воскресным и праздничным дням закрыть торговлю в кабаках, питейных заведениях и других лавках.*

Шинкари и лавочники на первых порах повиновались. Воскресные внебогослужебные собеседования отца Н. Влайкова посещались усердно и шли с успехом: два громадных класса училища насилу вмещали слушателей. Кабаки бездействовали. Народ был доволен и благодарен: пьяных по воскресным дням стало совсем не видно, и праздник стал походить на день, посвященный Богу и молитве.

Оставалось только радоваться... но скоро радость обратилась в плач! Волостное правление побоялось само утвердить этот приговор – и отправило его в Аккерманское уездное присутствие. Время шло... и кабатчики пользовались этим замедлением. Они ездили по начальству, спаивали сельский народ, пускали всякие нелестные слухи о воскресных чтениях, устраиваемых священником,

и убеждали крестьян оставить эти беседы, говоря: „Приходи ко мне в шинок, у меня есть Евангелие, я тебе и почитаю".

И дело, наконец, кончилось тем, что в один прекрасный день шинкари и кабатчики открыли свои шинки и кабаки, вопреки сельскому приговору, открыли как бы назло священнику, во время совершения литургии.

Двери питейных заведений распахнулись, как смертельные ловушки, для приманки слабых духом людей. А лица самодовольных кабатчиков, стоявших на пороге своих заведений, сияли от радости. Такой смелый шаг шинкарей объяснялся тем, что они были прекрасно осведомлены о неутверждении местной властью приговора Чейшийского общества. И, действительно, через несколько дней крестьян уведомили, что уездное Аккерманское присутствие находит приговор их незаконным и поэтому отменяет его. Кабатчики восторжествовали открыто и явно... а бедному священнику пришлось оставить всякую попытку к дальнейшей борьбе с пьянством.

Не лучше обстоит дело и в наши дни. Крестьяне села Веселый Подол Полтавской губернии Хорольского уезда, под влиянием бесед священника, постановили приговором 5 июля 1898 года просить акцизное правление о переводе казенной винной лавки из их села „во избежание" окончательного своего разорения. Приговор не был утвержден.

Акцизное правление вместо того, чтобы исследовать истинное положение дела, принялось

запугивать священника, который, по их мнению, был главным инициатором этого приговора. Преобладающей темой его последних проповедей было воздержание от пьянства.

Не заводить "кабацкого питья"!

Если таково положение борцов трезвости сейчас, то что говорить о том, сколько им пришлось пережить и перестрадать в те дни, когда на Руси царили откупщики. Перед их золотой казной преклонялись многие из лиц, стоявших у власти.

Но, несмотря на это, духовенство, в лице отдельных своих представителей, всегда горячо восставало против пьянства, учило народ трезвости и не щадило тех, кто ради рубля спаивал крестьян.

Первый и сильный голос против пьянства раздался с патриаршего престола. В 1652 году великий ревнитель о благе России патриарх Никон собирает даже особый „собор о кабаках". Благодаря благим постановлениям этого собора пьянство уменьшилось. Но как только правительство заметило, что ослабли доходы „царевой казны", то решения собора были отменены.

В 1663 году с особенной настойчивостью и энергией восстал против народного пьянства епископ вологодский Маркелл. Он обратился к царю Алексею Михайловичу с особой грамотой, в которой всеусердно просил его не присылать в вологодский край водки и не заводить „кабацкого питья".

Хорошо всем известна борьба смиренного Тихона, епископа Задонского, с масленичным разгулом и пьянством.

Была услышана проповедь святителя Димитрия Ростовского *„Десять горьких гроздов пьянства“* и в настоящее время пользующаяся среди народа большим успехом.

Но особенно сильная и богатая результатами деятельность духовенства против пьянства вспыхнула во второй половине XIX столетия, в самый разгар толков об освобождении крестьян. В то время во всей еще силе царила откупная система.

Шел 1859 год, и откупщики спокойно высчитывали барыши предстоящего года, и вдруг, как снег на голову, до них доходит весть, что часть крестьян Костромской губернии отказалась пить вино и свои отказы подтвердила приговорами. Опасения откупщиков подтвердились. Управляющий Галицким акцизным комиссионерством жалуется Костромскому преосвященному Платону: благодаря „незаконным“ проповедям священников о вреде водки, крестьяне совсем перестали ее покупать; и в 1859 году многие питейные дома, сравнительно с прошлым годом, едва могли продать десятую часть зелья.

Духовенство не молчало

Одно это говорит ясно: проповеди духовенства о вреде пьянства падали не на бесплодную почву,

а приносили добрые плоды. Предводитель Чухломского дворянства с особенной любовью спешил обратить внимание преосвященного Платона на благотворную деятельность местного духовенства. „Я, – писал он Платону, – в настоящее время замечаю сильную перемену к лучшему среди народа как в религиозном, так и в нравственном отношении. Налицо сильное воздержание народа от употребления крепких напитков. Духовенство, свято исполняя свои обязанности и читая каждую службу поучения и проповедуя воздержание, было, по моему мнению, главным двигателем религиозного чувства в народе и вполне заслуживает Вашего архипастырского благословения".

Во многих селах и деревнях Костромской епархии, по свидетельству помещика Шигарина, в день светлого Христова Воскресения не покупали водки и хмельных напитков, и многие давали приговор не пить водки с 25 марта по 1 сентября (время полевой страды). Такое трезвое поведение крестьян поразило откупщиков, и их поверенные поспешили с жалобами на духовенство: якобы оно принуждает, под страхом угроз, местное население не пить водки.

Поверенные откупщиков писали на костромское духовенство даже в Петербург. Отсюда велено было произвести следствие. Следствие производилось ревностно: крестьяне тех приходов, где священники проповедовали против пьянства, были опрошены под присягой... но правда восторжествовала. Дознание только еще раз подтвердило, что

духовенство никаких угроз и утеснений не употребляло, а действовало на народ исключительно проповедью и силой пастырского убеждения.

„Наш отец Федор, – говорили допрошенные под присягой о священнике, борце за трезвость, – во всякое время и в церкви, и в домах при исправлении треб убеждал нас воздерживаться от употребления хмельных напитков и вести жизнь трезвую: это истинно отеческое наставление мы приложили к своему сердцу, и, передавая друг другу добрые советы отца духовного, братски убеждали один другого отказаться от употребления хмельных напитков и без крайней надобности вовсе не брать их".

Равным образом открылось, что в этой борьбе духовенства с пьянством не было и тени каких-либо личных столкновений и счетов духовенства с откупщиками. Борьба была бескорыстная, идейная. „Усердие и ревность духовенства Галичского, Чухломского и Солигаличского уездов в деле проповеди о трезвости, – писал епископ Платон, – не были случайным действием, а плодом их твердой решимости жить и действовать, как прилично пастырям Церкви".

Главные "виновники" убытков казны

Идея трезвости из Костромской губернии была перенесена и в Саратовскую. Здесь движение в пользу трезвости особенно ярко обнаружилось

в городе Балашове и селе Репино того же уезда. Народ, после торжественно отслуженного молебна, в порыве подъема духа, дал обещание не пить более хмельных напитков. Обещание дано и сдерживается: водки в Балашове покупать стали все меньше и меньше.

Чтобы помочь горю, балашовский откупщик в довольно сильных выражениях просит Саратовскую консисторию „примерно“ наказать тех священников, которые проповедуют о трезвости, так как „подобные проповеди совсем не согласны с христианской религией“.

Но эта жалоба осталась без последствий.

Одновременно с Саратовской губернией движение в пользу трезвости обнаружилось во многих местах Тульской губернии, где во главе движения тоже были священники, и в Екатеринославской.

Здесь жители огромного села Никопольского уезда (4128 человек), вместе с местным священником Корелиным, изъявили полную решимость не пить более вина.

Откупщики остались чрезвычайно недовольны подобным положением вещей. Убытки были им ненавистны, и они засыпали министра финансов жалобами на священников, как главных виновников уменьшения питейных доходов. Всемогущие откупщики добились своего. Губернаторы особыми циркулярами должны были следить, не делается ли со стороны священников чего-либо насильственного и противозаконного в деле отрезвления

народа (под насильственным и противозаконным понимали клятвенные обещания после торжественно отслуженных молебнов, приговоры сельских обществ), и, если окажется, то о таковых доносить куда следует. Жаловался за откупщиков на духовенство министр финансов и Святейшему Синоду, но высший орган церковной власти преподал благословение всем ревностным проповедникам идеи трезвости.

Это ободрило духовенство, и в южных губерниях, Киевской и Херсонской, вспыхнула новая, еще более сильная и плодотворная борьба против пьянства. Доход откупщиков понизился сразу на 100000 рублей. Этот убыток вызвал сильную панику.

Управляющий киевской казенной палатой спешил уведомить тогдашнего министра финансов, что „питейные доходы уменьшились и угрожают невозможностью вносить в казну контрактную сумму. Уменьшение доходов началось с того времени, как духовная консистория предписала священникам православных церквей проповедовать прихожанам воздержание от хмельных напитков.

Священники внушают народу, что во многих уже городах, селах и деревнях жители отказались от употребления водки и от того они сами живы и здоровы, веселы и бодры, и дети их похорошели. А кто пьет, у того в лице нет свежести, оно желто, как воск, глаза красные, и дети у того слабы телом и большею частью полоумны".

В этих проповедях духовенства управляющий казенной палатой и видит главную причину, почему народ деревнями бросает пить, и требует такие проповеди запретить. Иначе „содержатели откупов объявят себя несостоятельными, и тогда важнейшая статья государственного дохода понесет величайший ущерб и может остановить производство важных государственных расходов".

Министр финансов получил эту жалобу в начале 1860 года, а уже 10 февраля этого года со своей стороны посылает в Святейший Синод жалобу на подобный образ действия духовенства. Замечательно в этом документе, что министр финансов просит „учинить распоряжение, чтобы духовенство, внушая пользу воздержания от пьянства, не воспрещало бы крестьянам умеренного употребления вина". Виной всех убытков казны, и немалых, были названы священники.

Жалобы на духовенство изобиловали небылицами. О священнике местечка Чернобых сообщали, будто бы он одному из крестьян, протестовавших против проповедей о трезвости, обрил голову, а о священнике села Карапиш, якобы он отказал в исповеди и Причащении тем, кто не давал клятвы.

И таких священников откупщиками было указано более десяти! Преосвященному митрополиту Киевскому пришлось производить дознание по этим жалобам. Дознание велось строго: допрашивались чуть ли не поголовно все крестьяне и под присягой. Расследование показало, что в жалобах откупщиков не было правды, а одна

только наглая ложь и клевета. Везде священники действовали чисто пастырскими мерами. Крестьяне все единогласно уверяли, что движение в пользу трезвости вызвано у них проповедями и пастырскими назиданиями. Так откупщикам и не удалось очернить православное духовенство пред лицом высшей духовной власти.

Невинно вино – укоризненно пьянство

Прекращение откупной системы не прекратило борьбы духовенства с пьянством. В 60-х годах, как известно, возникло несколько духовных журналов, издаваемых священниками, таких как „Странник", „Душеполезное чтение". В этих журналах очень часто помещались статьи и проповеди против пьянства. Писали и говорили против пьянства не только священники, но и архиереи.

В конце 60-х годов священник Гречулевич взял в свои руки редактирование и издание религиозно-народного журнала „Мирское слово" (с 1869 г.). В этом журнале был отведен особый отдел „Вот до чего доводит пьянство". Здесь сообщались те несчастные случаи, которые происходили от пьянства.

Выдающийся интерес представляло помещенное в „Мирском слове" (1869 г.) пастырское послание преосвященного Агафангела ко всей своей волынской пастве с приглашением „всех сущих на Волыни" бросить этот гибельный порок. В другой

своей беседе „Пьянство ничем не извинишь“ преосвященный Агафангел обращается с горячим воззванием ко всем, кому дороги интересы России, выступить на борьбу с пьянством.

„Пастыри, – говорит он, – одушевитесь живой ревностью к слову Божию, которого вы служители! Проповедуйте неумолчно против этого порока, поядающего домы, людей и их потомство. Начальствующие! Добрым примером жизни и строгостью власти старайтесь искоренять гибельное пьянство. Родственники и знакомые! Своим влиянием, убеждением и просьбой отклоняйте других от пьянства. Отцы и матери! Внушайте детям с юных лет отвращение к пьянству. Я сказал бы несколько слов и продавцам вина (евреям), но они „не суть от двора сего“ и не сочтут нужным меня слушать“.

В истории борьбы с винопитием обращает на себя внимание статья священника Казневского „Меры к уменьшению в народе пьянства“. Автор убежден: **на помощь духовенству должно прийти правительство**, иначе напрасны все усилия.

„Первою задачей, – писал он, – я нахожу повсеместное прекращение чарочной продажи вина. Самою малою мерой в отпуске вина должна быть не сотая доля ведра, а десятая – штоф. Второе – совершенное прекращение продажи водки распивочно, то есть в самом питейном доме. Тогда кабак перестал бы быть народным позорищем, притоном брани и драк. Он стал бы лавочкою, в которую бы пришли, купили что нужно и ушли... Не

беда, если государству и придется потерпеть ущерб от такой торговли.

Тому же государству можно бы пожертвовать и частью дохода. Да, кроме того, ежедневно пропиваемое миллионное количество четвертаков, гривенников, а преимущественно пятачков – в дороге, по-приятельски, для пущего знакомства, по причине холода, ради праздника, для смелости – все это осталось бы в пользу народного богатства, на исправление необходимейших нужд. И каким бы ни был иной горьким пьяницей, но за невозможностью сделать себе затравку к пьянству с пятачка – во сто раз меньше против прежнего будет пьянствовать. Рисковать серебряной полтиной не столько будет охотников, сколько пятачком".

В начале семидесятых годов в Петербурге была издана книга *„26 слов священника к своим прихожанам о том, что невинно вино, а укоризненно пьянство"*. В своих проповедях, глубоко-жизненных, автор советует дело отрезвления народа начинать не с тех только, кто пьет, а главным образом с детей. Их нужно воспитать так, чтобы они впоследствии стали родоначальниками трезвого населения.

Главными винозниками народного пьянства он считает продавцов хмельного зелья. Корчемнику-кабатчику, по его словам, лучше было бы, если бы он повесил камень на шею и бросился в пучину морскую. Иной и удержался бы от искушения, если бы не было на пути трактира. Корчемнику-кабатчику и во гробе не будет покоя, потому что

он созидает свое благополучие слезами босых, нищих и больных жен и детей.

Но священники боролись с пьянством не только печатным словом, но и делом. Так, крестьяне села Кардышевки Бердичевского уезда Киевской губернии под влиянием бесед своего батюшки отца А. Недзельского, составили приговор: в виде опыта, в течение одного года, не пить водки и не иметь в селе кабака.

В 1875 году в селе Дейкаловка, по инициативе местного священника, было открыто общество трезвости, обеты которого исполнялись всеми прихожанами: там не было ни одного шинка и кабака. Когда же кто-то из предприимчивых торгашей вздумал открыть кабак за селом, то священник своею проповедью убедил крестьян хлопотать о закрытии этой корчмы.

Помещики действуют заодно с кабатчиками

Духовенству противодействовали в его борьбе с пьянством не только дворяне-помещики, купцы, деревенские кулаки, но даже целые учреждения – городские думы, управы!

Начиная с 1885 года, в Тульской губернии, под влиянием бесед и проповедей священников, крестьянами многих сел и деревень стали составляться приговоры о закрытии кабаков. В этих приходах немедленно водворялся порядок как домашний, так и общественный. Храмы наполнялись

молящимися. Казалось, нужно радоваться, оказывать делу всяческую поддержку, но вышло наоборот.

Многие тульские землевладельцы, сельские власти стали парализовать деятельность духовенства: общественные приговоры не утверждали, а против священников воздвигали тяжелую брань.

В 1889 году пастыри села Никитское Богородицкого уезда убедили своих прихожан составить приговоры о закрытии кабаков, которых в этом приходе было немало. Семь крестьянских обществ с радостью дали такие приговоры. Много пришлось духовенству хлопотать... но напрасно. Прошение с приговорами побывало не только в уездном и губернском присутствиях по питейным делам, но доходило и до министра финансов... И что же в результате? „Добрый совет" – питейных заведений не закрывать, потому что крестьяне и без закрытия питейных заведений могут исполнять обет воздержания. На священников после такого ответа была подана жалоба к местному архиерею.

Равным образом, когда приходские попечительства некоторых сел Тульской епархии вздумали было жаловаться на тайных продавцов водки, то потерпели фиаско. Тайная продажа водки в приходе завелась, когда по приговору прихожан были закрыты все питейные заведения. Однако мировой судья тайных продавцов водки оправдал. Такое печальное явление охладило, по словам местного священника Мерцалова, доброе намерение

общества. И оно признало за лучшее открытую продажу спиртных напитков.

Безрадостная картина и в Новгородской губернии. Здесь местные власти находятся в тесной дружбе с виноторговцами, заботятся только о сборе казенных повинностей, за что получают награды. А на семьи пьяниц не обращают никакого внимания и нередко сами бывают пьяницами.

Например, крестьяне села Локотск Валдайского уезда, по убеждению священника, составили приговор, чтобы в их приходе не было винных лавок и постоялых дворов с крепкими напитками. Но местная управа не только не утвердила этого приговора, но как бы в насмешку над просьбой крестьян разрешила виноторговцам открыть и винную лавку, и два постоялых двора с продажей крепких напитков на вынос и биллиардами.

Крестьяне села Ракомы Новгородского уезда в конце 1888 года тоже составили приговор – не допускать открытия в приходе никаких питейных заведений в течение трех лет. Документ был представлен в местное волостное правление, но на беду под ним позабыли поставить число. Волостной писарь воспользовался этой оплошностью и, задержав приговор, представил его в уездное присутствие уже после нового года. Власти его не утвердили, как запоздалый, и немедленно дали разрешение одному кулаку открыть в селе Ракомы питейное заведение.

В Оренбургской епархии многие из священников своей борьбой с пьянством вызвали со стороны

виноторговцев такие гонения, что, по словам Оренбургского епископа Макария, вынуждены были переместиться в другие приходы. В этой же губернии, как и в Новгородской и Тульской, большинство благих начинаний в пользу трезвости закончилось ничем, только из-за покровительства местных властей.

Так, в восьмидесятые годы крестьяне повсеместно обращались с просьбами закрыть торговлю спиртным хотя бы в воскресные и праздничные дни. Тщетно. Крупные виноторговцы неизменно обжаловали такие прошения.

Преосвященный Иустин, епископ Курский, в своем донесении Святейшему Синоду писал, что духовенству грозят многие опасности. Священник начинает убеждать крестьян не отдавать земли под кабак или составить приговор о закрытии корчмы, а на него уже сыплется целый ряд доносов и всякого рода жалоб.

Бывали случаи, когда священникам за подобную борьбу угрожал поджог дома или собранного хлеба, или другое какое-либо хозяйственное разорение.

В Екатеринославле даже само местное епархиальное начальство ходатайствовало перед губернским управлением об утверждении приговоров крестьян-прихожан сел Александровского, Романова и Басани о закрытии питейных заведений.

Но, пишет с грустью преосвященный Серапион, „присутствие не уважило этого нашего ходатайства“.

В Юго-Западном крае деятельность православного духовенства сильно парализовалась противодействием местных землевладельцев.

Помещики, по словам преосвященного Могилевского Сергия, после освобождения крестьян от крепостной зависимости, когда наделяли их землей, то в каждой деревне, среди крестьянской оседлости, оставляли за собою по десятине и более земли.

Затем, сообщает владыка, „на этой земле устраивали кабаки, которые и сдавали евреям. Проживая в центре крестьянского населения на помещичьей земле, евреи поставили себя в независимое положение к местным жителям и, пользуясь покровительством помещиков, спаивают народ и окончательно развращают его, вследствие чего народ беден, унижен, забит умственно и материально. При всем своем желании народ не может освободиться от шинкаря-еврея, за которого стоит помещик".

Бывали случаи, когда крестьяне, под влиянием убеждений священника, поднимали голос против шинкаря, против его сплошь и рядом беспатентной торговли, но это крестьянам обходилось дорого. Помещик таким крестьянам отказывал в продаже дров, в пастбище для скота... Испытав разного рода гонения и притеснения, крестьяне не желают входить в конфликты с шинкарями и волей-неволей мирятся с существующим порядком вещей. (Донесение Сергия, епископа Могилевского от 12 декабря 1889 года).

Пастырское слово обличения

В 1889 году свой голос в защиту духовенства возвысил К.П. Победоносцев.

„Отсутствие закона, предоставляющего обществам ограничивать торговлю, колебания и произвол наших городских и земских собраний в решении этого вопроса парализуют борьбу духовенства с пьянством, смущают совесть нашего народа. Общественные приговоры об устранении ярмарочного и кабачного зла редко приводятся в исполнение. Они сталкиваются с казенными интересами водочной торговли и личными интересами тех, кто пользуется прибылью от этой торговли.

Борьба духовенства с пороком пьянства может быть тогда только вполне успешна, когда на помощь ему придет и законодательство, и общество.

Но и при таких неблагоприятных обстоятельствах воздействие духовенства приносит уже немалые плоды. В народе распространяется сознание вреда и гибельности пьянства и пробуждается желание избавиться от этого недуга.

Там, где усердием священников-ревнителей заведены и поддерживаются праздничные вечерние богослужения с беседами и пением, где посредством церковно-приходской школы подрастающее поколение детей входит в сознание Закона Божия, в добрые обычаи порядка, в искусство чтения церковного, примером детей увлекаются и родители и ясно ослабевает пьянство“. (Из отчета обер-прокурора Святейшего Синода, 1889).

После решительного вмешательства К.П. Победоносцева деятельность духовенства по искоренению пьянства делается предметом специального суждения Святейшего Синода.

На обращение высшего органа духовной власти откликнулись все правящие архиереи.

Для успеха борьбы с пьянством все преосвященные требовали от властей законного распоряжения о перенесении базаров с праздничных дней на будни, о прекращении выпивок при мирских сходках, об уменьшении количества кабаков, о предоставлении приходским попечительствам бóльших прав и полномочий в деле наблюдения за продажей водки, о выборе в старосты и старшины исключительно трезвых людей.

Всеми архиереями указывались такие меры: личный пример пастыря, проповедь, внебогослужебные беседы, чтения со световыми картинами, школа и книга. Наиболее рельефно эти меры были очерчены преосвященным Амвросием, архиепископом Харьковским.

„Сильнейшее оружие, – пишет он, – которым священник может и должен бороться со всяким злом и пороком пьянства, есть слово Божие. В устах доброго, любящего пастыря оно способно проникать до глубины души, располагать грешника к сердечному сокрушению, вызывать слезы раскаяния и решимость, с Божией помощью, оставить порок. С этой целью священник должен искать случая беседовать с подверженным этой слабости при всякой удобной встрече, в своем доме или

в доме самого прихожанина. В беседе священнику будут помогать и полуразрушенная изба, запустелый двор, жалкие, голодные оборванные дети, плач жены или престарелых отца и матери.

Но если пастырское слово обличения наедине или при нескольких близких, родных членах семьи, не подействует на предающегося пьянству... Тогда добрый пастырь, ищущий спасения погибающей овцы, по данной ему Спасителем власти и долгу, обязан, без указания на лицо, поведать в церкви о той жалкой духовной болезни и материальной нищете, до которой доходит человек, поддавшись этой слабости. Священник может убеждать добрых и трезвых прихожан своим нравственным влиянием, просьбами, а когда нужно, и материальной помощью содействовать подняться падшим своим братьям.

Борьба усердного и доброго пастыря Церкви с застарелым пороком в старом поколении – дело великое. Однако трудно исправить то дерево, которое неправильно росло в продолжение нескольких лет и уже успело одебелеть и глубоко пустить корни. Сила привычки может быть так велика и неодолима, что несчастного, по народному убеждению, исправит только одна могила".

Защитить молодые ростки!

Вот почему пастыри церкви в борьбе с пороком пьянства должны приложить особое усердие,

чтобы с Божией помощью перевоспитать молодое поколение, предохранить его от гибельного влияния старших.

Владыка Амвросий убежден: успеху в этом благом деле много может содействовать церковно-приходская школа, так благовременно начавшая свою деятельность в последние годы, если добрый пастырь положит душу свою на дело просвещения молодого, впечатлительного и восприимчивого поколения.

Пастырь Церкви совершит благое дело, если откроет перед духовным взором детей красоту духовного мира, пробудит и разовьет любовь к этому миру, любовь ко Христу Спасителю и Его святой Церкви.

„В молодом поколении, – пишет преосвященный Амвросий, – необходимо развивать нравственный вкус, чтобы этот вкус услаждался святыми истинами веры и правилами христианской жизни. То удивление, которое детское воображение питает к небывалым сказочным героям и богатырям, пусть уступит место чувству благоговения пред светлыми ликами подвижников веры и благочестия, какие обильно представляет Священная история.

С другой стороны, окрепнет чувство отвращения к тем безобразиям в семье и обществе, которыми, к сожалению, так наполнена наша действительность. Появится глубокое сострадание к нищете и бедности, преступлениям и порокам, как неизбежным последствиям крайнего невоздержания.

Необходимо убедить молодое поколение, не забывая и старого: наши тюрьмы не были бы так многочисленны и переполнены несчастными, как теперь, если бы не множились и не процветали питейные заведения. Не пришлось бы заселять Сибирь испорченными членами нашей половины России".

Пастырю одному крайне трудно вести борьбу с целым поколением взрослых, преданных этому пороку. Ему необходима помощь, сердечное и деятельное участие в борьбе со злом лучших, здоровых, трезвых членов прихода. Пусть на основе братского доверия и уважения объединятся общества трезвости и братства, попечительства.

Увы, из сообщений с мест видно, что в некоторых приходах сами члены церковно-приходских попечительств ведут явно нетрезвую жизнь, особенно если представляют сельскую власть, у которой народ ищет защиты и снисхождения и заискивает этого различными угощениями. А потому в состав членов попечительств не должны входить лица, нарушающие правила трезвости.

Попечительства имеют полное право преследовать по закону нарушителей правил о продаже крепких напитков, а также потребителей за возмущение общественного благоприличия, брань, драку, подвергая виновных денежным штрафам с благотворительной целью.

Особенно сильным преследованиям должны подвергаться пиршества и разгул в праздничные

и храмовые дни. Этот разгул часто доходит до крайних излишеств, безобразий, а порой и до кощунства.

Хлеб жизни для народа

Священник должен приложить и труд, и усердие к тому, чтобы занять праздничный досуг прихожан. Наш народ особенно много и неумеренно пьет в воскресенье и праздничные дни: *„кто празднику рад, тот до света пьян"*. Это потому, что привыкли к делу, труду и, не находя его в эти дни, скучают и ищут развлечения, а по недостатку развлечений полезных предаются невоздержанию и разгулу. Для приходского священника день народного покоя должен стать днем усиленного, но благотворного труда.

Для этого можно предложить следующие меры:

Первое. **Привлечение народа к церковному богослужению.** Чтоб богомольцы охотно и с любовью шли к богослужению, нужно, чтобы совершители его были проникнуты чувством благоговейного, молитвенного настроения, чтобы церковные службы и приходские требы совершались без торопливости и сокращений. Чтение и пение должно быть внятно, выразительно и вразумительно, священник – всегда готов объяснить славянский язык вечерни, утрени и литургии, а также важнейших церковных молитв и песнопений.

Кроме того, любовь народа к церковному богослужению может поддерживать стройное пение хора. Устройство хора возможно и легко благодаря существующим почти везде школам, распространению грамотности и народной любви к церковному пению. Прихожане с особенной любовью будут слушать своих певцов потому, что они им родные: это их дети, внуки, братья.

Для общенародного пения в городе, советует митрополит Киевский Иоанникий, лучше всего назначать соборную церковь, которая и вместить может много, и центральное положение занимает, и хорошо всем известна.

Богослужение должно быть соединено с проповедью – простой, ясной, краткой, понятной и близкой к жизни.

Второе. **Внебогослужебные занятия.** После обеда и отдыха народ особенно чувствует потребность в развлечениях и занятиях. Полезно после вечерни предлагать прихожанам в церкви или в школе повествования из Священной истории и истории Церкви, а также жития святых угодников, особенно славянские тексты святителя Димитрия Ростовского, довольно понятные народу. Исторический славянский текст будет незаметно подготовлять народ к лучшему пониманию богослужебного языка. В этом деле священнику могут помогать диакон или учитель школы, а также члены его семьи.

Третье. **Раздача народу на дом книг религиозно-нравственного содержания,** в те семейства, где

есть грамотные члены. Выдачей книг, под руководством священника, могут заниматься диакон и учитель.

Если хоть незначительная доля того, что без пользы, с крайним вредом для себя, народ проматывает в питейных заведениях, будет пожертвована на приобретение книг, то и этого будет достаточно для устройства значительной библиотеки. Шкафы с книгами могут помещаться в церковном притворе, ризнице или церковной сторожке.

Живая душа человека алчет и жаждет. Человек ищет, чем утолить эту насущную потребность. Но ищет не там и находит не то, что способно развивать и укреплять его духовные силы, а то, что расслабляет, разрушает и губит. Чтобы заставить его бросить вредное, мало убедить, что и почему вредно. Необходимо предложить ему другую пищу: полезную, питательную и спасительную, тот *хлеб жизни*, на который указывает сам Господь Иисус Христос *(Ин. 6, 35)*.

Митрополит Иоанникий предлагал обществам трезвости обратить серьезное внимание на те городские площади, где по базарным дням толпятся приезжие из сел и деревень крестьяне. Тут, по его мнению, „полезно было бы развесить печатные наставления о вреде пьянства. Здесь мог бы находиться и один из членов общества трезвости для продажи и бесплатной раздачи поучений против пьянства. Ревнители-трезвенники могут принять на себя труд вступать в собеседования с приезжающими крестьянами, с теплым участием предостерегая

их от увлечения спиртным и от траты на это тех копеек, которые так нужны для домашнего, крестьянского обихода.

Общества трезвости растут и крепнут

Рассмотрение Святейшим Синодом вопроса об искоренении народного пьянства имело благотворное влияние. Во многих селах стали возникать и крепнуть общества трезвости.

В течение трех лет (1889-1891) в стране появилось 205 обществ трезвости. Самое многочисленное из них состояло из 600 человек. По губерниям общества трезвости распределялись так: в 1892 году в Саратовской было 55, в Вятской 51, в Новгородской и Волынской по 12, в Полтавской и Смоленской по 7, в Петербургской 3, в Холмско-Варшавской, Казанской, Астраханской, Вологодской, Рязанской по 2, в Донской, Харьковской, Нижегородской, Костромской по 1-му.

Из „Первой справочной книжки для членов общества трезвости", изданной в 1894 году доктором Н.И. Григорьевым, мы узнаем, что к 1895 году обществ трезвости, открытых по инициативе и при непосредственном руководстве духовенства, было 510.

Если сложить все данные, то общее количество обществ трезвости, возникших за истекшее десятилетие (1890-1900), приблизительно 900. Но это официальные сведения. На самом деле, обществ трезвости было открыто еще больше.

Любопытны данные о числе трезвенников в Петербурге.

Так, в трезвом братстве, организованном священником В. Белогостицким при фабрике Штиглица, состоит трезвенников 2500 человек. В Иоанно-Предтеченском братстве 900 трезвенников; в обществе трезвости при церкви Сампсония, что на Выборгской стороне, 150. При Мало-Охтенской Мариинской церкви общество трезвости насчитывает 24 человека; при вагоно-мастерских Николаевской железной дороги кружок трезвенников доходит до 200 человек; общество трезвости на Петровско-Спасской мануфактуре – 500 человек; Александро-Невское Общество трезвости при Воскресенской церкви за полтора года своего существования приобрело членов 9415 человек; общество трезвости на мызе Стрельна – 30 человек.

Все эти общества открыты священниками и продолжают развивать свою деятельность под их непосредственным руководством.

Приходской батюшка: сила личного примера

Успех и рост церковно-приходского общества трезвости зависит всецело от личности священника: есть у батюшки любовь и желание поработать, и общество трезвости живет, растет и богатеет количественно и качественно – нет этого, оно хиреет и только прозябает.

Чрезвычайно характерен, как подтверждение этой мысли, рассказ вятского священника об открытии им общества трезвости в своем приходе.

„Во дни своей юности я считал все общества трезвости продуктом моды. Но в скором времени взгляд мой на это дело коренным образом изменился. Этому способствовало знакомство с сочинениями отца Иоанна Наумовича (известный церковный писатель – *изд.*), известие, что один мой товарищ по семинарии, которого никак нельзя заподозрить в лицемерии или увлечении модой, также открыл общество трезвости. А более всего убедила меня сама жизнь.

Село, в которое я определен был священником, торговое, с еженедельными большими базарами. Как и во всех торговых селах, здесь стоит несколько трактиров, в которых почитатели Бахуса совершают в честь его обильные возлияния, а вечером они бродят по улицам, горланя песни и ругаясь без зазрения совести, так что ходить тогда по улицам бывает небезопасно, в особенности женщинам. Пьяниц, в худшем смысле этого слова, то есть лиц, забывающих из-за вина семью и хозяйство, не разбирающих ни праздников, ни буден – таких в приходе очень мало.

Но любителей попировать в праздники и в дни, следующие за ними, – громадное большинство крестьян. У каждой деревни есть свои праздники (от трех до пяти в году), на которые съезжаются родственники и приятели из соседних

деревень. Те, в свою очередь, платят тем же, так что любители чарки могут почти во всякое время найти где-нибудь „праздничное".

Во время этих праздников, вместе с пьянством бывает, конечно, немало всяких безобразий, буйства, бесстыдства. Например, один крестьянин, напившись допьяна, выходил гулять в Адамовом костюме по улицам деревни, начинал драку со всеми, кто осмеливался попасться ему на пути, и распевал под окнами домов серенады, бросая в окна камни.

И, примечательно, подобные лица нимало не стыдились своих подвигов, напротив, рассказывали о своем пированье и последствиях его с самыми невозможными подробностями. Мало стеснялись они и священника.

Единственно, что было отрадного: парни годов до двадцати и женщины редко пили вино. Но все же пьянство широко разливалось по приходу и не могло не тревожить меня и не приводить к мысли настойчиво бороться с этой язвой.

Замечаю, что некоторые крестьяне, желая удержаться на скользкой дорожке, сами себе дают зарок не пить совсем вина. Почему же не прийти им на помощь и не подействовать добрым примером и на других?

Размышляя об этом, стал я знакомиться по „Церковным ведомостям" с деятельностью различных обществ трезвости и прочитывать поучения против пьянства. В особенности мне понравились Троицкие листки *„Как помочь нашему обще-*

русскому горю?“ и *„Непобежденный враг земли Русской“*, а также сборник поучений *„Грех и безумие пьянства“*. Выписав несколько экземпляров этих листков и брошюры (стоившей всего полторы копейки) я решился открыть общество трезвости. Замечу, в нашем благочинии и поблизости таких обществ не было.

Дело затевалось совершенно новое, посоветоваться с опытными людьми не было возможности, и я страшно беспокоился за успех своего предприятия. Этим, главным образом, объясняется то, что я не решился открывать общество трезвости в церкви, а надумал ехать с этой целью по деревням: не так, мол, стыдно будет в случае неудачи. Ведь в приходе своем я прослужил еще только десять месяцев.

В одно из зимних воскресений по моей просьбе явилась за мной подвода из села *А.*, и я отправился, прося Бога благословить меня на новый труд. Взял с собою крест и епитрахиль.

Когда приехал, мужички уже были в сборе. Благословив каждого, я сообщил им о своем намерении открыть в приходе общество трезвости.

„Кто желает вступить в него, тот должен дать зарок не пить вина год или более. В случае болезни члены общества могут пить вино умеренно, как лекарство, о чем впоследствии должны сказать мне. В общество трезвости позволено записываться людям обоего пола не моложе семи лет“, – такой, вкратце, была моя речь. Затем я подробно объяснил крестьянам, как пьянство вредит спасению души, здоровью, семейному счастью и обще-

ственному благополучию. В заключение привел обычные самооправдания любителей винца и указал на их несостоятельность. Наконец встал, надел епитрахиль и сказал: „Итак, кто желает вступить в общество трезвости, подходите и целуйте крест". Сам первый поцеловал крест и обратил его к слушателям. Минута была решительная, и я был в большом волнении...

Успех превзошел мои ожидания. Мужички без всякого колебания стали один за другим подходить и прикладываться ко кресту. Из всех пришедших не вступил в общество только один.

Удивительна была та готовность, с какою крестьяне вступали в общество. Точно они давно этого ждали и обрадовались случаю исполнить свое заветное желание. Восемь человек записалось на один год и пять – на всю жизнь. Не подумайте, что к последней группе относятся только старики – нет, в нее вошли и молодые люди 22, 23 и 34 лет.

Всем грамотным, вступившим в общество, я раздал брошюры и листки против пьянства.

Когда беседа уже заканчивалась, приезжает ко мне посланный из деревни *Б.* и просит отложить поездку в его деревню до завтра, так как теперь все они отправляются в погоню за вором, по горячим следам.

– А о чем сходка будет, батюшка? – спросил меня гонец, горький пьяница.

– А вот хочу отучать вас от пьянства.

– Доброе дело. Так уж, пожалуйста, завтра, батюшка. Мы за тобой пошлем подводу.

Я согласился. Мне только неприятно было, что узнали о цели моих поездок, и опасался, что, пожалуй, теперь не все соберутся на сходку.

Домой пришлось возвращаться в сильный буран. Лошаденка досталась плохонькая, и я порядочно озяб.

Но удовольствие от сознания исполненного долга и радость неожиданного успеха была так велика, что я не обращал внимания ни на мороз, ни на снег.

– Ну что? Записался кто-нибудь? – встречают меня домашние, хотя и видят по моей физиономии успех поездки.

– Тринадцать человек! – отвечаю. Мы садимся за чай, и я начинаю подробное повествование о своем деле. Все рады и веселы. Тут же с нами сидит и ямщик, доставивший меня и согревающийся чаем. Он поддакивает и рад вместе с нами. „Да, хорошее дело батюшка выдумал, – рассуждает ямщик, – сколько от этого вина греха да убытку". Действительно, тот день был одним из самых счастливых в моей жизни!

На другой день я был в *Б.* Там произошло то же, что и в *А.* Все пришедшие на сходку, 21 человек, вступили в общество, в том числе двое горьких пьяниц. Эта полная готовность отказаться от вина показалась мне здесь подозрительной. *Б-цы* совсем не похожи на *а-цев.*

Последние – народ особенно религиозный, вдумчивый, серьезный, доброхотный в отношении храма, несмотря на свою бедность; постами они

усердно говеют целыми семьями, часто ходят в церковь и любят говорить о Божественном.

Если *а-ц* вступил в общество трезвости – на него вполне можно было надеяться. И, действительно, среди них не было случая нарушения зарока.

Не таковы *б-цы*. Предки их были раскольниками, и от них они унаследовали некоторую холодность в отношении к церкви. Правда, они не отстают от других прихожан, но в то же время не выкажут и особой преданности своему храму, признаков религиозного воодушевления.

И со священником любят поговорить не о Божественном, а о чем-нибудь житейском, с шутками и прибаутками. Вот почему вступление их всех в общество трезвости казалось легкомысленным. Мне вторила и старушка того дома, где я остановился переночевать: „Я по своему глупому разуму так думаю, что не удержатся наши мужички".

Из *Б.* я поехал в *В.* Там вступило в общество 20 человек.

Через несколько дней побывал я еще в деревне *Г.* Предложив краткое поучение, что становиться трезвенником можно только после зрелого размышления, я предложил вступить в общество желающим. Таковых оказалось только четверо, то есть пятая часть всех домохозяев.

Из этого видно, какое большое значение имеют пример и слово пастыря.

Иной человек легкомысленный и непостоянный; в таком случае нужно сначала испытывать его решимость и тогда уже принимать в общество.

Другой – никогда не изменит своему слову, каковы бы ни были искушения.

Таких нужно энергичнее убеждать. Будьте уверены, он сдержит свой зарок, не желая изменить своему слову, а потом трезвость понравится ему, и он продолжит зарок. Такие примеры у меня бывали.

Всем вступившим в общество трезвости я предложил в ближайшее воскресенье собраться в церкви и отслужить молебен, что и было ими исполнено. Один только из записавшихся в деревне *В.* не явился на молебен и потом не считал себя обязанным исполнять обет трезвости.

Впоследствии, чтобы не было подобных недоразумений, я не разделял акт вступления в общество на два события, а всегда приурочивал его к служению молебна. В это же воскресенье в общество вступило еще 12 человек из деревень *А.* и *В.*

И на этом я решил приостановить расширение общества и не убеждал уже других вступать в него, желая сначала испытать прочность нового учреждения. Конечно, я не отказал бы в приеме желающим, но таковых почему-то не находилось. Таким образом, общество, образовавшись за неделю, с тех пор уже не увеличивалось в течение всего года.

Из 69 членов только 6 было женщин. Некоторые и ранее не пили вина, но таковых было незначительное меньшинство. Большинство же членов ранее усердно употребляли спиртные напитки.

Трезвенники относились к своему обету очень серьезно. Один мужичок даже спрашивал меня,

можно ли ему вином натирать простуженные ноги. Только один из трезвенников воспользовался позволением выпить во время болезни немного вина.

Открытие общества заметно отразилось на деревенской жизни. Крестьяне дивились, что у них стало так мало пьянства и шума во время праздников. Прекратились случаи пропития общественных денег, на что сильно негодовали любители выпивок, оставшиеся в меньшинстве.

Бабы не знали, как и выразить мне свою благодарность за то, что отвел их мужей и детей от пьянства. „Сколько убытков я видела; напьется пьяный сам, и обтеряется, да и добрые люди помогут очистить карманы", – вспоминала одна. „Теперь праздником сиди спокойно, – говорила другая, – а ранее, бывало, муж как напьется, так и давай драться, все и ходишь с синяками".

Год существования общества закончился при сильных морозах. Вследствие этого обстоятельства, а также разного рода недосугов я поленился своевременно объехать деревни с целью снова „законтрактовать" трезвенников. И некоторые из них воспользовались свободою от зарока и разрешили себе выпить, правда умеренно. Из прежних трезвенников на второй год не записалось 10 человек, вновь же прибыло 13 человек.

Один из мужиков хотел было выйти из общества, но четырнадцатилетний сын убедил его остаться, прочитав брошюру *„Грех и безумие пьянства"*. За второй год существования общества было два случая нарушения трезвенниками зарока,

правда, очень незначительные и заглаженные раскаянием и епитимией (усиленным посещением храма во время богослужений).

Так за два года общество почти без всяких усилий с моей стороны не только не уменьшилось, а даже несколько увеличилось. Нужно прибавить, что многие, хотя и не записывались в общество, но увлеченные движением, сами перестали пить вино.

Прочность и полезность начинания стояли вне всяких сомнений, но после моего перехода в другое село, где я тоже открыл общество трезвости, первое общество захирело и теперь насчитывает до 45 человек". („Вятские епархиальные ведомости", 1898).

Добрая школа против злого недуга

Идеи трезвости духовенство проводит в народ и через школу.

Вот что пишет священник села Шумоши преосвященному Феоктисту, епископу Рязанскому (1889): „Церковно-приходская школа нашего села существует только четыре года, но за короткое время она сумела по-доброму повлиять на подростков.

Прихожане села Шумоши, в силу издавна установленных обычаев, берут с собою на поминки, как правило, на сороковой день, малых детей от 5 до 13 лет. Этим ребятам домохозяева во время обеда наравне с большими подносят по стакану водки,

и те, нисколько не стесняясь, выпивают до дна и таким образом еще в детстве приучаются к винопитию. Неоднократно священнику приходилось об этом беседовать и в домах, и в храме, с ласкою и строгостью убеждать прихожан бросить гибельный обычай. Но все было безуспешно.

Дети по-прежнему продолжали ходить с родителями на поминки и там напиваться допьяна. Но вот, при помощи Божией, в селе Шумоши открылась школа, в которой пьянство сделалось предметом частых и настойчивых бесед священника с детьми. Беседы оказались действенными. Те же дети, но только немного поучившиеся в школе, сознав пьянство как зло, за стыд теперь считают идти со взрослыми на поминки. А те, которым в силу родственной необходимости приходится бывать на поминках, вина уже не пьют".

В Вятской епархии есть уже попытки и школьников привлечь в члены общества трезвости. Это, конечно, крупицы, но и крупицы дороги для нас".

Вера в школу как носительницу идеи трезвости особенно рельефно подчеркнута известным защитником ее, педагогом С.А. Рачинским. По его глубокому убеждению, народное движение в пользу трезвости стоит в тесной связи с быстрым ростом, и количественным, и качественным, сельской школы.

„Только в доброй школе, – пишет Рачинский, – дети слышат безусловное порицание пьянства, слышат своевременное предостережение от пагубной

привычки, и, что еще важнее, только в ней видят они пример жизни совершенно трезвой, испытывают на себе ее благотворное влияние.

Только между бывшими воспитанниками школ встречаются люди, усердно хлопочущие о распространении трезвости в своих семьях, в своих деревнях. Конечно, еще более, чем их речи, действует их пример, вид того относительного благосостояния, которое водворяется в трезвой семье в силу ее трезвости".

Но, помимо прямого влияния школы, еще действеннее, по мнению С.А. Рачинского, ее косвенное влияние: оживление и углубление религиозного чувства. В школьных стенах рождается сильное стремление на деле осуществить воспринятое сердцем учение, зажить жизнью Богу угодною.

Православное духовенство заводит для народа церковные и школьные библиотеки.

К 1 января 1898 года таких читален было более 30000. Целую сеть бесплатных библиотек для народа раскинуло по Петербургу Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви. Их посетителями и читателями являются, в основном, трезвенники.

Наконец, духовенство ведет борьбу с пьянством и литературным путем. Пальму первенства в этом деле нужно отдать архимандриту Никону, главному издателю знаменитых Троицких листков. Целый ряд таких листков – миллионы экземпляров! – разошелся и расходится по святой

Руси. Троицкую книжку *„Всем пьющим и непьющим“* народ читает с восторгом.

В таком же огромном количестве разошлись среди народа книжки священника Недзельницкого *„Злой враг человека“*, иеромонаха Стефана *„О пьянстве и других дурных привычках“*. Множество назидательных статей о вреде пьянства помещается в журналах „Воскресный день“, „Кормчий“, „Воскресное чтение“, „Друг трезвости“.

В „Руководстве для сельских пастырей“ откровенно и нелицеприятно обсуждалось, как священник должен относиться к угощению вином в домах прихожан.

Таким образом, мы видим:

1. В течение последнего пятидесятилетия активная борьба православного духовенства против пьянства не прекращалась, и, если не всегда приводила к значительным результатам, то в силу того противодействия, какое встречала со стороны откупщиков, волостных правлений, городских дум и других органов власти.

2. Открытие обществ трезвости, проповедь, школа, библиотека, литературные труды – все эти благотворные меры помогали духовенству отрезвлять народ.

3. Правда, этим занимались лишь отдельные личности, но таких борцов с каждым днем становится все больше и больше. И есть надежда, что движение трезвости охватит всю Россию.

Прямой долг тех, кто предан делу отрезвления народа, подать руку помощи православному духовенству в его борьбе с пьянством.

Сила всякого дела – в крепком единении всех, кто его делает! Каждый работник дорог и его нужно беречь, любить и поддерживать. Будет это – и успех нашего движения в пользу трезвости обеспечен!

Вместо послесловия

О бесправном положении сельского духовенства, его зависимости от сильных мира сего и, вопреки всем притеснениям, беззаветной самоотверженности с глубоким сочувствием писал Ф.М. Достоевский.

Это письмо одного из деревенских священников Орловской губернии он помещает в своем „Дневнике писателя".

„В начале нынешнего 1872-1873 учебного года оказался недостаток учителей в нашем уезде.

Я, не желая закрытия училища в своем селе, решил изъявить желание занять должность наставника и обратился в Училищный совет с прошением об утверждении меня в этой должности. Совет ответил мне, что я „тогда буду утвержден в должности

наставника, когда на то изъявит свое согласие общество". Общество пожелало и составило о том приговор. Волостное правление, имея во главе невежественного писаря М.С. и во всем ему послушного старшину, не захотело засвидетельствовать приговора, ссылаясь на то, что мне учить некогда, но в душе руководясь другими побуждениями.

Я обращаюсь к мировому посреднику. Посредник П. высказал мне в глаза следующие достопримечательные слова:

– Правительство вообще не расположено к тому, чтобы народное образование было в руках духовенства.

– Почему бы так? – спрашиваю я.

– Потому, – отвечал посредник, – что духовенство проводит суеверие".

Федор Михайлович Достоевский выражает справедливое недоумение:

„Ну, осмелился бы это сказать не то, что какой-нибудь посредник, а в десять раз выше его по власти лицо какому-нибудь, хоть, например, остзейскому пастору?

Господи, какой бы этот пастор затеял крик и какой бы в самом деле поднялся крик!

У нас священник смиренно обличает дерзкого путем гласности. Но приходит мысль: если бы это лицо было повыше посредника (а у нас ведь все может случиться), то, может быть, пастырь добрый и не стал бы совсем обличать его, зная, что из этого

выйдет. Да и нельзя же требовать от него энергии первых веков христианства, хотя бы и желалось того.

Мы вообще наклонны обвинять наше духовенство в равнодушии к святому делу; но как же и быть ему при иных обстоятельствах?

А между тем, помощь духовенства народу никогда еще не была так настоятельно необходима. Мы переживаем самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту, может быть, из всей истории русского народа“

Вино вину творит

Эти короткие рассказы, истории из жизни, притчи направлены против пьянства и посвящены трезвости. В свое время все они были напечатаны в изданиях Александро-Невского Общества трезвости, много раз переиздавались, выходили отдельными книжками. Написанные талантливыми и любящими народ людьми, они легко находили дорогу к сердцам миллионов.

Темы – самые разнообразные. Трезвенников, сбросивших с себя иго хмельного дурмана, живо интересовало все: и история Церкви, и общественное положение в стране, и личное спасение среди бурь и соблазнов „века сего". На все животрепещущие вопросы стремились дать ответы священник Александр Рождественский и его соработники на ниве народной.

Суд над водкой

Судят тысячи отцов и матерей. На скамье подсудимых: винные бочки и шумная толпа кабатчиков, корчмарей и пьяниц всякого звания, состояния и возраста, мужчин и женщин. За судьями поместилась Совесть, женщина со строгим и честным выражением лица.

Судья. Подсудимый, твое имя?

Подсудимый. Водка.

Судья. Где родилась?

Подсудимый. В бесчисленных винокурнях и пивоварнях.

Судья. Родители твои кто?

Подсудимый. Своекорыстие и невоздержание.

Судья. Чем занимаешься?

Подсудимый. Утоляю жажду, питаю, укрепляю и согреваю.

Судья. Бесстыдная ложь! Никого ты не питаешь, не укрепляешь, не согреваешь. Чем же, наконец, ты занимаешься?

Подсудимый. Я друг несчастных. Благодаря моим трудам, они забывают свои горькие страдания.

Судья. Еще ложь! Ты губишь и умерщвляешь. Выдавливают ли тебя из винограда, приготовляют ли на фабриках и заводах, всегда ты отрава смертоносная. Ты яд, и останешься ядом, в каком бы благоприличном виде ты ни являлась.

Что имеют сказать свидетели?

Свидетели кричат все одновременно:

– Нам она попортила желудок.

– Нам она отравила легкие.

– У нас она расстроила нервы.

– У нас она отняла сердце.

– Нас она лишила рассудка.

– Нас она сделала преступниками.

– По ее вине мы больны и несчастны, так что проклинаем даже тех, которые дали нам жизнь.

– У нас, жен, отняла она мужей.

– У нас, матерей, похитила она наших детей.

– У семьи она ограбила ее доброе имя, посеяла в нее раздоры и несогласия.

Судьи произносят приговор:

„Так как водка приводит людей в больницы, сумасшедшие дома и тюрьмы, губит человеческое достоинство, так как она враг семьи и всего рода человеческого, то осуждается по всей строгости законов на вечное изгнание, потому что нет смягчающих ее вину обстоятельств".

Совесть. Поделом ей! Но кто должен привести в исполнение этот приговор? Это дело и обязанность всех, кто слушает голос своей совести, кто призван любить ближнего, как самого себя.

Пусть каждый, кому дорога Родина-мать, как только заметит своего ближнего в пристрастии к спиртным напиткам, уговорит его бросить это зло и вступить в ряды трезвых людей.

Не сразу строились города. Верим, настанет день, когда и трезвость везде заменит пьянство!

Фаддей

– Послушай, Фаддей: постыдись ты людей,
Хоть малость побойся ты Бога,
Сгубил ты чрез пьянство жену и детей
И сам не минуешь острога.
Ты ходишь босой, лоскутами прикрыт,
В стогах да в овинах ночуешь,

А что на деревне чуть плохо лежит,
Ты все без разбора воруешь.
Ты только, как утром с постели встаешь,
И дом и семью покидаешь;
Как пахарь на дело, в кабак ты идешь
И там до полночи гуляешь.
– И буду гулять, не закажешь ты мне;
В зубах мне навязла работа;
Я только и вижу отраду в вине;
Работай, когда есть охота.
А я погуляю, досыта попью.
Ты знаешь, я дому хозяин,
А хочешь послушать, я песню спою...
– Опомнись, опомнись ты, Каин!
Ты пропил лошадок, коров и овец,
И дом двухэтажный, и сбрую,
И только оставил ты детям, отец,
Одну лишь избенку худую.
На Ваську ты с Гришкой надел по суме,
Сумы и жена не минует,
А ты что? Вино лишь одно на уме,
И совесть тебя не волнует.
Ведь осень проходит, запахло зимой,
Нет хлеба, и дров ни полена;
А дети под окнами ходят с сумой
Босые, в грязи по колено.
Вон Васька уж начал от стужи хворать,
Все ноги распухли, гноятся,
А ну как он сляжет и будет лежать,
То чем же мы будем питаться?
Ведь Гришка так мал, он не может достать

Без Васьки нам хлеба сумою...
А главное дело: ребенка послать
Опасно суровой зимою.
Ему лишь четвертый годочек идет,
Ведь он еще глупый ребенок,
И зимнее время куда забредет,
Замерзнет в снегу, как цыпленок,
Замерзнет, погибнет, а ты о сынке
Не скоро, пожалуй, узнаешь:
Когда по неделе сидишь в кабаке
И дома совсем не бываешь.
– Да ну тебя, дура, что лезешь ко мне?
Ты с кем говоришь-то? Забылась? –
Наносит удар он несчастной жене,
Она кубарем покатилась.
Но, вставши, Матрена опять начала
Фаддея просить со слезами
(Она, как ребенок, не помнила зла),
К нему обратилась с словами:
– Ах, брось же вино, ты опомнись, Фаддей,
И в церковь сходи помолися
Да в общество трезвости – добрых людей –
Возьми на годок запишися.
Бери у священника книги читать
Да пению в церкви учися,
А будет на водку тебя позывать,
Как яду, вина берегися.
– Да брось ты, Матрена, пустые слова:
Ты только меня раздражаешь...
Эх, баба, пустая твоя голова,
Чего ты меня поучаешь?

Да что я за глупый: оставить вино
По просьбе жены соглашуся?
Оно для веселья нам Богом дано,
По гроб я на то не решуся...
– Ну, полно, Фаддей, не шути надо мной...
Христом я тебя умоляю:
Опомнись, кормилец семьи ты родной,
Добра я тебе ведь желаю.
Ты вспомни: как прежде богато ты жил,
Знал совесть и Бога боялся;
Без дела минуты сидеть не любил,
Начетчиком первым считался.
Ты утром всех раньше в деревне вставал,
И самый последний ложился;
Косил, молотил или пашню пахал,
Или на дворе копошился.
И было тогда ведь на что посмотреть:
Не дом мы имели – хоромы:
Коровы, лошадки – нельзя усидеть...
С купцами мы были знакомы.
И в целой округе наш первый был дом
С подъездом, карнизы резные,
А ставни у окон, ворота с крыльцом –
Все были подряд расписные.
А зимнее время в амбары зайдешь:
Гороху, овса и пшеницы!
А выйдешь за двор-то, не вдруг перечтешь
Скота и домашней всей птицы.
А ныне-то? Господи Боже ты мой!
Что только куда подевалось?
Не только именья – рогожи худой

У нас на дворе не осталось.
И только остались нам слезы одни,
Невзгоды, нужда да печали,
А все остальное погибло в вине,
Чего мы совсем и не ждали.
Фаддей в это время сидел за столом,
Бледнее он смерти казался;
Как видится, речи жены о былом
Припомнить он в сердце старался.
И вдруг он совсем как дитя зарыдал:
В нем совесть теперь пробудилась,
И он пред женой на колени упал...
Жена и сама прослезилась.
– Да, вижу, как много наделал я зла
В последнее время собою;
Я знаю, ты сколько ночей не спала,
Боролась с тяжелой нуждою.
Матрена! Прости, Христа ради меня,
Во всем пред тобой я винюся.
И вот тебе клятва: я с этого дня
До водки всю жизнь не коснуся... –
И тем же он вечером этот обет
Исполнить скорей постарался...
Не на год, не на два, а на десять лет
Он в общество трезвых вписался,
И с первого дня, как оставил вино,
Фаддей наш за дело принялся:
Косил, молотил или чистил гумно,
Работал, до пота старался.
И что же? В короткое время Фаддей
Упадок весь в доме поправил,

Завел, как и прежде, коров, лошадей
И дом двухэтажный поставил.
И скоро вошел он в почет у людей
Своим поведеньем, казною;
И он уж в округе своей
Сидит волостным старшиною.

Беседа старого и юного трезвенника

– Скажи, где найти имена первых трезвенников?

– В святой Библии. Из нее мы узнаем таких трезвенников, как Сампсон, Самуил, Даниил, Иоанн Креститель, рехавиты.

– Говорит ли слово Божие какие-нибудь предостережения против употребления охмеляющих напитков?

– Говорит и очень много. *„Горе тем,* – взывает Господь через пророка Исаию, всем пристрастившимся к употреблению хмельных напитков, – *которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином (Ис. 5, 11).* Горе! Потому что *„кто любит вино, не только не разбогатеет, а и обеднеет“ (Притч. 21, 17; 23, 21).* Но это горе становится в тысячу раз страшнее, когда вспомнишь, что, по учению слова Божия, *„пьяницы Царства Божия не наследуют“ (I Кор. 6, 10).*

„Если раб, – говорит Спаситель, – *начнет пить с пьяницами, то придет Господин раба того в день, в который он не ожидает, и рассечет*

его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов" (Мф. 24, 48-51).

Да, пьянство – великое горе. Оно всегда несет за собой тысячи зол для каждого любящего выпивать. Оно разрушает семью, делает жен вдовами, а детей – сиротами. Оно губит и погубило не только семьи и людей, но и целые царства, когда-то могущественные, крепкие и славные.

– Какие?

– Ассирийское, Вавилонское, Персидское. Эти царства достигали большого могущества, пока народ был прост и умерен в своих привычках. Когда же народ стал предаваться пьянству и разврату, от их сел, городов, храмов, дворцов остались только одни развалины.

Например, Ассирия. Ее царь Сарданапал сделал своим правилом такие слова: „Пей, ешь, веселись, так как после смерти нет наслаждений". Он исполнял это правило сам, а за царем и народ. От пьянства и разврата народ ослаб, и вавилоняне легко победили ассирийцев и сделали их своими рабами.

– Ты говоришь, что причиной упадка Ассирии была любовь к вину и роскоши. Победители Ассирии знали эту причину. Остановило ли их это от пьянства?

– К сожалению, нет. Ты знаешь из Библии, что вавилонский царь Валтасар и его крепкая столица была взята персидским царем Киром, в то время, как Валтасар безумно пировал с вельможами. Смерть постигла его за пиром.

Но и Персидская монархия просуществовала недолго. Пьянство и роскошь расшатали ее. Народ ослаб, и знаменитый Александр Македонский завоевал когда-то могущественную Персию. Но и сам Александр Македонский прожил после этого малый срок. После победы над Персией он пристрастился к вину и умер от него во цвете лет.

– Есть ли еще какие-нибудь древние страны, на которых отразилось пагубное влияние спиртных напитков?

– Это Египет. Употребление спиртных напитков было известно в этой стране за три тысячи лет до Рождества Христова. Когда персы победили египтян за триста лет до Рождества Христова, то египтяне находились в самом позорном и постыдном положении. И этот позор был последствием их чрезмерного пьянства.

– Неужели никто не делал попыток, чтобы прекратить или, по крайней мере, уменьшить пьянство в народе?

– Напротив. Многие египетские цари и законодатели других стран издавали строгие указы против пьянства. Так, в Греции пьяного человека казнили. В Спартанской республике юноши не смели ничего пить, кроме воды. Их законодатель Ликург приказывал раз в год напаивать допьяна рабов и показывать их в состоянии опьянения юношам, чтобы этим внушить отвращение к пьянству.

Но все эти меры не достигали своей цели. И греки и спартанцы не устояли против укоренив-

шейся привычки к вину... и их слава и могущество померкли. Они сделались данниками римлян. Но и Рим простоял недолго. Любовь к вину, разврат и роскошь погубили Рим и привели к упадку.

Пьянство снижает нравственность. Оно во многом служит причиной того, что наши тюрьмы и больницы забиты битком. Пьянство ведет к нищете. К тому же, многих людей приходится содержать на общественный счет. В одном только Петербурге одной только водки в 1898 году выпито было – ни много, ни мало – **2 100 000 ведер!**

Тысячи людей прежде времени сошли в могилы из-за того, что пристрастились к этому зелью.

– Все это правда, а как станешь эту правду рассказывать товарищам, они тебе в ответ: что ты нам глупости говоришь, вон сосед наш крепко водочку-то любил, а прожил восемьдесят лет в добром здравии. Что им сказать?

– Пусть так, но кто знает: если бы он совсем не пил водки, не прожил бы и сто лет? Ведь человек и к яду может привыкнуть. Однако никто не станет утверждать, что употребление мышьяка, например, полезно для здоровья.

Какой враг человеку водка – в этом легко убедиться на примере американских индейцев.

Эти дикие люди, пока не знали водки, были здоровы и крепки телом, многие из них доживали до глубокой старости.

Когда европейцы захватили индейские земли, дикари часто нападали на европейские поселения и опустошали их. Долго пришлось европейцам

вести ожесточенную войну с этим диким, но сильным народом, пока не покорили их окончательно. И чем же, вы думаете, была достигнута эта победа? Водкой, которой европейцы стали спаивать индейцев. Она оказалась для них гибельнее всех европейских пушек, ружей, штыков.

Дикари, пристрастившись к водке, стали малопомалу слабеть и, наконец, почти совсем исчезли с лица земли.

То же, что с индейцами, бывает и у нас там, где развито пьянство. Гибнут и душа, и тело человека, нарождается поколение слабое, хилое, грешное.

– Стану я увещевать товарищей: зачем вы пьете? А они в ответ: как отказаться от рюмочки в гостях, когда хозяин просит выпить за его доброе здоровье?

– Это старое зло у нас на Руси. Еще святитель Тихон Задонский восставал против винопийства. „Злая и плотоугодная человеческая хитрость, – говорит он, – выдумала и вид добрый, которым прикрывается пьянство: за здоровье-де такого-то выпьем, как будто бы тому, кто поминается, от частого поздравления прибавится здоровья.

Этот обычай душевредный многие не только за грех не считают, но даже и за учтивость славят. Человек, этой учтивостью развращенный, как домашним своим: отцу, матери, жене, детям и друзьям крайне несносен, так и Отечеству ни к чему не потребен.

„Не упивайся вином, в нем же есть блуд“.

Бедный богач

К весьма богатому старику приехал гость.

Старик вывел его на балкон своего роскошного дома и показал ему свои земные владения: леса, поля, реки, фермы, мельницы, заводы, стада и сказал:

– Все это – мое. Я был беден, но приобрел все своим умом и старанием.

Гость молчал.

Но когда хозяин продолжал величаться, гость указал на небо и спросил:

– А там у вас какие имения?

Смутился хозяин и переспросил:

– Где?

– На небе!

– Там у меня ничего нет, – отвечал миллионер. А ему уже было семьдесят лет и недалеко было время его переселения в небесные обители.

– Не очень утешительно, – сказал гость, – что такой умный и предусмотрительный человек, как вы, все свое время и силы отдает настоящему и ничего не приобретает для вечности!

Через три месяца богач умер и его имения перешли в другие руки.

С чего начинать?

Обращенный индианец Чоп рассказывал своим соплеменникам.

– Братья! Я был язычником, состарился и поседел во язычестве. Явился среди нас проповедник и начал доказывать, что существует Бог. Мы ему сказали: „Давно нам это известно. Уходи, откуда пришел".

По прошествии некоторого времени пришел новый миссионер и начал горячо внушать нам, что не следует воровать, пьянствовать, лгать. Мы ответили: „Глупец! Ужели ты думаешь, что нам это неизвестно? Учи этому своих людей, чтобы они лучше вели себя". Проповедник удалился ни с чем.

Вскоре ко мне явился в дом другой учитель веры и сказал: „Я пришел к тебе во имя Господа неба и земли. Он внушил мне сказать, что хочет спасти тебя. Ради этого Он принял человеческое естество и пролил за людей кровь".

От этих слов я не мог отделаться. Так укоренилось среди нас христианство.

Не искушайте

Что делают, когда предлагают выпить спиртные напитки? Искушают ближних. Многие, очень многие почтенные люди не умеют по-другому

выражать доброжелательство своим друзьям и знакомым.

Эта несчастная привычка есть первая опора пьянства.

А с нравственной точки зрения искусителя ведь судят строже, нежели искушаемого.

Когда видишь пьяницу, то подумай, что не он довел себя до этого состояния, а тот, кто предложил ему первую рюмку.

Мало сеятелей

Как много на земле мест, покрытых сорными травами не от природной негодности почвы, а от того, что не нашлось заботливой руки, которая бы бросила туда плодородное зерно!

Как много преступников образуется из детей нищеты: они растут среди порока, пьянства, вражды и побоев, без поддержки, без слова участия, без дружбы, без научения!

Сколько природного ума, сколько добрых сердечных задатков гибнет с прямым вредом для общества и государства!

И вот вместо того, чтобы созидать приюты, школы и мастерские, государство строит тюрьмы; вместо умелых и честных ремесленников страна и особенно города кишат босяками, громилами, хулиганами.

Но и для этих постаревших в пороке людей не все потеряно...

Пора закончить

Один почтенный чиновник имел обыкновение каждое утро перед отправлением на службу выпивать в ресторане стакан вина. Однажды, когда он, по обыкновению, сидел в ресторане и намеревался поднести к губам стакан, к нему обратился оборванец: „Будьте добры, господин, позвольте и мне отхлебнуть из вашего стакана".

Сердито отвернулся от оборванца чиновник и приказал ему убраться. Тот же заметил с достоинством, что с ним нельзя обращаться так невежливо.

„Когда-то, – сказал он, – и я был таким же почитаемым и уважаемым человеком, как ты. Я был так же хорошо одет и принадлежал к образованному обществу". Чиновник задумался, и некоторое время смотрел на это испитое лицо, мутные глаза и на лохмотья, в которые был одет оборванец.

– Значит, до нынешнего состояния довело тебя пьянство?

– Да.

– В таком случае мне пора закончить.

С этими словами он вылил из стакана вино и спокойно покинул ресторан.

Не пора ли и всем нам закончить?

Лучи Божеской любви

Сказал ли Христос хоть одно жесткое слово мытарям Матфею и Закхею, блудницам: приве-

денной к Нему фарисеями, и другой, помазавшей Его ноги в доме фарисея; разбойнику, распятому на кресте рядом с Ним? Вы скажете, что эти мытари, блудницы и разбойник покаялись. Но не потому ли они покаялись, что почувствовали в сердце Чистейшего и Непорочного не отвращение и укор, а сострадающую любовь? Воистину так.

Один известный писатель, отвечая на вопрос: *„Как помочь народу?“* – ответил так:

– Во всяком случае, не новыми тирадами о безбожии нашего поколения. Совы и сычи – птицы мало назидательные. Твою душу должна наполнять надежда за народ и за человечество. Если иначе чувствуешь, то уходи в пустыню.

Солнце восходит и над сушей и над морем, над полем и рощей, над лугом и песчаной равниной, над цветами и крапивой. Оно улыбается вору и обокраденному, судье и осужденному.

Так же и дождик. Он орошает крыши храмов и театров, дворцов и хижин, поит орла и червя, радует христианина и язычника.

Что это значит? То ли, что для Бога безразлично добро и зло? Нет, он установил упорную борьбу добра против зла. Но в Боге нет и тени той мелочности и нетерпеливости, какая встречается обычно в людях, даже благочестивых.

Если брат наш во всем безупречен, и мы наперед уверены в его признательности, тогда мы готовы оказать ему милость. Поступая так мытарски и языčески, мы воображаем себя хранителями христианской нравственности.

Мы, христиане, призваны испускать лучи Божеской любви. Светить и согревать мы должны и в ширину, и в глубину, и во все стороны.

Так поступал наш Учитель и Искупитель. Он любил друзей и врагов, умер за принимающих Его и отвергающих.

Где живет правда?

Священник П. Миртов

В настоящее время мы переживаем „период бури и натиска". Море общественной жизни волнуется, кипит...

Разные направления мысли, поднимаясь, точно грозные валы, стакиваются, образуя какой-то бешеный круговорот идей, в котором трудно что-либо понять и разобраться...

И брызгами, пеной своей это взбаламученное море обдает и стены церковные. Оно как бы ждет от Церкви того властного, покоряющего голоса, который *„запретит и скажет ветру: умолкни, и волнению: перестань"*.

Церковь на земле есть „вестница небес".

Как никогда не смолкающий орган воли Божией она должна изрекать веления свои бестрепетно и властно... И не только давать им выражение в слове, но и облекать их в живую плоть действительности...

„Иисус же... сказал: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом" (Мф. 20, 26). Этот завет Спасителя на все времена

останется определяющим началом истинно-христианской жизни.

Мир давил кротких апостолов учения Христова своей силой, но ничем не мог заглушить слово Истины. Оно, горячее и всепокоряющее, рвалось из-под душных сводов темницы и с эшафотов, возносилось вместе с пламенем костров и, наконец, немолчно раздавалось с окровавленных крестов. Это слово жгло сердца людские, оно пробуждало дремавшую совесть, воспламеняло в душах человеческих негасимые искры веры. Оно падало с каплями дымящейся крови, и куда только не достигало, всюду производило глубокий переворот.

И *„новое небо, и новая земля"*, которых мы по обетованию чаем, характеризуются прежде всего тем, что в них *„обитает правда" (2 Пет. 3, 13)*.

Итак, Церковь должна не только вещать, но и воплощать истину Христову в жизни. В ней „правда живет". Недаром же христианство сравнивается в Евангелии с закваской, поднимающей все тесто!

Теперь каждый хулиган метит чуть не в министры, и любой приготовишка-гимназист требует для себя участия в государственном переустройстве. Ницшеанство, просочившись в народную массу, не столько своими философскими посылками, сколько популярными и доступными всем практическими выводами, послужило для самодовольства многих той „иродовой" или „фарисейской закваской",

от которой предохранял Своих учеников Христос Спаситель.

Пышно выросло и поднялось на этой закваске самодовольство!

Но ведь христианство под пробуждением личности и самосознания разумеет нечто другое. Блудный сын искал внешней свободы и равноправия, но его личность, его самосознание достигают высоты не в тот момент, когда он заявляет отцу о своих требованиях, а, когда смиренно молит: *„Сотвори мя, яко единаго от наемник твоих"*.

Истинное самосознание прежде всего говорит человеку не о том, чего он может потребовать для себя, но о том, что он должен дать другим.

Пророк Исаия обличал, говоря: *„Князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гонятся за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них"* (*Ис. 1, 23*). Право, лишенное своей христианской нравственной основы, может превратиться в полный деспотизм и бесправие. Ведь и древний римлянин, кормивший рыб в своих водоемах мясом рабов, тоже ссылался на свое право!

Апостольский завет *„обновляться во вся дни"* приложим не только к делу личного спасения человека, а и к подъему общественных условий жизни. В этом смысле Церковь благословляет всякий общественный прогресс, если он представляет собою не простой скачок, а органическое движение к лучшему.

Правда, охранительное начало всегда было сильно в Церкви. Но оно направлялось, главным образом, на то, что действительно достойно сохранения. **Без корней ничто не растет и всякое общественное движение, не считающееся с прошлым, выйдет беспочвенным.**

„Церковь свидетельствует нам: достойно охранения не то, что гниет и разлагается, не то, что безобразит народный облик, а только то, что может быть согласовано с началами вечной справедливости", – точно замечает современный писатель.

С отрадным чувством приводим мы золотые слова одного из петербургских преосвященных.

„Не дело Церкви – политические устроения, но ее голос должен звучать особенно звучно в тревожное время...

Плачевна и опасна та система, когда чередуются только одобрение, послушание и молчание; они создают иллюзии и ослепление. Власти нужно людей побольше из таких, кто имел бы твердость духа, любя ее, не всегда нравиться ей...

И если бы этому нравственному мужеству, облеченному в одежды вдохновенной смелости, был доступ в каменные палаты, мы, наверное, не слышали бы ни беспорядочных криков на улицах, ни революционных протестов на перекрестках. Страну, разочарованную в своей безопасности и пораженную в своей доверчивости, охватила боязнь за собственную самосохранность... Души многих стали на границе отчаяния".

Этот неподкупный голос владыки не остался одиноким. С таким же мужеством и правдой ставит диагноз современному брожению старец-иерей в своем письме.

„Только тогда, – пишет этот пастырь, – государство будет для злодеев страшным, когда все должностные лица будут отстаивать правду, чтобы своеволие и дурной пример не явились господствующими, торжествующими. Между тем многие должностные лица этого не понимают, а потому находят достойным наружное исполнение своих обязанностей, но это только внешняя сторона, которая так же важна, как шелуха. Наружным исполнением обязанностей они прикрывают всякую свою неправду.

...Для народа и царства Русского опасны не социалисты и ходоки в народ, а дурные народные учители.

Если бы все мы, священники, энергично и постоянно возвышали глас свой, а правительственная власть носила бы с умом меч, данный ей на остепенение и устрашение злых, то не посмело бы тогда беззаконие ходить нагло и открыто, а скрывалось бы где-либо в трущобах.

Само уважение к власти как Божественному установлению должно побудить духовенство обличать и раскрывать злоупотребление ею. Что-нибудь одно: или надо совсем отказаться от проповеди о повиновении власти и закону, или вместе с этой проповедью учить и власть повиновению закону, цель которого – благо целого общества.

Учительство наших пастырей направлено на слабых, а не на сильных; на подчиненных, а не начальствующих; на тех, кто распоряжается лишь собою, а не на тех, кто распоряжается тысячами".

„Будь неладен тот, – жаловался преосвященный затворник Феофан, – кто разъединил и разбил древний добрый союз членов Церкви, так вожделенный для блага нашего. *О соединении всех Господу помолимся.* Чего у нас нет? Одно из величайших зол – полицейская и приказническая форма в делах церковных. Она всех охватила и всех закалила северным холодом, и жизнь замерла. Присмотритесь: у нас нет отцов в Церкви... а что-то страшное, надзирательное, судебное. Потому от отцов не течет к детям свет и тепло – и дети стоят спиною к отцам".

Если бюрократическая стена, отделяющая царя от подданных, теперь всеми признана за великое зло, то тем большим злом является то средостение, которое установилось между архипастырями Церкви и телом церковным – народом.

Отовсюду слышится, что мы переживаем тяжелое, трудное время. Говорят: „Отечество в опасности". Народ разделился на партии, враждебные друг другу. Идет страшная внутренняя война. Многие уподобились стаду, не имущему пастыря. А тут еще, под видом радетелей народного блага, появляются недобрые люди. Они стараются оторвать народ от веры Христовой, замутить чистоту его православного веросознания и при этом, обык-

новенно, указывают на то, что пастыри наши превратились в наемников и не пекутся об овцах, а архипастыри сделались „сановными владыками“ и перестали быть „отцами“. Русский народ смущается от этих толков.

Но тем в большее смущение приходит простой люд, видя, как действительно некоторые из наших архипастырей далеко отошли от жизни. Встречаются со своей паствой только в торжественной обстановке, иногда мимоездом, из окна кареты посылая благословение трудящемуся люду, не вникая в подробности его быта, от которого так сильно зависит склад народной души.

И лежит народ русский при дороге жизни, лежит точно „впадший в руки разбойников“, изъеденный пьянством, как проказой, покрытый толстой корой невежества.

И расхищается то „волками в овечьей шкуре“, то различными страстями великая богоносная душа русского человека... и над ним часто исполняется слово Христово: *„минуют его священники и левиты“*.

Помолимся и мы, чтобы у нас было поменьше владык, а побольше благопопечительных отцов в Церкви, согревающих свою паству не одними холодными архипастырскими посланиями, а теплым, живым, широким и сердечным общением с ней.

Невольно нам припоминается, как недавно простой рабочий народ чествовал своего любимого архипастыря (речь, по-видимому, идет о преосвященном Антонии (Вадковском) – *изд.*).

Слова детей к отцу дышат глубокой любовью и благодарностью: „Ты подошел ближе к народной душе, ты вгляделся в нее, ты полюбил ее со всеми ее немощами и недугами, и она ответила тебе самой горячей, самой искренней, ответной любовью. Своей доступностью и простым обращением ты возлил благодатный елей на раны нашего сердца; ты умягчил скорби, ты вдохнул живую веру в нас, и эта армия трезвенников, которую ты возглавляешь сейчас своим служением, вся проникнута и горит самой признательной любовью к тебе. Земной поклон тебе, наш архипастырь и отец".

Народ своей чуткой душой ищет таких архипастырей, которые, скажем словами святителя Тихона Задонского, „походили бы не на придорожный столб, показывающий дорогу, но не могущий сам сдвинуться с места, а на ту Вифлеемскую звезду, которая путеводила к яслям Спасителя волхвов".

Завет великого старца

Среди лесов дремучих издавна приютилась Саровская пустынь. Широко по Руси святой славится имя прозорливого старца Серафима. Этот чудный подвижник, живший в маленькой келье, сумел раздвинуть ее стены на необъятные пространства.

Люди всех званий и положений, жители самых далеких губерний – все знали смиренного отца Серафима и текли к нему с верою. Изображение угодника Божьего, купленное на последние гроши, можно встретить в самых захолустных уголках любой губернии.

Велик этот старец: он умел воскрешать людей от нравственного омертвения, от него широкою рекою лилась благодать мира и жизненного успокоения. Он учил людей как надо жить по-христиански, по-Божьи. Он говорил всем и каждому: „Будь воздержан. Покоряй волю свою воле Господней... Если поживешь по плоти, то душу и плоть погубишь, а если по-Божьи, то обоих спасешь... Надобно любить всех и больше всех Бога".

Великими дарами наградил Господь старца. Его прозорливому взору было одинаково открыто будущее и настоящее, он постоянно называл прямо по именам людей, которых видел первый раз

в жизни, напоминал людям их грехи, забытые ими самими.

Раз как-то два монастырских рабочих задумали выпить вина. Чтобы удобнее было это сделать и незаметно для других, они с вином направились в Саровский лес.

Но лишь только углубились в лесную чащу, как видят отца Серафима, идущего к ним навстречу.

– Ох, уж этот мне старец, – сказал один из рабочих, – как нарочно попадаешься ему на глаза; при нем нельзя, уйдем в сторону.

Повернули восвояси. Только скрылись было от прозорливого старца, как он опять идет им навстречу. Видя, что некуда уже сворачивать, рабочие решились пройти мимо батюшки, причем несший вино постарался искусно припрятать его. Поравнявшись с рабочими, отец Серафим обратился именно к нему:

– Покажи-ка, покажи, что у тебя там спрятано?

Как не отговаривался пойманный, что у него ничего нет, в конце концов пришлось подать старцу посудину с вином. Отец Серафим тут же разбил ее вдребезги о дерево и сказал:

– Ну вот, теперь ступайте с Богом, куда хотите. Господь сохранит вас от этого зла!

Поистине, это завет великого старца русскому человеку.

Что мы видим? Что окружает нас? Посмотрите, пьянство, как проказа, разливает свой яд на всю нашу Русь. Сколько болезней несет оно за собой! Люди изнемогают от этой напасти... Стон

стоит по родной земле от дикого разгула и пьяных песен. Пьянство пленило нас, заковало в свои цепи. Мы, как дети слабые и несмышленные, боимся даже отказать в чем-нибудь своей постыдной привычке, сроднились с нею. Многие так укрепили в душе навык к винопитию, что ослабили, обессилили благодатную решимость жить трезво.

Доколе будем лицемерить? Ибо пьяница-христианин есть самый отъявленный лицемер.

Доколе будем служить больше сатане, чем Богу, больше работать для земли и ветхого человека, чем для неба и духа?

Внемли, русский человек, словам великого старца: будь воздержан, покоряй волю свою воле Господней. Призывай на помощь святого заступника земли Русской, отца Серафима!

Вопль великого писателя

Глубоко любил родной русский народ наш великий мыслитель Достоевский. Народное благо было для Федора Михайловича великой святыней. Этой святыне и отдавал Достоевский все свои трудовые подвиги и силы, все напряжения великого ума, каждое биение горячего, истинно христианского сердца.

Но какую нестерпимую боль народолюбивому сердцу великого писателя причиняли различные язвы общественной жизни! Каким гневом звучала тогда речь Достоевского, особенно против пьянства. Наблюдая ужасы, которые вносит в народ водка, Достоевский во весь голос кричал, предостерегая родную Русь от грозящей ей опасности.

„Народ загноился в пьянстве, – со стоном вырвалось у него. – Ведь иссякает народная сила, глохнет источник будущих богатств, беднеет ум и развитие – и что вынесут в уме и сердце современные дети народа, выросшие в скверне отцов своих?“

„Мне не забыть случая, – рассказывает Достоевский. – Случая ужасного, поразительного, грозного...

Загорелось село. Пламя пожара гнало прямо на церковь. А с другого конца села занялся уже новый порядок изб, примыкавший как раз к кабаку.

– Отстоим церковь Божию! – воодушевленно кричали крестьяне. – Не дадим сгореть нашей святыне.

Но как раз в это время на крыльцо кабака вышел трактирщик. Во все горло крикнул он народу, что если бросят спасать церковь и отстоят кабак, то на все село он выкатит целую бочку вина.

Дрогнула громада. Обещание народного кровопивца соблазняло многих. И вот, от стыда потупив глаза в землю, как бы крадучись, по-воровски, один за другим перебегали мужички к кабаку. Толпа вокруг церкви редела. Наконец, она вся точно истаяла, растерялась. И что же: кабак отстояли – а церковь... сгорела".

Так печально в сердце народа могут перемещаться святыни, на место церкви Божией встал вдруг кабак! „Бесшабашное пьянство, точно море, разлилось по России", – буквально вопил Достоевский. И это-то море грозит вымыть из народной русской души все заветные, дорогие святыни. Грозное пророчество!

Незасеянное поле

Сердце ребенка похоже на незасеянное поле: какие семена туда посеют, такую и жатву оно даст, когда наступит время.

Вселятся в молодую душу возвышенные мысли и стремления – можно надеяться на благородные поступки взрослого. Но если не укоренится доброе семя, то поле все же не останется без растительности. Взойдут на нем плевелы, и никто не будет знать, откуда они взялись, кто их посеял.

Когда наступит жатва, на поле будет красоваться богатая растительность, но жатву эту не уберешь в амбары: то будут одни колючие шипы и жгучая крапива. Где плевелы эти пустят глубокие корни, там легко заглушаются здоровые ростки, предназначенные для здешней и загробной жизни.

Самое ужасное между всеми этими опасностями – пьянство, семя которого в тысячах людей всходит уже в детстве. В наших городах есть поразительное множество недосмотренных детей. Они уже с ранней молодости познали все худое, и откуда, спрашиваем мы, берутся эти несчастные мальчики и девочки, шатающиеся по улицам. Сомневаться и удивляться тут нечему. Их отец – пьяница. Дети таких семейств ничего другого не

знают, как в своих играх подражать пьяному родителю, произносить проклятия, грубые слова и, конечно, передают все это своим товарищам и подругам. Драмы эти так обыкновенны, что мы встречаем их на каждом шагу.

Если детей не воспитывают и ничему хорошему не учат, тогда само собою и всходит все недоброе, и иногда так незаметно, что мы удивляемся, откуда все это, кто научил!

Юноша не станет шутя подражать поступкам взрослых. Для мальчика первым доказательством, что он мужчина, служит папироса, а вторым – бутылка! Вначале все это, конечно, покажется горьким на вкус, но когда победится первое отвращение, тогда уже станет приятным.

Между молодежью, самой себе предоставленной, худые привычки берут верх до такой степени быстро, что заражают каждого, кто только вращается в их кругу и дышит этим отравленным воздухом. Те, кто смолоду предались пороку и всю жизнь живут в нем, умножают зло.

Рано или поздно, без сомнения, придет время – и общество целиком и со всею силой восстанет против водки и всех ее последствий. Пока мы не возьмемся за корень и семя этого зла, пьянство будет переходить по наследству из рода в род как национальное несчастие.

А пока....

Придите же, добрые братья христиане, на помощь вашей малой братии, не давайте злу вить

гнезд в юных сердцах. Учите их добру, давайте хорошие примеры, заботьтесь о них, Господь будет вашим помощником!

И как возрадуется душа ваша, увидев, что труды увенчались успехом, и вы после себя оставляете честное, трудолюбивое и беспорочное поколение!

Будь трезв!

Письмо другу

Есть прекрасная сказка о пьянстве, о первом винокуре, прежде очень распространенная и любимая в народе. История, вкратце, такова.

Сатана, огорчившись, что к нему в ад попадает мало мужиков, задал одному из подручных задачу: во что бы то ни стало выдумать средство, каким можно было бы заманить мужика в ад. Черт нанялся к одному мужику в работники, наработал ему множество хлеба и подбил курить из хлеба вино. Крестьянам вино пришлось по вкусу, и они стали им упиваться.

Во время пирушки, на глазах самого сатаны, который пришел поглядеть на работу своего подчиненного, мужики испытывают все степени охмеления. Сначала они делаются ласковы и льстивы друг к другу, но эта ласковость не мешает им, по самому ничтожному поводу, озлобляться до крайней степени. Затем они теряют способность выражать не только какие-либо чувства, а и держаться на ногах, и валятся: кто в лужу, кто в грязь.

Сатана решил, что черт непременно подпустил в свое питье звериной крови, лисьей, волчьей

и свиной; но тот ответил, что этой крови во всяком человеке избыток, а только нет ей ходу.

Водка же „развязывает" человека, и он, если будет пить ее, всегда станет проявлять только звериные свойства, и тогда в аду от людей пустого места не будет.

И разве это не удивительная жизненная непреложная правда? Кто не знает множества случаев, когда человек под влиянием выпивки расходится и совершает или злое, или гнусное дело. Говорят, тут действует хмель, а не сам человек: что у трезвого на уме, то у пьяного на деле. Пьяный человек бывает только более искренним, и вино, мол, тут обвинять нечего.

Однако если бы человек не был пьян, он мог бы и не выразить своей злой воли, и она постепенно совсем ослабла бы, как слабеют и уменьшаются различные органы у животных, не имея применения (глаза у крота, крылья у домашних птиц).

Для примера расскажу такой случай. В нашей деревне был пастух. В пьяном виде он грозил всем, донимавшим его, или угоном лошадей, или поджогом. Однажды его поколотили пьяного. Он тотчас же пошел и зажег двор обидчика. В деревне сгорело около десяти дворов. Пастуха отдали под суд...

Прошло время, он вернулся в общество и опять стал проситься в пастухи. Общество согласилось принять его, но поставило условием, чтобы он не пил. Пастух согласился, перестал пьянствовать и жил в этом селе, исполняя свое дело, целых пятнадцать лет. И никто от него никогда не слыхал ни

единой угрозы, пока он опять „не разрешил“; и опять он стал угрожать односельчанам. Его припугнули увольнением из общества, и он снова перестал и опять стал тихим и миролюбивым на редкость.

И этот случай не единичный. Есть множество крестьян – в трезвом виде они рассудительные, спокойные, добродушные, не способные, кажется, грубого слова сказать. Выпив же, лезут на стену, дерутся, буйствуют, оскорбляют встречного и поперечного, истязают своих домашних и делают массу таких мерзостей, о которых, глядя на них трезвых, и подумать не посмеешь.

Прекрасно оценила пьянство народная мудрость.

Пить до дна, не видать добра.
Вино вину творит.
С хмелинкой спознаться, с честью расстаться.
Пьяному море по колено, да лужа по уши.

И разве это неправда? Скажите мне, где от вина добро? Где счастье? Нет и быть не может.

Я знаю, как начинают пить. Я и сам начинал в ранней юности. Толкнула меня на это скука. В будни я работал, в праздники же делать было совершенно нечего.

Жил я тогда на окраине Москвы. Сидеть в квартире томительно, читать иногда нечего, гулять в зимнее время негде. Куда же идти, как не в трактир? Там тепло, людно, шумно. Хоть есть

на что поглядеть. Товарищи заказывают водку и угощают, ты, как непьющий, отговариваешься. Они начинают уламывать: что ты, монах или красна девушка, нынче девушки и то пьют. Да какой толк не пить-то, черт не курит и не пьет, а все в аду живет. Пей, тоска пройдет.

И вот уговоры начинают действовать. Товарищи раздражаются на твое упорство. Неловко их обижать, да и сидеть трезвому среди выпивших неловко, уйти же из трактира некуда, и вот выпиваешь первую рюмку.

Противный запах вызывает тошноту. Жгучесть во рту и желудке, тяжелый туман в голове. Но тебе говорят, что первая всегда колом, зато вторая будет соколом. И вот после второй рюмки ты меняешься. Ничто не режет и не возмущает ни зрения, ни слуха. Нравственное чувство притупляется, говоришь вздор, поешь несуразные песни и делаешься способным на многое, на что в трезвом состоянии не пошел бы ни за что.

О товариществе тут и речи нет. За бутылкой люди сходятся вовсе не для добрых дел и излияния души. На это нужна задушевная беседа, где друзья делятся радостями и горестями.

Собутыльник сам слепой человек, а может ли слепой вести слепого? Поневоле общество собутыльников начинает затягивать тебя. Привыкаешь к их компании, слышишь пошлости, считаемые за остроумные речи, и начинаешь состязаться в них.

Когда я увидел, до какого товарищества довела меня бутылка, то задал себе вопрос: хорошо ли

это? Нет. Так что же делать? Ответ получился такой: порвать со всем, во что начал втягиваться. Но как, постепенно или сразу? Подумав, я решил, что нужно окончить все сразу.

Расстаться с хмельным для меня не составляло никакого труда. Одно неловко: как же оставлю товарищество? Но и тут колебаний было мало. Настоящий друг за это не посетует, а такой, который возненавидит, значит, не товарищ.

И чем дальше отходила от меня пора участия в выпивках, тем я становился спокойнее. Если и нападет скука, помучаешься, а потом войдешь в обычную колею и без всяких последствий. И только одно скверно: никогда не можешь равнодушно встретить пьяного человека. Глядишь на него и непременно чувствуешь, что он несчастен, и тебе делается жалко его, жалко с болью.

В самом деле, из-за чего люди пьют? Одни говорят, что за компанию, другие – чтобы прогнать усталость, третьи – чтоб согреться. Но разве эти поводы уважительны? Про компанию мы уже говорили. А пить с усталости – только обманывать самого себя. Выпивка действует на уставшее тело, как кнут на обессилевшую лошадь. Она и рванет, но или надорвет себя, или же так обессилит, что надолго лишится способности работать по-прежнему.

Выпивка на холоде, чтобы согреться, тоже грубый обман. От вина кожные кровяные сосуды расширяются, и кровь к ним приливает – получается чувство теплоты. Но чем больше приносится

крови, тем больше и отток ее, и тело быстрее охлаждается. И если человеку после выпивки приходится снова выходить на холод, он делается уже более чувствительным к нему, зябнет скорее, чем если бы не выпил. От этого пьяные чаще и скорее обмораживаются и замерзают, чем непьющие.

Принято выпивать еще и на свадьбу. Пристойно ли людям в тот момент, когда совершается, согласно завету Божьему, соединение двух существ для совместной жизни навек, для выполнения великой задачи человека – рождения и воспитания детей – напиваться до безумия, бесноваться, как дикарям, всячески безобразничать и доходить до состояния скотства.

Такой же бессмыслицей кажется питье водки в именины и в деревенские престольные праздники. Все они приурочены ко дню памяти какого-нибудь святого или же воспоминания из жизни Иисуса Христа. Значит, и поведение людей должно соответствовать тем заветам, которые внес в жизнь Иисус Христос, или тот святой, которого чествуют.

Где же тут повод для пьянства? Но у нас на это не глядят, а все заботы устремляют на то, чтобы получше вышло угощение, побольше было выпивки, чтобы этим выхвалиться перед людьми. Для этого во многом себе отказывают, даже залезают в долги. Напившись в одном доме, идут в другой, и ходят люди, пока носят ноги, а потом сваливаются где-нибудь у забора. И это празднество в честь Христа и святых!

Иные возразят: так ли страшен бес, как его малюют? Можно пить, да ума не пропивать. Сдуру-то и воды обопьешься, не только водки.

Но если человек начинает прибегать к вину, стало быть, у него неладно на душе. Якорь, державший его прежде, ослаб, и он шатается в мыслях и чувствах, а это несчастье хуже, чем пьянство, хотя и из него можно выйти.

„Просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят" (Мф. 7, 7).

И это самый верный путь. Не удовлетворен во внутренней жизни одним – ищи другого, третьего, только не зарывай таланта в землю. А предаваться пьянству есть прямой упадок духа, нежелание стремиться к цели, жить настоящей жизнью. А это состояние хуже всего.

Поэт молился:

Боже добрый, Боже щедрый, дай душой мне жить
И весь мир Твой чудный, дивный, и людей любить!
Страшно, тяжко жить в неволе, взаперти сидеть,
Но страшней на вольной воле мертвецом глядеть
На борьбу, на труд упорный, что кипит кругом,
Жить и следа не оставить по себе ни в чем –
Страшно...

И действительно, страшно без стремления к высшему, без искания истины.

Жизнь промчится как миг, и...

...Заживо умрешь,
Как негодная колода, пропадешь-сгниешь.

А это неминуемая судьба всех тех, кто ленится мыслить. От небольших ошибок или неудач предаются отчаянию или равнодушию и для утоления внутренней тоски прибегают к чарке.

Трезвость, постоянная трезвость – лучший друг человека в жизни, лучший спутник его.

Преддверие ада

Воскресный день или праздник... Колокола церквей местечка *N* дружно созывают Божий люд под своды святых храмов. Они мелодично поют свою чистую песню и звуками ее наполняют утренний воздух. Солнышко взошло. Начался перезвон.

Богомольцы спешат к заутрене. Крестьянский люд, народ-хлебопашец пробудился от крепкого сна и первым своим долгом считает помолиться Богу в простоте сердца: возблагодарить его „заутра" и попросить помощи, успеха в делах.

Это здесь... Но пройдите дальше – на торговую площадь, базар. Там давно уже проснулась жадная торговля, купля-продажа, торг, божба, обман, срамная ругань, наглый крик, брань.

А это что? Почему тут столпилось столько народу, чего они тут ждут, теснятся, жмутся; спешат занять очередь, и уже огромная вереница туловищ, голов нанизалась от самой двери дома и далеко в сторону, так что пешеходу негде и пройти.

Что за „пташки ранние", какая приманка собрала их сюда? Еще нет семи-восьми часов, еще в храмах только заблаговестили к литургии, а это сборище, захватившее свою позицию, уже чего-то ждет здесь с лихорадочным нетерпением.

Посмотрим на разнокалиберную толпу. По виду все люди русско-православные: чернорабочие, мастеровые разных профессий. Но, как на подбор, народ жалкий, оборванный, обтрепанный, полураздетый, босой и голодный. Лица испитые и болезненные, мрачные и угрюмые. Впечатление от толпы тягостное, угнетающее.

Быть может, то больные собрались к дверям лечебницы, и ожидают, пока их впустят в приемную? Хочется так подумать, если бы... над входными дверями, где в немом ожидании застыла эта толпа, не „красовалась“ вывеска: „Винная лавка 485“.

Итак, загадка решена, ларчик просто открывается: у дверей кабака стоят несчастнейшие, прежалкие пропойцы, погибшие создания, „бывшие люди“ – излечимые и уже неизлечимые алкоголики. Жертвы нашей беспечности, бессердечия, безразличия к ближнему.

Посмотрите, кого здесь только нет! Тут разорившиеся и безземельные мужички, пропивающие свою долю горемычную вконец; тут плотники, каменщики, кучера; тут рудокопы, шахтеры; тут бывшие и настоящие заводские служащие.

„Тяжела и горька твоя доля, бесприютный оборванный люд!“ Дважды ты бесконечно жалок: во-первых, губишь окончательно телесные силы, единственный залог материального благополучия тебя и твоей семьи; во-вторых – душевно пропадаешь, нравственно тлеешь на костре, который зверскою рукою разложен для таких, как ты на

всех углах и перекрестках бедной многострадалицы-родины.

Ох, горе-горенько! Сказочный змей-горыныч распластал свои страшные крылья и не во сне, а наяву впился когтями в иссохшую от водки, прожженную ею насквозь грудь бедного моего земляка. Хочет погубить он, это чудовище, ада исчадие, слабых и нетвердых в добре русских людей-простецов. Он ошеломил их до такой степени, что уже спит их душа, и сердце не слышит небесного зова Отца в храм на молитву...

И горе, и разгул, кровавый пот трудов.
Порок и плач нужды, оборванной и бледной,
Я видел вкруг себя...

Видел и не мог очнуться, отрезвиться. Слышу, что Церковь зовет меня к себе каяться и молиться; но уже почти не в силах сделать это. Моя атмосфера одна:

Безумная и пьяная тревога,
горячий спор и брань.

Я чувствую, что погибаю. День ото дня становлюсь сам себе противнее и гаже; но проклятый магнит помойной спиртной ямы не отпускает от себя. Я весь пропитался водкой, ею живу, ею дышу, о ней думаю и с нею, вероятно, и погибну. Тут у этого самого преддверия ада, при входе в кабак, измученный, больной и голод-

ный в ожидании, скоро ли отворят вход в это царство сатаны, пропаду...

Горе, горе же тебе, брат и ближний, если ты допустишь погибнуть у входа в кабак христианскую душу! Встань на защиту правды, криком кричи, что водка, не только с казенным ярлычком, но и в золотой посудине – страшный яд. Это злой дух взял на себя адвокатуру о пользе алкоголя.

Побеждайте его вы все, пастыри, учители, врачи и миряне, коим дорог человек как Божье творение.

Господь одержал

– Что, Моховик, я слышал, ты зарок дал не пить водку? – спросил Илья Петрович при встрече с крестьянином погоста Марыни. – Правда ли это? Наверное, зарекся от воскресенья до первого поднесенья?

– Вот те Христос, не буду водки пить, – ответил Моховик скромно. – На целый год присягнул. Священнику заповедь давал. По нашему уезду присяга теперь в полном ходу. Сначала стали присягать в погосте Михеево, а теперь в Марынях. В Михеево пьяницы ходят присягать издалека, а в Марынях пьянчуги все свои, Лудило и тот присягнул. Один Пененок, связавшись с водкой, боится ошибиться. „Мое слово – олово, – кричит, – а как пред Богом да не сдержу его? Что мне за это будет?“ Мы его уговаривали. Опасается пока.

– В себе не уверен?

– Вот то-то и оно, что не уверен...

– А ты как же?

– Мне Бог остатние годы приказал остепениться, – серьезным тоном отвечал Моховик.

– Надолго ли?

– Вот-те Христос, не буду пить водки. Клятву дал на год. Дай Бог и навек было бы так, как сейчас. Не тянет.

– Ты это серьезно?

– Увидишь сам.

– Да как же это ты надумал?

– Священник понасел: перестань да перестань. Да и попадья, тоже хорошая женщина: перестань пить, Моховик, лучше станет, бывало, усовещивала меня.

– Отчего же ты раньше никого не слушал?

– Этой присяги не давали. А так не бросить было. Теперь надо держать обещание. Намедни отслужил священник в церкви молебен и заставил меня повторить слова:

„Перед лицом Господа Бога и Его животворящим Крестом и святым Евангелием даю твердое обещание не пить ни пива, ни вина, ни других спиртных напитков в течение года".

Поджилки в коленках затряслись, когда я целовал Крест и Евангелие, при словах священника. А народ-то как радовался. Я не выдержал – заплакал.

Как стал священник говорить: „Помоги, Господи", – так все в церкви стали на колени и повторяли: „Помоги, Господи", „Одержи его, Господи". Выхожу из церкви, а народ шапки снимает и кланяется мне. Всем стало хорошо, что образумился человек. У меня слезы так и потекли.

– Значит, ты рад перемене в твоей жизни? – спросил Илья Петрович Моховика.

– Еще как рад. Ты сам знаешь, что́ я прежде был? На человека не походил, а теперь благодарю

Бога: все меня хвалят, что жизнь переменил. Поначалу-то многие смущали, приглашали выпить стаканчик. Да нет, говорю, закон Божий нарушить нельзя.

Как узнали, что я присягнул, то и потчевать перестали... Теперь мать родная и батька родной приди с того света – не буду пить. Не уговорить им. Открылся для меня новый мир: голове не досадно и душе легко. Перестал водку пить, стал Богу молиться. Благодарение Создателю – Господь одержал...

О безмерном питии и безмерном запойстве

Эти духовные стихи XVII века имели широкое хождение в народе. Они образно и дерзновенно рисуют облик „живого мертвеца“ – несчастного „пияницы“, взывают к христианской совести человека.

Поистине в безмерном питии
Создателя своего люди не поминают,
И себе пияницы за безгрешных быти вменяют.
В велией скверности и во зле пребывают,
И вся домовная правила забывают.
К церковному пению не приходят,
А с сатанинских позорищ не сходят.
Воистину тому злу беси их научают,
Во адова жилища и в муки таких похищают.
Какое зло где ни есть учинится,
А все то злым запойством творится.

И всякие злые дела от пиянства рождаются,
А благие дела от пиянства погубляются.
Телу растление, а душе пагуба бывает,
Мудрости погибель пиянство же бывает.

Вино пити –
Ум свой пропити

И добрые дела забыти,
И тем от Бога отбыти.

Многие бо болезни от пиянства бывают,
Вся уды с него растлевают.
Кости сокрушаются, жилы истончеваются.
Хребет погорбляется,
Ум погубляется.
Память забывается,
Смертный час не воспоминается.
Руце велми трясутся,
И никакие уды не вознесутся.
Нозе не ходят, очи не видят, персты не гнутся.
Скулы вжимает, тело испадает,
Красота увядает, лепота поникает.
Власы седеют,
И никакие уды не владеют.
От пиянства младый стар бывает,
И никто в пиянице младости не познает.

И мы, братие, поревнуем от пьянства отстати
И к небурному пристанищу,
к Содетелю своему пристати.

Пиянство к церкви не пущает,
Богу молитися и книгу чести не дает,
Пиянство нехристианстей смерти предает.
И в вечный огнь вводит
И до ада низводит.
Пиянство красоту из лица выводит
И смрадно и гнусно сотворяет.

Пиянство брани устрояет
И дратися повелевает.
Пиянство баловству поучает
И смирение от человека отлучает.

О ком в людех молва? О пиянице.
У кого сини очи? У пияницы.
Кому сокрушение телу, кому горе? Пиянице.
Кому заутреню проспать? Пиянице.
Кому бранитися, кому дратися? Пиянице.
Кто в худе ризе? Пияница.
Кто в погибели? Пияница.
Кто безчиние делает? Пияница.
Пьяницам лица Божия не видати,
А на райское селение зря рыдати.

Крестный ход спас

Вечером в ночлежном доме, хорошо известном среди бедноты, собралось очень мало народу. Уже наступило лето, стояла жара.

Поразмыслив немного, бездомники решили на следующий день отправиться „на вольные квартиры“, в лес, на промысел. Старостой артели единодушно избрали бывшего певчего церковного хора Анкудиныча, бывалого путешественника, к тому же водившего знакомство с лесником.

И вот утром партия босяков, по одному на значительном расстоянии друг от друга, чтобы не привлечь к себе внимания полицейских, двинулась к Нарвским воротам.

День был праздничный.

Несмотря на ранний час, на улицах, прилегавших к Варшавскому вокзалу и Нарвским воротам, господствовало необычайное оживление.

Всюду виднелся разодетый по-праздничному народ.

– Что-й-то, братцы, это значит? Людей столько на улице в такую рань набралось? – спросил товарищей „староста“ Анкудиныч, когда они уже подходили к Путиловскому заводу.

– А это трезвенники с „Варшавки“ крестным ходом пойдут! – отвечал ему Савка Непутевый. –

Постреляем дорогой... (На языке босяков – почистим карманы – *изд.*)

– Трезвенники? Крестным ходом! – машинально повторил бывший певчий и вдруг почувствовал, как при этих словах в нем зародилась смутная тревога. Около заводской церкви они увидели готовый идти навстречу местный крестный ход трезвенников.

Ветер слабо колыхал хоругви, солнце весело играло на ризах духовенства, освещая своими яркими лучами по-праздничному разодетую толпу рабочего люда, а впереди на носилках возвышался величественный образ Александра Невского. Дрогнуло сердце у певчего, невольно пришло ему на память:

Познай свою братию, российский Иосифе, не в Египте, но на небеси царствующий, благоверный княже Александре.

И, сорвав со своей головы рваную шапчонку, он истово перекрестился, весь охваченный каким-то странным порывом, и поспешил за ушедшими несколько вперед товарищами.

– Ишь ты, молельщик какой выискался! – пробурчал под нос Непутевый, когда весь красный от жары и запыхавшийся певчий догнал его наконец и пошел с ним рядом. Тот промолчал, и Савка сделался смелее:

– Товарищ-то наш, – продолжал он, обращаясь к остальным, – молиться надумал. Тебе уж заодно и в трезвенники записаться! – добавил Савка непосредственно певчему.

В это время они подошли к цели своего путешествия и остановились.

– А вот и лес!

– Дерева-то какие, смотри, ребята!

– А воздух-то, воздух... Не то, что в ночлежке!

Между тем Анкудиныч, отделившись от партии, продолжавшей восторгаться красотами леса, направился к домику лесного сторожа и вскоре вместе с ним появился обратно.

– Здравствуйте, господа! Что скажете? – обратился лесник к босякам.

– Мы к твоей милости! Уж ты нас не гони! Покорно тебя просим! А вот и хлеб-соль тебе от нас!

– Мне что? Живите. Только уговор дороже денег: не баловать! Чтоб у меня жалоб на вас не было!

– Боже сохрани! Разве мы не понимаем? Будь спокоен!

– Положись на нас! Мы твои верные слуги!

– Ну ладно, живите!

– А насчет грибов и ягод как?

– Собирайте!

– Ну, спасибо тебе! Прощай!

И партия отправилась вглубь леса. Было решено начать строить шалаш, чтобы иметь убежище во время ненастья.

Сделали его скоро и очень просто. Нагнули четыре довольно тонкие березы и связали их верхушки вместе. Вокруг полученного таким образом остова наставили жердей, на них натаскали и навалили множество хвороста.

Вышел довольно просторный шалаш. Босяки были в восторге.

– Дух-то, дух-то какой! – восклицали они, жадно вдыхая напоенный ароматом свежей листвы и зелени воздух. – Благодать, и умирать не захочешь!

– Сегодня, ребята, работать не будем, а завтра все с раннего утра за дело! – командовал один из артельщиков, Лешка, удобно расположившись на полянке.

– А что мы делать-то будем, ведь грибов еще нет?

– Эх вы, простота! Станем цветы собирать, ландыши или черемуху. Теперь весна, всяк цветочки купит. Потом ревень дикий отыскивать начнем: в кондитерские ходко этот товар идет, приноси только!

Между тем „староста", побывав снова у лесника, явился с четырьмя бутылками водки.

Восторгу присутствующих не было границ.

– Ай да староста! Вот удружил! – посыпались восклицания не ожидавших такого сюрприза босяков. – Ну и дошлый парнюга!

– Для вас старался, землячки! – отвечал скромно бывший певчий и принялся разливать водку в принесенную им от сторожа чайную чашку. – Выпросил у своего старого знакомого, обещал отдать натурою!

– Отдадим, конечно, отдадим! Заработаем!

Распив водку, босяки решили взглянуть на крестный ход и для этого пробрались несколько

ближе к дороге и залегли в канаве, скрытые купами низко нависших деревьев.

Скоро до них донеслись отзвуки хорового пения...

Анкудиныч почесал свою лохматую голову и стал внимательно прислушиваться. Тусклый за минуту перед тем взор его оживился...

– Поют, никак, братцы! – недоумевающе-растерянно обратился он к товарищам и стыдливо запахнул ветошью, заменявшей ему все: и сюртук, и пальто, – голую грудь.

Савка Непутевый и другой босяк, бритый наголо, тоже стали прислушиваться.

– Значит, уже близко подходит, коли пение слышно, – проговорил бритый, стараясь разобрать мотив песнопений.

Пение становилось все сильнее и сильнее. Крестный ход приближался.

Тысячи грудей волновали воздух, сливаясь в один стройный аккорд.

– „Достойную" поют! – тихо прошептал выгнанный певчий, и рука его невольно поднялась и сотворила крестное знамение.

Все хорошее прежнее: жизнь в родительском доме, потом в училище, пение на клиросе в архиерейском хоре... – все это, временно затуманенное винными парами, затронуло давно замолкнувшие струны сердца.

Ему стало больно, стыдно до жгучей тоски, жалко до слез своей загубленной жизни.

И вместе с тем его сердил этот молитвенный напев, эта толпа, идущая с крестным ходом...

Анкудиныч готов был выбраниться.

– Эх... – сорвалось с его губ, но бранные слова как-то застряли в горле.

Утреннее солнце, разорвавшее темный полог туч, облило всю дорогу и, пронизав пыль, весело заиграло на золоте крестов и хоругвей.

– Ишь, как подошел скоро! – изумленно протянул Савка и, не сознавая недостатка своего рубища, выбрался через канаву на шоссе.

– Чего там не видел, шагай назад! – послышался хриплый голос бритого. – Вишь, тоже богомол объявился!

Он ожидал, что его шутке поддакнет певчий, но не встретил сочувствия и угрюмо замолк.

Анкудиныч, бледный от переживаемого волнения, не знал, на что решиться.

Что-то тянуло его к этой огромной толпе, с пением духовных стихов идущей на поклонение в обитель.

Душа забулдыги-певчего рвалась за этой толпой. Сам того не замечая, он плакал горькими слезами.

Махнув рукой на шутливое замечание бритого товарища, он выполз вслед за Савкой на пыльную дорогу.

Крестный ход был уже совсем близко. Море хоругвей трепетало под налетевшим порывом ветра.

Земля буквально дрожала от топота нескольких тысяч ног. Прерываемое на мгновение пение снова возобновлялось в разных местах толпы.

Увлажненные потом усталые лица хоругвеносцев блестели на солнце.

Чувствовалась какая-то таинственная связь, соединяющая этих людей в одно целое.

Это была глубокая вера, которой до сих пор сильна православная Русь.

Точно забывая, где он находится, стоял Анкудиныч.

Большие иконы на высоких носилках выделялись своими изображениями.

Казалось, будто Спаситель, Пречистая Его Матерь и целый сонм святых угодников Божиих плывут в воздухе, посылая свое благословение на толпу молящихся...

Когда мимо него проносили образ святого благоверного князя Александра Невского, Анкудиныч вдруг опустился на колени и прополз под ним.

Приложиться же к иконе он не решился, чувствуя себя недостойным.

Бесконечной широкой лентой тянулись мимо него трезвенники. Но Анкудиныч, не обращая ни на кого внимания, продолжал стоять на коленях.

В это время мимо него проходил хор певчих и пел „Достойно".

Хором управлял коренастый человек невысокого роста, совершенно лысый, одетый в простой серый пиджак и синие штаны, заправленные в лакированные сапоги.

Он взмахивал поднятыми вверх руками, и певчие то останавливались, то вдруг стройно подхватывали священную мелодию.

Повинуясь какой-то необъяснимой силе, бывший певчий вдруг присоединил свой голос к общему хору трезвенников и сразу занял в нем первенствующее место.

Его прекрасно сохранившийся голос свободно и легко воспевал хвалу Богу, а за ним стройно зазвучали голоса и других певчих.

И постепенно он стал удаляться вместе с крестным ходом от того места, где сидели, спрятавшись от людей, его товарищи-босяки.

С изумлением провожали они взглядом своего „старосту", забывшего взятые на себя обязанности, и решили послать ему вдогонку мальчика.

Посланный догнал певчего и шепнул ему, что пора вернуться обратно.

– Прощай, брат, – торжественно проговорил босяку Анкудиныч. – Я не вернусь больше к вам. Этот крестный ход, – и он показал рукой на народ, – победа трезвости! Прощай навсегда!

И, снова присоединив свой голос к хору, он ушел вместе с крестным ходом. Анкудиныч сдержал свое слово и не вернулся к прежней жизни.

Когда крестный ход вернулся обратно на „Варшавку", в числе вновь записавшихся трезвенников оказался и бывший певчий.

Пожар

Пьянство – пожар: беспощадный, истребляющий и заревом своим заливающий округу. На пожар обыкновенно сбегаются все, чтобы чем-нибудь послужить, помочь, победить огонь. И против пьянства надо вооружиться всем, что есть, также беспощадно тушить его...

Когда человек тонет или горит имущество его, никто не любуется ни красотою пенящихся волн, ни заревом пожара. Прежде всего заботятся о спасении ближнего.

Делать добро вообще свойственно человеку по самой его природе. Посмотрите на маленьких неиспорченных детей, как они чувствительны, как отзывчивы ко всякому горю окружающих. Таковы по природе и все люди. И это потому, что они созданы по образу и подобию Того, Кто Сам есть высочайшее добро и любовь. Все люди суть дети одного Отца небесного и братья между собою и Христом.

Беспредельны любовь и милость Божия к человеку! Не говорит ли и каждому из нас Спаситель: „Иди на пожар! Спаси погибающего!"

Да, глядеть на пьянство, на это море всепожирающего огня, на все те бедствия, которые оно причиняет, и отворачиваться от них – преступно.

Жизнь Богу угодная

Подобно тому, как один из севастопольских героев, умирая, думал не о себе, не о своих ранах, а протянутой рукой показывал на Севастополь и его завещал защищать, – так и апостол трезвости отец Александр Рождественский умер, словно солдат на часах, видя надвигающегося врага. Всей своей жизнью он призывал нас спасать народ от пьянства и от погибельных заблуждений ума и совести. Об этом думал подвижник, стоя на краю могилы...

Во имя Христа отец Александр пожертвовал собою, и за ближних своих заплатил жизнью, ибо по слову Божию любил их больше себя. Это верный залог, что дело, которому он служил, не погибнет, но даст обильные и зрелые плоды.

Современники подвижника выражали надежду: придут ревнители святого движения трезвости и воздвигнут отцу Александру вечный нерукотворный памятник.

Segodnya kak nikogda

Так и произошло. С 1990 года началось возрождение храма Воскресения Христова на набе-

режной Обводного канала у Варшавского вокзала, памятника „русской народной души", где столько лет звучал призыв к трезвой жизни. Потомки трезвенников – частые гости прихода.

Главной святыней храма, как и до революции, стала икона Божией Матери „Неупиваемая чаша". Этот образ был написан по обету одним петербургским иконописцем, избавившемся от недуга пьянства, и пожертвован им в храм в начале 1995 года.

С тех пор каждый понедельник вечером перед этой иконой совершается молебен с акафистом.

Обращаясь к своей последней надежде, Пречистой Владычице, *„напояющей верных сердца небесною Неупиваемою Чашею Своего милосердия"*, матери, жены истово умоляют избавить близких и любимых от страшного недуга. Люди, с верой и любовью притекающие к чудотворному образу, получают просимое, избавляются от лютой страсти пьянства, без всякого „кодирования".

В Страстную пятницу 1995 года эта икона, благодатный свидетель многих слез и сокрушения сердечного, начала мироточить.

Под руководством настоятеля, архимандрита Сергия (Стурова) при храме Воскресения Христова началось издание книг и учебных пособий для всей православной России. Воистину, жив Господь и жива душа народная!

Возобновлена традиция крестных ходов *„За Христа, за трезвость"*, за страждущих братьев

и сестер наших... Первый такой крестный ход от стен храма состоялся 17 июля 2005 года, в память 100-летия со дня кончины апостола трезвости отца Александра Рождественского. Промыслительно сбывается слово Божье:

„Если пшеничное зерно, пав в землю, умрет, то принесет много плода".

Оглавление

Часть первая
Светильник горящий и светящий

Народный печальник 11
Спешил делать добро 15
На борьбу с мраком 19
В северной столице: огонек живого дела 24
Благовест над „Варшавкой“ 29
„Его нам Бог дал...“ 32
Божий порядок 36
Община Христова – одно сердце и одна душа 41
Кто напоит жаждущих водой живой? 46
Талант пастырской дружбы 49
От христианской молодежи 53
На суд Христов 56
„Куда ни глянь, везде неправда...“ 59
Священная присяга: за Христа, за трезвость! 64
Как помочь нашему общерусскому горю? 68
Строим храм – созидаем души для Бога 75
Крестом побеждается злой недуг 79
Огни во тьме 85
Слова Правды 89
Издание книг для народа – духовная милостыня 90
„Живое слово зажгло сердца многих“ 94
На помощь гибнущему брату 103
Отцовский завет трезвости 128
Не в долговечности честная старость... 138
Безсмертники 144

Часть вторая

Всем пьющим и непьющим

Что сделало православное духовенство для борьбы с народным пьянством?
Доклад священника А.В. Рождественского 151

Вино вину творит
Суд над водкой 197
Фаддей 199
Беседа старого и юного трезвенника 204
Росинки 209
Где живет правда? 215
Завет великого старца 223
Вопль великого писателя 226
Незасеянное поле 228
Будь трезв! Письмо другу 231
Преддверие ада 239
Господь одержал 243
О безмерном питии и безмерном запойстве 246
Крестный ход спас 249
Пожар 257

Жизнь Богу угодная 258

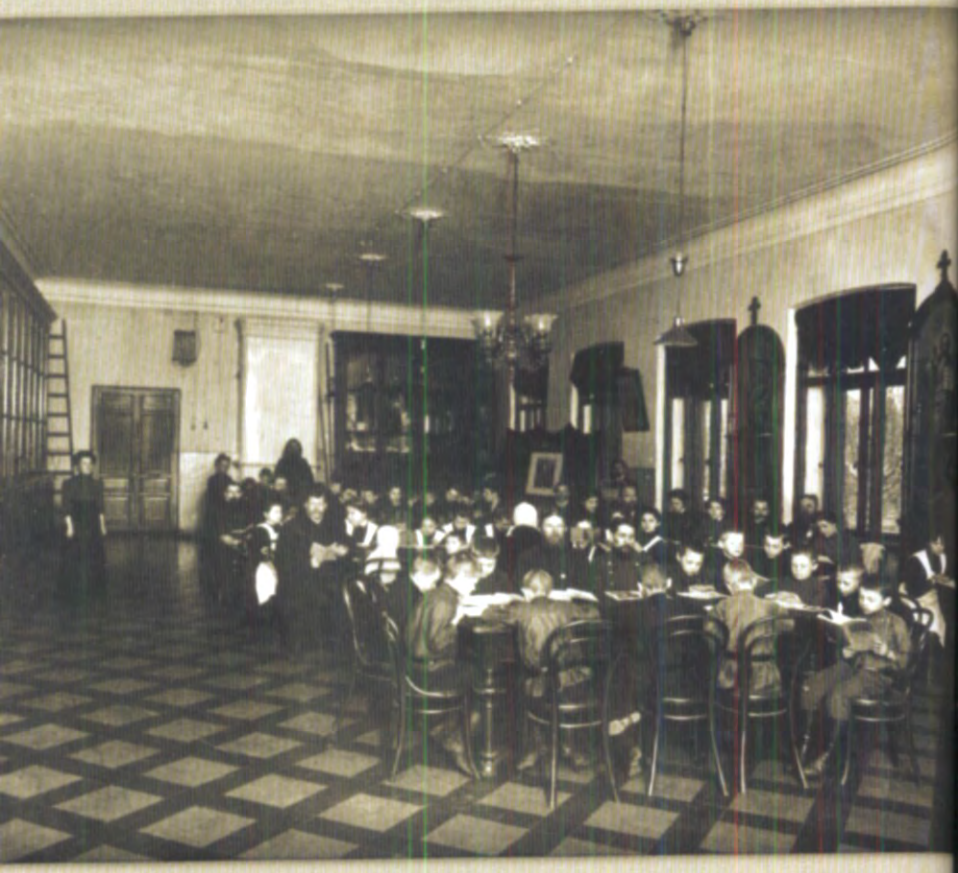
Народный печальник, апостол трезвости
отец Александр Рождественский

Духовные наставники отца Александра Рождественского

Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский

Священномученик Философ Орнатский

Трезвенники во главе с отцом Александром Рождественским у деревянной церкви Воскресения Христова



В духовной библиотеке церковного дома Воскресенского храма. Взрослые и дети вместе, одной большой семьей

Учащиеся церковно-приходской школы Воскресенского храма вместе с попечителями

Знаменитые крестные ходы от «Варшавки» собирали десятки тысяч людей

Священный лист трезвости торжественно вручался каждому вступавшему в Александро-Невское Общество трезвости

Издания Александро-Невского Общества трезвости

Так выглядел в начале XX века Варшавский вокзал на берегу Обводного канала

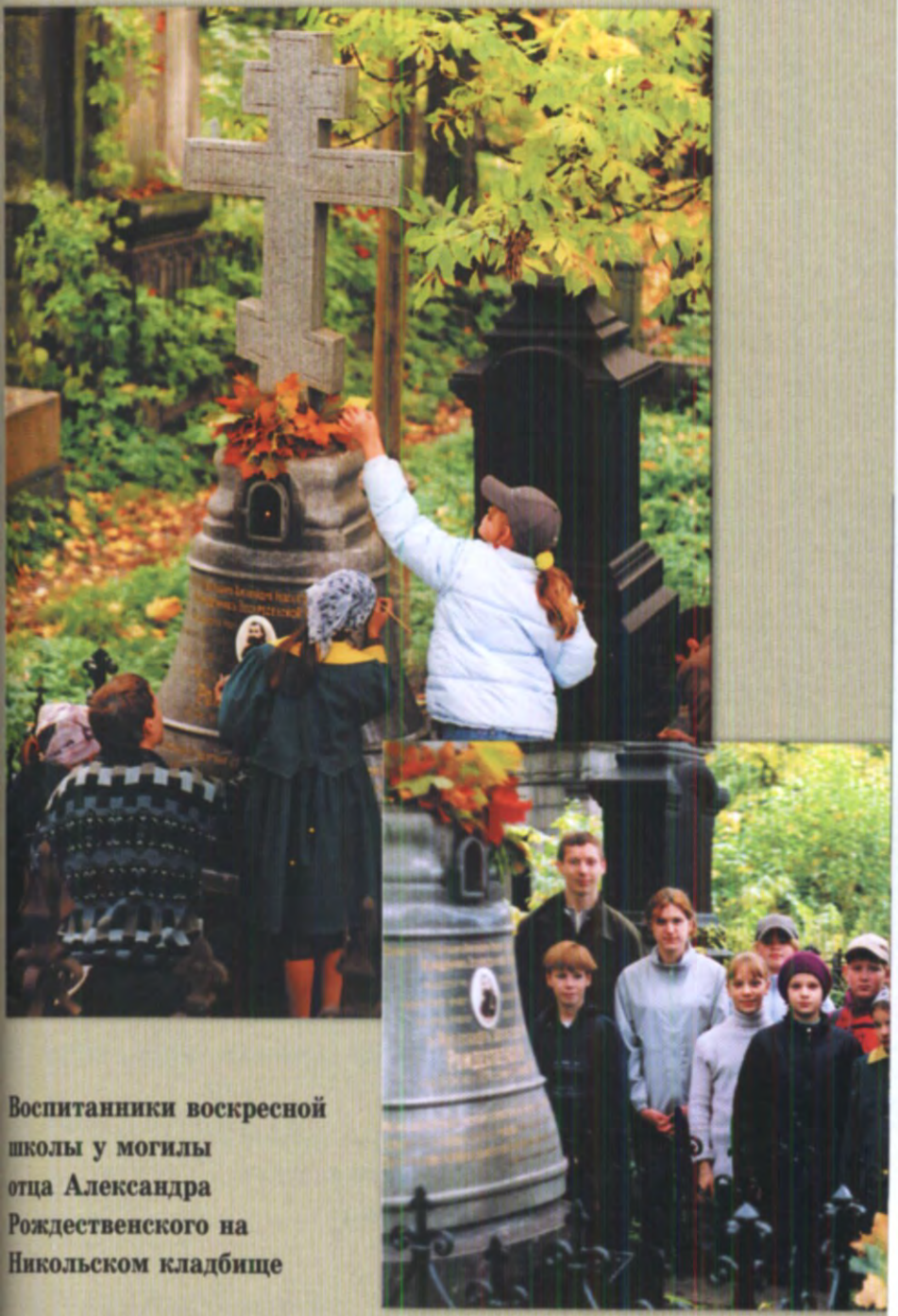
Храм Воскресения Христова у Варшавского вокзала

Начало века...

Двадцатые годы...

Девяностые...

Нагрудные знаки
разных степеней
Александро-Невского
Общества трезвости



Воспитанники воскресной школы у могилы отца Александра Рождественского на Никольском кладбище

Храмовая икона Божией Матери „Неупиваемая Чаша“
Пред нею молятся об исцелении
от недуга пьянства

Храм Воскресения
воистину воскрес...

Вечный нерукотворный памятник святого дела отца Александра Рождественского – храм во имя Воскресения